

Д.М. Магомедов, И.И. Эфендиев, П.Б. Шахбанова

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗАЛОГОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКАХ**

Махачкала 2024

УДК 811.22
ББК 81.2(4)
М13

Ответственный редактор
доктор филологических наук, профессор **Багомедов М.Р.**

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор **И.А. Дибиров**
кандидат филологических наук, доцент **Л.Б. Гамзаева**

Д.М. Магомедов, И.И. Эфендиев, П.Б. Шахбанова. Способы выражения залоговых отношений в разноструктурных языках. Махачкала, 2024. – 126 с.

В работе проводится исследование категории залога и той роли, которую она играет в выражении субъектно-объектных отношений в языках различной структуры: русский, аварский, французский, кумыкский, английский. Выбор языков объясняется тем обстоятельством, что морфология и семантика залога в них неравномерно изучены. Намечается различие в уровне освещения вопросов залога.

Рассмотрение истории и современного состояния теории залоговости на материале разных языков в конечном итоге позволит раскрыть ее своеобразие и в аварском языке, что составляет основную цель проводимого исследования.

ISBN 978-5-907837-88-1
DOI

© ДГУ, 2024
© Магомедов Д.М., Эфендиев И.И., П.Б. Шахбанова П.Б., 2024
© Оформление. ИП Тагиев Р.Х., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Залоговость, как правило, рассматривается в контексте строения простого предложения. Его особенности хорошо изучены в разных языках, в том числе в области общего, типологического и сравнительно-исторического языкознания. Объем литературы по синтаксису простого предложения разносистемных языков многомерен и многообразен. Перечисление названий только монографий и имен ученых, занимавшихся этой тематикой, сильно увеличит наше исследование. Отметим те проблемы, которые рассматриваются в специальной литературе по интересующей нас тематике: основные типы предложения; критерии определения главных членов предложения и их состав, семантика синтаксических связей между членами предложения, стратегия их вершинного и зависимого маркирования. Естественно, что рассмотрение каждого из перечисленных вопросов имеет огромное научное значение не только для отдельно взятого языка, но и открывает новые пути решения общих и специфических лингвистических задач.

Специфика выражения субъектно-объектных отношений в сфере залога хорошо изучена в английском, французском, русском и кумыкском языках. Здесь она постоянно анализировалась, поскольку оказалась в области влияния хорошо изученных синтаксических явлений. Тем более интересно в обзорном порядке выделить круг проблем, который отличается дискуссионным подходом к предъявлению известной тематике и сравнить их с возможным решением вопросов, возникающих при анализе залоговости в аварском языке.

В последнее время расширился круг проблем, рассматриваемых в семантике синтаксиса разносистемных языков. Он затронул спорные вопросы анализа грамматических категорий глагола и глагольных форм: вида, времени, акционсарты и залога. [Князев 2005, Падучева 2004, Kortjevskaja-Tamm 2002, Say 2005, Татевосов 2005 и др.]. Наряду с известными работами дагестанских синтаксистов [М.М. Гаджиев, З.Г. Абдуллаев, Г.П.-К. Ханмагомедов] появились монографии М.И. Магомедова, З.Л. Маллаевой, К.Р. Керимова, непосредственно касающиеся залога аварского и лезгинского языков. В них продолжены те направления исследования синтаксиса, которые были заложены А.А.Бокаревым, чья синтаксическая концепция повлияла на дагестанских ученых и привлекает их внимание в наши дни.

Среди многочисленных проблем, поднятых А.А. Бокаревым при изучении аварского синтаксиса, обращает на себя внимание категория залога. В кавказоведении популярно мнение об отсутствии залоговости в аварском языке. Между тем исследование материала убеждает, что категория залога занимает важное место в системе аварского языка. Под залогом традиционно понимают способ передачи субъектно-объектных отношений. Трудность выявления залоговых оппозиций объективно заключается в том, что категория залоговости не может рассматриваться только как грамматическая, присущая глаголу. Залог находится в пограничном пространстве между грамматикой, лексикой и синтаксисом. В.В. Виноградов считал, что залог лежит за пределами морфологии слова. [1947: 600]. Расплывчатость определенной категории залога привели к тому, что в многочисленных работах по этой теме наметились расхождения в ряде теоретических вопросов и в практическом описании материала. Например, А.А. Холодович [1970] предлагает исследовать залог сквозь призму соответствий между синтаксическими и семантическими составляющими предложения. Автор определяет конкретные схемы соответствия термином «диатеза». А.В. Бондарко [1991: 125] в свою очередь предлагает изучать залог как комплекс функционально-семантических полей, обладающих ядром и фоновыми структурами.

Крайне противоречивое содержание понятия «залог» присутствует в работах кавказоведов. Согласно одной теории в эргативной конструкции переходный глагол не может быть активным, т.е. не может принадлежать к действительному залогоу. [П.К. Услар, А.Шифнер, И.И. Мещанинов, Л.И. Жирков, Т.И. Дешериева, З.Г. Абдуллаев, М.И. Магомедов]. Противоположный тезис об активности глагола в эргативной структуре поддерживают другие ученые. [П.Финк, А.Тромбетти, Н.Ф. Яковлев, С.Л. Быховская]. Существует и третья точка зрения о нейтральности переходного глагола в эргативной конструкции. В таком случае залог оказывается не дифференцирован [А.А. Бокарев, А.С. Чикобава, С.Д. Кацнельсон, Г.А. Климов, И.М. Дьяконов].

Глагол аварского языка несет в своей форме классно-числовые показатели, координирующие с именными составляющими предложения. В силу этого обстоятельства он не может быть нейтральным в залоговом отношении, поскольку залог устанавливает соответствие между всеми членами языковой конструкции. Задача выявления об-

щих и частных закономерностей подобного соответствия на разных уровнях строения языка остается крайне актуальной.

Актуальность исследования залоговости определяется многими обстоятельствами:

а) категория залога описана на материале аварского языка недостаточно полно, в частности, не разграничены способы ее выражения в предложении и высказывании;

б) не существует сопоставительных исследований категории залога в разносистемных языках;

в) не выявлены различные способы выражения категории залога, обусловленные особенностями организации синтаксиса простого предложения в том или ином языке;

г) не разграничен метаязык описания эргативной и абсолютивной конструкции аварского предложения и метаязык описания действительного и страдательного залогов в других языках;

д) не выявлены типы залоговых оппозиций в аварском языке, не определены границы их реализации.

Попытка уточнить названные и сопутствующие проблемы при сопоставительном анализе материала обуславливает актуальность данного исследования, его гипотезу, цели и задачи.

Изучение категории залога в том или другом языке будет более эффективным, если учесть круг задач, существующих при описании подобных явлений на материале разных языков, поэтому задачами настоящего исследования являются следующие:

1. Провести сопоставительный обзор дифференциальных признаков залоговых конструкций разносистемных языков.
2. Изучить историю и современное состояние вопроса залоговости в разных языках (особенно в английском и аварском языках).
3. Выявить и описать строение залоговых оппозиций аварского языка и установить степень их соответствия строению простого предложения.
4. Рассмотреть конструкции простого предложения в типологическом аспекте в связи с проявлением категории залога.
5. Определить связи и синтаксические отношения между составляющими простого предложения и высказывания.

Исследование залоговости впервые проводится на фоне сопоставления субъектно-объектных отношений между составляющими предложения и высказывания. Залоговость рассматривается сквозь призму статики и динамики субъектно-объектных отношений в рече-

вой деятельности носителей языка. Комплексное изучение проблемы предлагается с точки зрения функционирования категории залога, особенно на материале аварского языка. Впервые сопоставляются языковые и коммуникативные способы выражения субъектно-объектных отношений в разных языках, предложена методика их описания сквозь призму членимости составляющих высказывания на ядерные и фоновые синтагмы. Впервые на материале аварского языка разграничена стратегия вершинного и зависимого маркирования составляющих простого предложения разного типа в аварском языке.

Методологическая основа работы определяется современными тенденциями включать залог в теорию контенсивной типологии как в научных, так и в дидактических целях.

Научной базой монографии послужили классические работы по синтаксису разных языков: Ф.Ф. Фортунатова, В.В. Виноградова, И.И. Мещанинова, В.А. Белошапковой, и других лингвистов. В обзоре использованы работы зарубежных исследователей (Ж.Марузо, Н.Боннар, Г.Галише, И. Дамуретте-Пихон, Ф.Бруно, и др.) по французскому языку. По кумыкскому языку мы использовали работы Н.Э. Гаджихмедова, Н.К. Дмитриева, А.Н. Кононова, Э.Р. Тенишева, С.Н. Иванова, П.И. Кузнецова и др. По английскому языку были привлечены работы таких авторов, как А.Кристал, С.Гринбаум, Г.Лух, Н.Путсма, Р.Квирк, Ж.Свартовик, С.Уайт, Т.Гивон, Ж.Н. дубуа, Л.Е. Кумпф, У.Дж. Асабуи др. По аварскому языку использовался целый ряд монографий, в том числе работы М.М. Гаджиева, М.-С.Д. Саидова, Г.Б. Муркелинского, У.А. Мейлановой, З.Г. Абдуллаева, А.Е. Кибрика, И.С. Магомедовой, М.И. Магомедова, З.М. Маллаевой и др. Существенную помощь нам оказали исследования И.И. Мещанинова, А.А. Холодовича, А.А. Бокарева, Г.А. Климова, М.М. Гухман и многих специалистов по кавказским языкам.

Приемы и методы сопоставительного анализа определены гипотезой, целями, задачами исследования и собранным материалом. Поскольку в основе практического анализа материала лежат признаки составляющих предложения, мы предпочли подход от формы к содержанию, дополнив его группировкой глаголов по лексико-грамматическим признакам. Это же направление в большинстве случаев представлено в наиболее известных специальных синтаксических исследованиях. Разработанный алгоритм анализа языковых конструкций оказался совместимым с описанием сочетаемости составляющих в высказываниях на аварском языке. Использован структур-

ный подход к анализу возможных преобразований связей и отношений между единицами языка в тексте высказывания. Для обоснования отдельных положений использовались приемы эмпирического анализа материалов разносистемных языков (в частности, залоговые конструкции в русском, французском, кумыкском, английском, и аварском языках). В меру необходимости использовались моделирование и другие методики, анализа практического материала.

В работе на материале разносистемных языков впервые проведен сопоставительный анализ залоговых оппозиций. К анализу практического материала аварского языка впервые применена стратегия вершинного и зависимого маркирования составляющих, разграниченных в предложении и высказывании. При анализе материала совмещен алгоритм преобразований составляющих предложения и синтагм высказывания, разграниченных на ядерные и фоновые.

Обзор научных направлений и всесторонний анализ материала позволил внести определенный вклад в сопоставительное изучение семантики синтаксиса аварского языка. В первую очередь выявлена специфика типов залоговых оппозиций аварского языка. Определена связь между конструированием предложения и членением высказывания на составляющие, предложено описание стратегии вершинного и зависимого маркирования составляющих при маркировании залоговых оппозиций. Полученные данные восполняют пробелы в исследовании семантики синтаксиса в дагестанских языках, что позволит обогатить методику их описания.

Результаты исследования могут оказаться полезными для обобщающего описания синтаксиса простого предложения с позиций функциональной типологии.

Методика анализа семантического синтаксиса простого предложения аварского языка применима при сопоставительном исследовании простого предложения разных языков, что особенно актуально в научных, вузовских и школьных учреждениях Республики Дагестан. Практический материал работы может быть использован как вспомогательный учителями аварского языка, работниками средств массовой информации. Материал исследования собран в существующих словарях аварского языка (толковых, школьных, фразеологических), в альманахах художественной литературы на аварском языке, в периодической печати.

В работе анализируются следующие положения:

1. Используемые для организации предложения средства неоднородны и относятся к разным уровням языка. Залог, коррелирующий со структурой простого предложения, также оказывается многомерным и не принадлежит только к грамматической категории глагола.

2. Залоговые оппозиции могут иметь разные структурно-функциональные разновидности:

а) аффиксация, связанная с морфологической координацией маркеров залоговости в глагольной форме и в падежной форме именных составляющих разных языковых конструкций;

б) оппозиция активных и инактивных конструкций с переходными и непереходными глаголами. Показателем непереходности служит отсутствие имени в эргативе при рассматриваемом глаголе в аварском языке;

в) вершинное и зависимое маркирование составляющих простого предложения, правило их вхождения в ядерные и фоновые составляющие высказывания.

г) наличие вектора направленности процесса, действия в предложениях с активной конструкцией: от субъекта (исполнителя действия) к объекту, (носителю признака или состояния);

д) если носитель признака или состояния входит в ядерную конструкцию высказывания, то он не может быть субъектом действия. Гипотеза П.К. Услара об отсутствии действительного залога в аварском языке выглядит простой и убедительной. Поэтому глаголы, выражающие состояние или вхождение в состояние, самые многочисленные;

е) существуют разные лексико-грамматические группы глаголов, коррелирующими с активными и инактивными синтаксическими конструкциями, напрямую связанными с категориями залога.

ж) аварский язык обладает словоизменительными и словообразовательными залоговыми оппозициями.

ГЛАВА I

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

§1. Общая характеристика категории залога

В рамках настоящего раздела освещены вопросы, связанные с категорией залога:

- Каковы семантические и грамматические основания для выделения залога как категории глагола?
- Каким образом семантическая структура глагольной лексемы определяет связь ее компонентов в залоговых конструкциях?

Общепринятого определения категории залога в языкознании нет. В понятие залога разными исследователями вкладывается крайне разнообразное и противоречивое содержание. До сегодняшнего дня спорными остаются: само определение категории залога, количество форм залога и их качественная характеристика, понятие семантической однородности / неоднородности форм залога, характер залоговых оппозиций и многие другие теоретические вопросы.

Традиционно залог определяется как грамматическая категория глагола, выражающая, субъектно-объектные отношения. При этом данные отношения рассматриваются как отношения между:

- субъектом действия и самим действием;
- субъектом и объектом действия;
- субъектом, объектом и действием.

С точки зрения логики субъектно-объектные отношения лишены вариативности и от замены залоговой формы сказуемого с активной на пассивную и наоборот характер отношений между субъектом действия и его объектом не изменяется. Так, если мы подвергнем рассмотрению предложения «Thehunterkilledthebear» и «Thebearwaskilledbythehunter», мы увидим, что оба предложения констатируют в действительности один и тот же факт, несмотря на различия в синтаксической организации и способе морфологического представления сказуемого. В обоих предложениях сообщается, что имело место действие, совершенное охотником по отношению к медведю. Таким образом, через какие бы залоговые формы мы не описывали **данный** факт, охотник в любом случае будет являться исполнителем (субъектом) действия, а медведь —

объектом. С этой точки зрения варианты в распределении функций в принципе невозможны.

Предположим, что исполнитель действия (субъект) нам неизвестен или неинтересен и может быть исключен из контекста. Тогда предложение примет примерно следующий вид: *The bear was killed*.

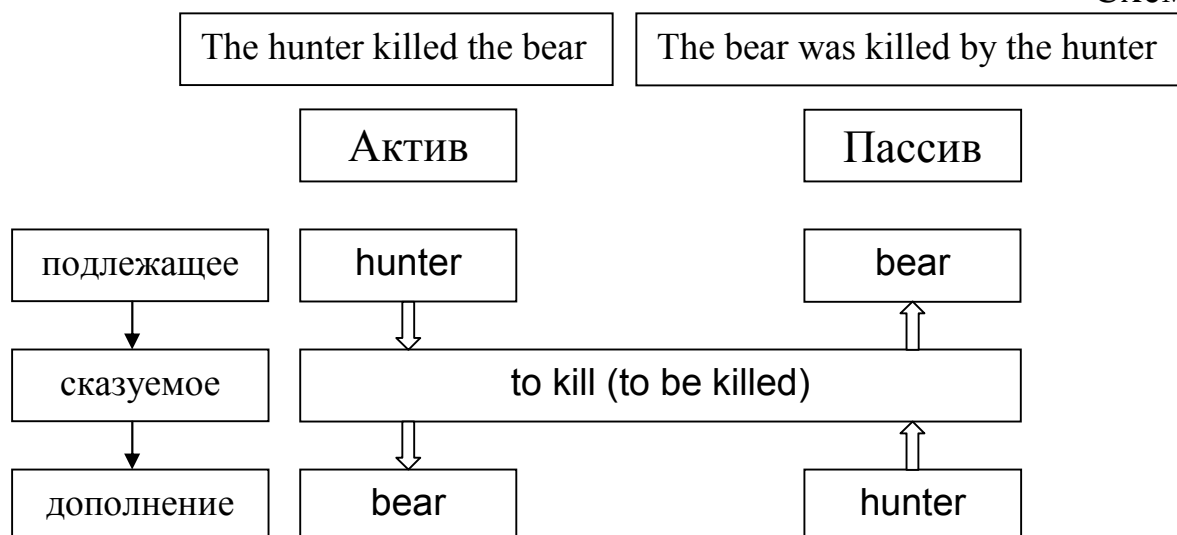
Существительное *bear* обозначает здесь **объект**, на который направлено действие, хотя объект и является при этом носителем предикативного признака (в ряде случаев эту функцию выполняет подлежащее, типично ассоциируемое с исполнителем действия), а также — в коммуникативном аспекте — и с темой высказывания.

С другой стороны, когда темой становится исполнитель действия (*the hunter*), а в реме зафиксировано сообщение лишь о действии как таковом, без указания на объект, тогда предложение будет выглядеть подобным образом:

The hunter killed, что может обозначать и «*the hunter performed an act of killing*», и «*the hunter used to kill*». В этом предложении подлежащее «*the hunter*» выражает **субъект** действия, то есть его непосредственного исполнителя.

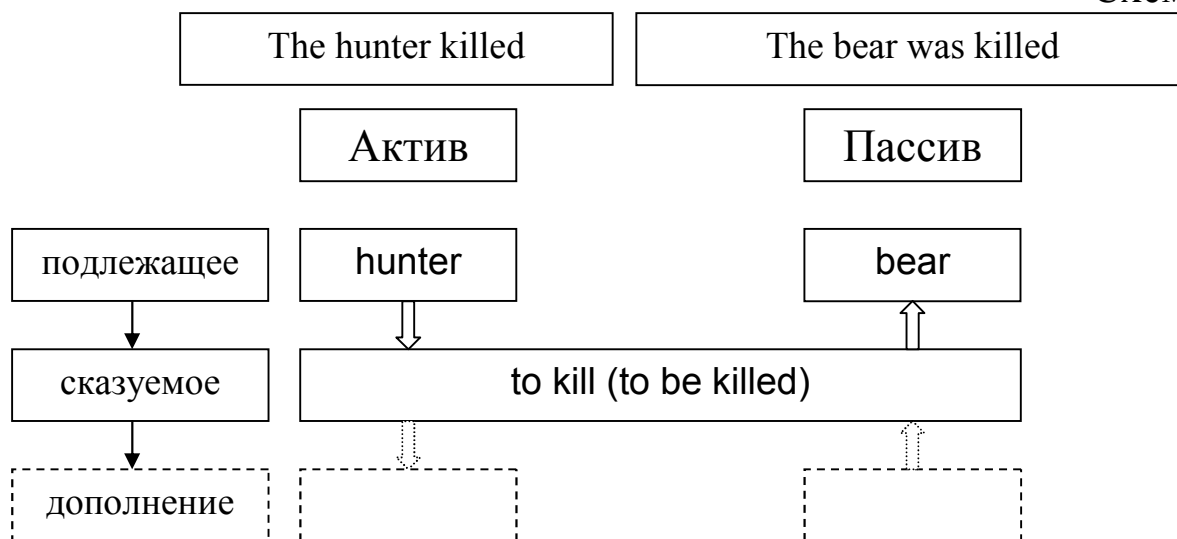
Мы подходим к базовому противоречию между логической и синтаксической направленностью действия, которое составляет основание категории залога. Другими словами, грамматическое подлежащее и субъект действия тождественны лишь в активной конструкции, где вектор действия (субъект → предикат → объект) и синтаксический вектор (подлежащее → сказуемое → дополнение) выступают как одинаправленные. Соответственно, при пассивной высказывания они противоположены (см. схему 1).

Схема 1.

С незначительными изменениями эта схема оказывается справедливой и для рассмотренных выше нераспространенных предложений «Thebearwaskilled» и «Thehunterkilled»:

Схема 2.

Таким образом, выделение залога как грамматической категории глагола, раскрытие ее сущности возможно лишь в ходе сопоставления семантики субъектно-объектных отношений со средствами их выражения в языке. Противонаправленный характер связи между элементами действительных и конструкций подтвержден на морфологическом уровне залоговых форм: tokill — tobekilled, из которых форма залога является немаркированной, а форма страдательного залога (маркированный член оппозиции) представлена сочетанием вспомогательного глагола tobe и причастия II знаменательного глагола в английском языке.

Возможность залоговых преобразований определяется прежде всего семантикой глаголов. Например, формы пассива характерны для динамических предельных (терминативных) глаголов, то есть для тех глаголов, которые обозначают действия субъекта по отношению к объекту, направленные к пределу и исчерпывающие себя с его достижением, имеющие следствием наблюдаемые результаты:

➤ e.g.: to kill, to shut, to destroy, to purchase.

Напротив, нулевыми потенциями пассивного преобразования обладают так называемые глаголы «недействия» (статические глаголы), обозначающие различные состояния, отношения, проявления качеств и свойств и т. д.:

➤ e.g.: to remain, to cost, to belong,

и субъектные глаголы, то есть глаголы, обозначающие действие, не выходящее за пределы сферы субъекта:

➤ e.g.: to shine, to blossom, to come.

Категория залога тесно связана с категорией переходности/непереходности (транзитивности/интранзитивности) глаголов. В плане значения обе эти категории выражают отношения в системе «субъект-предикат-объект», и способность глагольной лексемы участвовать в залоговых преобразованиях во многом зависит от такого элемента ее семантики, как переходность /непереходность.

Категория переходности/непереходности отражает в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия / отсутствия у него прямого дополнения: *Themaniswriting(vt) aletter* — *Themanissitting(vi) atthetable*; в узком понимании — характер значения глагольной лексемы, требующей или не требующей дополнения: *toread, tobuild* (прямое дополнение обычно присутствует или подразумевается) — *tosit* (прямое дополнение невозможно).

Строение залога каждого языка «переплетает» морфологию, синтаксис, и понятийные категории, не всегда прозрачно разграниченные в его системе. Уточним понятийный аппарат, который широко используется лингвистами при выделении в языке средств выражения корреляций между формой и содержанием залога.

Словарь О.С. Ахмановой [ЛСТ 1966: 152] использует как равноправные несколько определений:

➤ залог — это грамматическая форма глагола;

➤ лексико-синтаксическое значение одного из подразрядов (русских) глаголов;

➤ категориальное значение глагола.

Кроме того, в словаре [ЛЭС] фиксируется, что категориальная форма залога может быть морфологически исходной и морфологически производной. Когда речь идет о грамматической форме слова, то словосочетание <форма действительного/страдательного залога> воспринимается вполне корректно. Если речь идет о выражении разновидности синтаксических отношений, то языковая форма принадлежит предложению в целом. В его составе залог получает определение грамматической и/или понятийной категории. Широкий смысл словосочетания <языковая категория> объединяет группу элементов с одинаковым значением какого-либо признака, например, категория переходности/непереходности глаголов. Значение признака, не обусловленное контекстом, постоянное для языковой единицы, является классифицирующим, как и сама категория для некоторого лексико-грамматического разряда слов, а возможно и для класса глагольных словоформ в целом. В языкознании традиционно выделяют категории понятийные и языковые. Наиболее изученным типом языковых категорий являются грамматические. Грамматическая категория имеет характерные черты:

- признак категории причастен к синтаксису;
- имеет регулярный способ выражения.

Грамматическая классифицирующая категория присуща слову в целом, а модифицирующая допускает преобразование форм слова, не нарушающее его тождества. К какому типу принадлежит категория залога? П.А. Соболева [1982: 96] предположила, что ответ на этот вопрос может быть неоднозначным. Он требует дополнительного исследования семантики синтаксиса. Синтаксис связан со структурой мышления. Логические и коммуникативные аспекты синтаксиса выделены в понятийные языковые категории. Они универсальны в том смысле, что выступают как основа сводимости описаний разносистемных языков.

В концепции А.В. Бондарко в языке понятийные категории охвачены функционально-семантическим полем. Так, понятийное поле акциональности соответствует грамматическим категориям глагола. Среди акциональных понятийных категорий выделяют аспектуально-темпоральные, модально-бытийные и акционально-актантные. Акционально-актантные понятийные категории образуют функционально-семантическое поле залоговости, которое базируется на состоянии диатез: активность/стативность, переходность/непереходность, реф-

лексивность, взаимность и т.д. они несут разные слои информации залоговости, интерпретация которой исследователями разнообразно и порою противоречива.

Концепция залоговости отличается по нескольким параметрам:

- определение категории залога;
- количество форм залога;
- однородность/неоднородность залоговых оппозиций;
- охват глагольными оппозициями глагольной лексики.

Определение залога может быть семантическим и синтаксическим. Семантическое определение формы залога выражает отношение:

- глагольного действия к его субъекту [Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, Р.О. Якобсон];
- глагольного действия к его субъекту и объекту [А.А. Потебня, А.А. Шахматов].

Это предусмотрено синтаксической структурой предложения [ГФГ 1991: 126]. Синтаксическое определение основано на разграничении исходного и неисходного употребления залога [А.В. Исаченко, Е.В. Падучева]. Совместное семантико-синтаксическое определение залога ориентируется на два уровня:

- отношение глагольного действия к его субъекту;
- отношение между глаголом, подлежащим и дополнением [А.О. Моисеев].

Формы залога могут объективно отражать одно и то же отношение между субъектом и объектом, однако при каждой форме залога субъект и объект выражаются разными членами предложения. [Э.И. Королев].

Характеристики форм залога различаются количественно (от четырех до двух) и качественно. В концепции, выделяющей только действительный и страдательный залог, обычно учитывается категория переходности/непереходности глаголов. Форма страдательного залога реализуется лишь у непереходных глаголов.

Семантика залоговых форм. Определение залоговых форм и их характеристика во многом обусловлены концепцией исследователей. Так, Ф.Ф. Фортунатов насчитывал пять залогов (вектор: действие → субъект действия). В.В. Виноградов выделил 15 форм залога (вектор: субъект ↔ действие ↔ объект). По Фортунатову все формы залога семантически однородны, по Виноградову — формы залога семантически неоднородны. Грамматическая категория залога, признанная

семантически однородной, не допускает в одной и той же глагольной словоформе наличие реципрока, каузатива и др. Основной формой существования залоговости признается в паре единиц актив-пассив.

А.В. Бондарко предложил свое восприятие поля залоговости в славянских языках, в основном в русском. По концепции автора ядро поля залоговости образует оппозиция активных/неактивных глагольных конструкций. Соответственно, носитель глагольного признака определяется как субъект или как объект. Невозвратные глаголы несут признак активности, пассивность выражена страдательными причастиями. Периферию поля составляют возвратные/невозвратные глаголы, переходные/непереходные глаголы, предельные/непредельные глаголы и отдельные лексико-грамматические разряды глаголов (например, длительность). При построении текста говорящий употребляет иерархическую программу использования языковых конструкций и словоформ. В фокус сообщения ставится в первую очередь центробежный и центростремительный процесс. [Гухман 1964]. Согласно мнению автора центробежный процесс навязывает выбор сказуемого, при котором может быть только активный партиципant (подлежащее). Подлежащее при этом выражает тему, а сказуемое — рему сообщения. Если построение сообщения имеет программу центростремительного процесса, то сказуемое становится темой сообщения. При таком сказуемом возможен инактивный партиципant, т.е. подлежащее, а пациенс становится ремой сообщения.

В характеристику залоговости оказываются «втянуты» морфология, синтаксис и дискурс. В силу их функциональной взаимозависимости выделение механизма организации залоговости чрезвычайно затруднительно. Традиционно механизм организации залоговости рассматривался сквозь призму отношений между языковыми категориями и структурой языковой логики. В наши дни универсальность функций языковых единиц обосновывается всеобщностью строения деятельности носителей языка. [Брендаль 1943: 9-12]. Идея универсальности ситуаций стала основной. Ведущий путь синтаксический исследований пролегал через сравнение языковых конструкций, соотносимых с одной и той же внешней ситуацией. [Гак 1969: 82-83]. Сочетание прежнего языкового опыта и новых ситуаций формирует парадигматические ряды предложений одного языка. Конвертируемость предложений одного языка, описывающих разным образом одну и ту же ситуацию, исследовал Т.М. Ломтев. [Т.М. Ломтев 1969]. В.И. Гак

описал операции изменения конфигурации актантов, а Т.М. Ломтев назвал эти операции конверсией отношений между предложениями с разным распределением актантов.

Наконец, А.А. Холодович, обратившись к изучению предложений с одинаковым семантическим содержанием, разграничил описание в них синтаксического уровня и семантического уровня. При этом указание соответствия элементов одного уровня элементам другого уровня А.А. Холодович обозначил термином **залог**. [А.А. Холодович 1979: 286 и др.]. Термин «соответствие» автор поясняет следующим развернутым примером. Глагол «промахнуться» в русском языке описывает ситуацию с четырьмя участниками: «кому-либо не попасть чем-либо во что-либо (из-за чего-либо)». Нельзя глагол употребить с названием объекта: промахнуться в окно; не говорят «промахнуться камнем», или «у меня камень промахнулся», или «у меня рогатка промахнулась». Можно назвать только субъект действия: «я промахнулся».

А.А. Холодович приводит таблицу соответствия между обозначением *семантическим языком* участников ситуации (субъект, объект, средство, орудие, адресат, исходная точка и т.д.) и обозначением *синтаксическим языком* элементов языковой структуры, т.е. членов предложения (подлежащее, прямого или косвенного дополнения и т.д.). Таблица соответствия в разобранным автором примере с глаголом *промахнуться* выглядит следующим образом:

Таблица 1

субъект	объект	средство	орудие
подлежащее	–	–	–

Язык описания соответствий в принципе универсален, а исчисление схем соответствия -диатез- конечно. По мнению автора, схемы соответствий эквивалентны термину *залог*. Диатезы для трех участников ситуации и трех членов предложения описываются количественно как 34 залога в глаголе. Обратим внимание на то, что диатеза претендует на универсальную схему, исчисляющую все возможные залогов во всех возможных языках мира. А.А. Холодович нигде не приравнивает объем значения диатезы и залога. Весь текст автора позволяет заметить, что схема соответствия (диатеза) реализуется в предложении [А.А. Холодович 1979: 284], а залог — это диатеза, грамматически маркированная в глаголе. По определению А.А. Хо-

лововича диатеза — это чисто понятийная категория, она не зависит от грамматических категорий единиц, наполняющих предложение. Ее необходимым признаком является автономная позиция каждого члена предложения.

Так в предложении «Thehunterkilledthebear» активная форма глагола «tokill» имеет следующие связи: слово «hunter»(субъект действия) занимает позицию подлежащего, слово «bear»(объект действия) занимает позицию прямого дополнения.

В языках флективного строя (например, в русском), ведущая роль в грамматической организации предложения принадлежит формирующим аффиксам, а не порядку слов, как в английском языке. Поэтому в соответствующем русском предложении «Охотник убил медведя» активная форма глагола «убить» имеет диатезу: «охотник» (субъект действия) выступает в именительном падеже и занимает позицию подлежащего, «медведь» (объект действия) выступает в винительном падеже и занимает позицию прямого дополнения. В предложении «Медведь был убит охотником» пассивная форма глагола «убить» имеет другую диатезу: «медведь» (объект действия) выступает в именительном падеже и занимает позицию подлежащего, «охотник» (субъект действия) выступает в творительном падеже и занимает позицию агентивного дополнения.

Пример подтверждает невозможность адекватного описания залоговых оппозиций без учета семантики глагола и его синтаксических свойств, которые по-разному представлены в словаре языка и в тексте высказывания.

А.А. Холодович специально выделил пути и способы указания в словоформах глагола соответствия элементов синтаксического и семантического уровня. Это могут быть:

- 1) образование специального знака, флективное, синтетическое (аффикс), аналитическое (аналитическая форма);
- 2) преобразования знака, модификационные, конверсионные.

Примеры:

- строить — строить + ся, быть построенным;
- купить шапку — шапка куплена;
- не перейти реку — река непроходима.

Реальное число залогов (34) не реализует ни один язык. Нельзя говорить, что диатеза порождает залог. Между тем, классическое определение залога либо отрицает принцип соответствия, либо не обращает на него внимания, ограничивая семантику залога отношением

действия к субъекту. [Марузо 1960, Илия 1979]. Глагол оказывается изолированным от других элементов фразы. Только залог определяет роль глагола по отношению к связям между субъектом и объектом, когда возникает два различных способа восприятия одного и того же события. Так, *ругать* и *ругаться* описывает одну и ту же ситуацию, выражая отношение между формами одного и того же глагола. Морфология глагольного слова предполагает вслед за диатезой рассмотрение таких проблем, как:

- 1) залог и падеж;
- 2) залог и каузатив;
- 3) залог и переходность/непереходность глаголов;
- 4) залог и эргативная конструкция.

А.А. Холодович считал проблемой номер один выбор залога говорящим. Изменение залога не меняет смысл ситуации. В связи с темой и ремой меняется только смысл глагола. Разница между глагольными формами в разных залогах является синтаксической. Мы всегда знаем, как организовать залог, но не всегда можем обосновать селекцию и ограничения на использование залога. По мнению А.А. Холодовича тут все надо начинать от нуля, в частности, от доминанты предложения. Если признать, что в предложении доминирует сказуемое, то подлежащее понижается в ранге и становится в один ряд с дополнением и обстоятельством, что не совсем верно. Обстоятельство — сирконстант по Теньеру [1959], а подлежащее и дополнение — актаны. Они образуют оппозиционную пару, которую А.А. Холодович называет оппозицией инверсии. С этой оппозицией связана морфологическая маркировка залога (актив — пассив), контакта (каузатив/антикаузатив). Сказуемое противоположено паре подлежащее — дополнение, что подтверждает взгляд на залог как на способ выражения субъектно-объектных отношений в контексте высказывания.

Изложенные взгляды А.А. Холодовича ведут, по сути, к двухпонятийной теории залога, предусматривая:

- 1) лексико-грамматическую характеристику глагола как единицы словарного состава языка;
- 2) семантико-синтаксическую характеристику глагольных форм как компонентов структуры предложения.

В первом случае интерпретация залога тесно связана с исследованием валентности лексико-грамматических групп глаголов в связи с категорией переходности/непереходности (теория Л.Теньера), во втором случае интерпретация залога ставится в зависимость от

исследования активных/инактивных конструкций языка в связи с семантикой синтаксиса.

Названные проблемы наряду с другими живо обсуждались во время конференций, специально посвященных проблемам залога в 80-х годах прошлого столетия.¹ Большинство участников дискуссии сошлись во мнении, что залоговость выражается глагольными словоформами, т.е. залог обслуживает лексико-семантические варианты слова. Встает вопрос следующего плана: что является ведущим у ряда грамматических форм глагола — семантика или синтаксис? Какая оппозиция глагольных форм является ведущей в сфере залога?

В значительной степени основываясь на анализе семантики субъектно-объектных отношений, универсальная концепция залога оказывается тесно связанной с теорией так называемых глубинных падежей (Ч. Филмор, У. Чейф и др.). Падежная («ролевая») грамматика — основа теории — это метод описания семантики предложения как системы валентностей, через связи «главного глагола» с ситуационными ролями, которые исполняют составляющие в тексте высказывания.

Краткий итог общей характеристики категории залога заключается в следующем.

1. Залог — это категория глагола, основанная в семантическом плане на возможности несовпадения логической (субъект → предикат → объект) и синтаксической (подлежащее → сказуемое → дополнение) направленности действия. На морфологическом уровне категория залога представлена формами действительного и страдательного залога (актив — немаркированный член оппозиции, пассив представлен аналитической формой — например, в английском языке, сочетанием вспомогательного глагола *to be* и причастия *Present Participle* знаменательного глагола). Категория залога непосредственно связана с категорией переходности/непереходности глаголов, хотя в современном языке нередки случаи, когда эта связь представляется относительной. Для сопоставления неоднородных залоговых форм в различных языках используется универсальное понятие диатезы — соответствие между ролями компонентов глагольной лексемы и выражающими их членами предложения.

2. Категория залога с точки зрения ее формальной организации достаточно полно описана во многих языках. Спорным остается ис-

---

¹ Проблемы теории грамматического залога. —Л. 1978: - с. 287.

следование категориального статуса залога и его места в грамматической системе разных языков.

3. Интерес к категории залога объясняется новыми идеями системной организации залоговых форм в разнообразных языковых конструкциях, что связано с разноуровневой принадлежностью отношений между компонентами высказывания и составляющими предложения.

Переходим к описанию залоговости в разных языках, сравнивая основные направления анализа глагольных форм и специфические вопросы, возникающие при характеристике глагола в разносистемных языках.

§2. Категория залога в русском языке

В современном русском языке тесно связаны в глагольных формах категории вида, залога, способа действия. Категория залога ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова. В традициях русской грамматики является тенденция устанавливать и определять залог глагола в контексте предложения. Несмотря на давние традиции (от грамматики Ломоносова) в учении о залоге много неясного. Речь идет и о схеме залогов, об объеме и грамматическом содержании залога.

В грамматиках XIX века выстраиваются те же ломоносовские залогов: действительный, возвратный, средний, страдательный, общий. Авторы русских грамматик (А.Ростоков, Г.Павский, Ф.И. Буслаев, К.С. Аксаков и др.) обсуждали не только отношения между залогом, но и способность залоговых форм делать глаголы непереходными (Г.Павский), заменяя синтаксическую природу залоговости. Распутать вопрос о залогах русского глагола не удалось. Удалось продемонстрировать на конкретных примерах взаимозависимость морфологии, лексики и синтаксиса в сопоставлении грамматических залоговых форм. [В.В. Виноградов 1947: 618-639].

В.В. Виноградов называет историческим зерном категории залога оппозицию активных и пассивных оборотов, отмечая, что этот грамматический центр несет черты распада, поскольку все чаще возникает потребность выразить разнообразные связи между субъектом сообщения и реальным производителем действия: *подвал затоплен – подвал затопило водой*. Обороты, не поддержанные творительным

лица или предмета, все больше уходят в категорию состояния. Пассивность характеризует не столько действие, сколько ситуацию состояния.

Классификация глаголов по их синтаксическим свойствам дополнена в теории залога классификаций глаголов по переходности/непереходности. Отметим, что в общем плане обе классификации выходят далеко за пределы категории залога.

Вопрос о переходности/непереходности глаголов нуждается в дополнительных исследованиях, хотя в теории залога многое нашло свое положительное решение. Так, например, переходность отмечена у тех глагольных форм, которые могут сочетаться с винительным объекта без предлога: *читать книгу*. Винительный беспредложный употребляется по преимуществу, но возможны и другие падежи с предлогом и без него: *руководить офисом, быть без ума* и т.п.

Подобные образования обладают специфической чертой: они сочетаются с именительным существительного не в значении субъекта действия. Так, *руководимый коллектив, написанная книга* представляют сочетания, в которых обозначен объект ситуации. Иной фрагмент ситуации, предшествующей данному, обозначает только субъект действия: *человек*, руководящий коллективом; *брат*, пишущий книгу. Такой же особенностью обладают и фразы типа *трубагнется слесарем, улица освещается фонарем*. Именительный существительного указывает на субъект состояния (*труба гнется*), но не имеет значения субъекта действия (ср.: *слесарь гнет трубу*).

Можно утверждать, что образования с именительным существительного без значения субъекта действия, относятся к страдательному залогу (*написанная книга*). Образования с именительным существительного, обозначающего субъект действия, относятся к действительному залогу (*брат, пишущий книгу*). Таким образом, в оппозиции действительный/страдательный залог маркированным оказывается страдательный. Действительный залог не обладает сочетанием признаков, указывающих на страдательный залог. Залоговость разграничивает сочетательные свойства глагольных форм одной и той же словарной единицы. Категория залога, обслуживаемая лексико-семантические варианты одного слова, выступает в качестве словоизменительной. [СРЯ: 481]

Между тем вопрос о разграничении связей между вариантами значения одного слова и вариантами разных залоговых значений отдельных слов остается очень запутанным. Например: катать детей —

колесо катится. Первый глагол называет действие по отношению к его субъекту. Два однокоренных глагола не являются противопоставленными чисто по формам действительного и страдательного залога. Здесь мы имеем дело с разными словообразовательными показателями, локативными: катиться *по...* и квантитативными: катать *всех* сразу. (ср.: *засиживается на работе — засиживается мухами*). Залоговость в глагольном слове все глубже выделяется в сферу лексики, продолжая влиять и на его морфологию, и на сочетаемость с другими компонентами предложения. В наши дни теория залога оказалась связанной с двумя направлениями исследования: способ действия, актантная рамка события [Kratzer 2003, Dowty 1979] переходность и антипассив. [Падучева 2004, DuBois 2003, 2004. Норман 2004 и др.]. В первом случае залоговость связана с распределением глаголов по акциональным классам (процесс/состояние). Во втором случае речь идет о параметрах переходности, связанных с парой (эргативная конструкция — антипассив) как один из способов детранзитивации. И в одном, и в другом направлении ученые остаются в рамках исследования преобразований формы и содержания языкового знака в синтаксисе и в словарном составе языка.

§3. Исследование категории залога во французском языке

Исторически сложилось так, что на материале французского языка залог признан формой залога. Выражая роль субъекта действия, глагол принимает форму активного или пассивного залога. Активный залог указывает, что субъект выполняет действие. У глагола один вектор направленности события — от субъекта к действию:

Le maître parle <учитель говорит> — *L'élève écoute* <ученик слушает>.

[Grevisse 1969: 566]

Пассивный залог указывает, что субъект испытывает действие. Вектор направленности события — от объекта к действию:

L'élève est instruit par le maître <ученик обучен учителем>

Смысл события уточняется как «нисходящий»:
субъект → процесс → объект (активный залог)

Le maître parle, l'élève écoute

или как «восходящий»:

объект → процесс → субъект (пассивный залог).

L' élève est instruit par le maeître

Можно заметить, что выражение залога во французском языке лишено однородности и не ограничено только рамками глагольных форм. Необходима ориентация на контекст, которым окружен глагол, чтобы правильно воспринять центробежное или центростремительное развитие события с точки зрения субъекта или объекта.

Процесс имеет временную протяженность, уточненную категориями времени и аспекта в глагольной форме. Они недостаточны для того, чтобы установить связь между глаголом и другими единицами в тексте сообщения. Для этого нужна категория залога. Она помогает глаголу распределять во времени и пространстве субъект и объект события, один относительно другого. [Galichet 1967]. Грамматические индикаторы отношений между предикатом, его субъектом и объектом различны у каждого залога. В глагольных формах это может быть префикация, выбор различных вспомогательных маркеров. [Divois 1973].

В 80-х годах прошлого столетия, когда в научный обиход вошло понятие диатезы, взгляды ученых на проблему залога во французском языке изменились, поскольку стала ясна необходимость ориентации не только на синтаксику глагола, но и на его смысл.

В первую очередь было обращено внимание на то, по смыслу глаголы могут быть прямо переходными и косвенно переходными, переходными и непереходными. Классы глаголов предопределяют семантику категории залога в тексте сообщения. Так, во фразе

Les vagues rongent la falaise <волнаразрушают скалы>

глагол ronger является прямо переходным в конструкции с активным залогом. Только прямо переходной глагол может присутствовать в конструкции с переходным залогом:

La falaise est rongée par les vagues <скаларазрушается волнами>. [Grammaire Larousse 1936: 312].

Грамматика свидетельствует, что конструкции с прямой или косвенной переходностью не различаются по смыслу у некоторых глаголов. Вот примеры:

Pardoner une offense   Pardoner à ses ennemis
<простить оскорбление>   <простить своих врагов>

Некоторые глаголы французского языка всегда употребляются с предлогом перед дополнением:

S'adresserà<обратиться к ...>, consentirà<согласиться на что-либо, с чем-либо>. История французского языка показывает, что некоторые глаголы меняют конструкции употребления. Так, *obeirquelqu'un* сделало возможным пассивный залог:

Quandvouscommendrez, vousseriezobéi. [Racvhe].

Порою по смыслу глагол не может иметь дополнения и определяется как непереходный:

Le chat dort <кошкаспит>.

Порою нет необходимости указывать по смыслу переходного глагола на объект действия:

L'hommeproposeetDieudispose<человек предполагает, Господь располагает>.

Развитие французского языка шло так, что лексико-грамматическая категория транзитива/интранзитива не вносила особую значимость в его строение. [Gesnière1959]. Понятие пассива легко совмещается с понятием «состояние», благодаря использованию вспомогательного *etre*<быть> в аналитических глагольных формах. Так, Ф.Брюно приводит интересный пример и комментарий к нему, который заслуживает особого внимания:

La source des longs entretiens etait tarie <ресурсдолгихпереговоровисчерпан>.

Если ресурс исчерпан внешней силой, то имеет место пассивная конструкция, если ресурс исчерпансам по себе, то в тексте имеет место активная конструкция. [Brunot 1965: 336].

Сравним две фразы:

1. *L`arbrea été déracinéparlatempête*<деревоисломленобурей>, (пассивныйзалог);
2. *Latempêtedéracinaitlesarbres*<буряломиладеревья>, (активныйзалог).

Пассив выделяет результат, завершенность события. Актив подчеркивает протяженность события во времени, сам процесс:

Присвоим номера участникам события:

1. *L`arbre* <дерево>;
2. *déraciner* <ломать>;
3. *la tempête* <буря>.

В тексте выделим две синтагмы: 1 ← 2 и 2 ← 3. Как связаны по смыслу обе фразы? Очевидно, событие предшествует результату при описании процесса. Тогда в примере (2) каждый шаг образования ак-

тива можно показать как последовательную связь во времени между компонентами двух синтагм в примерах (2) и (1):

Схема 3.

Образование актива

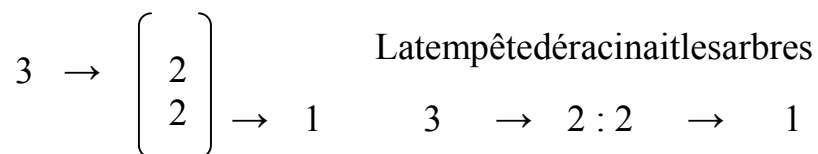
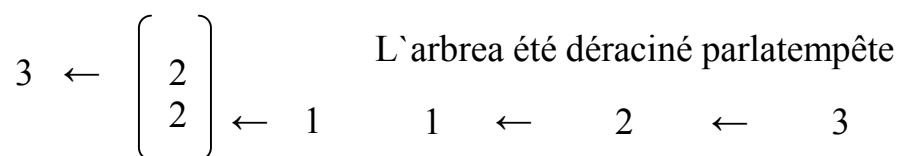

Схема 4

Образование пассива

Что меняется в схемах? Меняется не темпоральность, распределенность процесса во времени. Меняется способ указания на пространственно-временную соотнесенность события. Покажем это схематично, изобразив символом [2:2] момент смены направленности яреального события.

Залоговость: представление пространственно-временной последовательности события

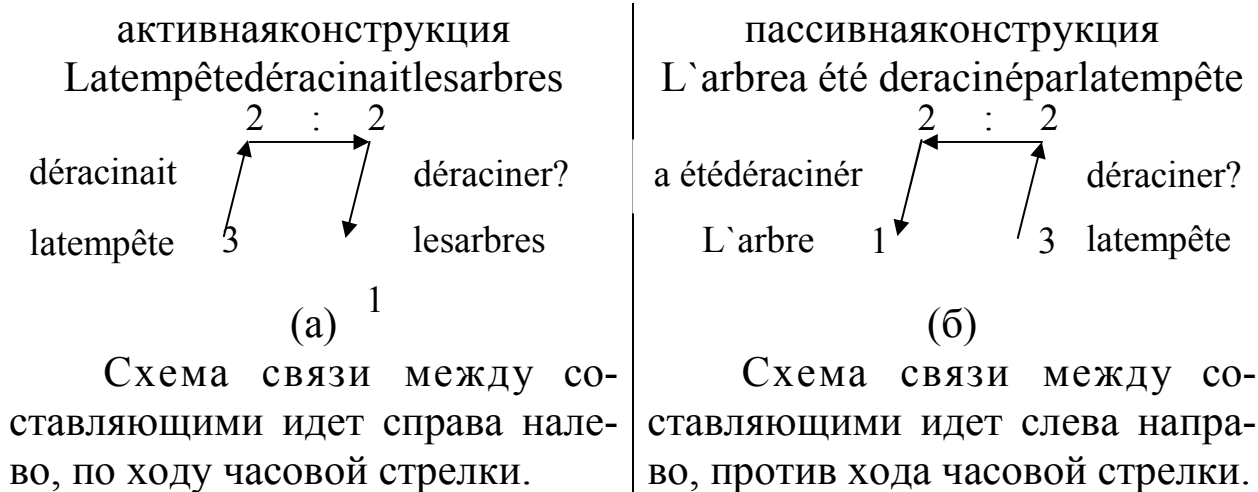
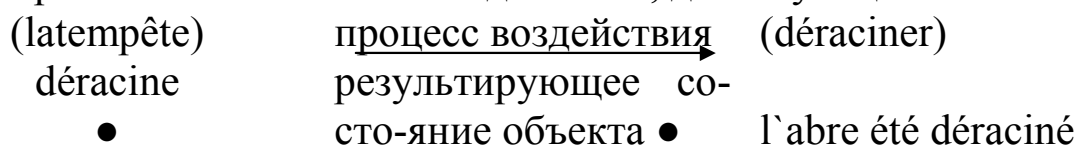
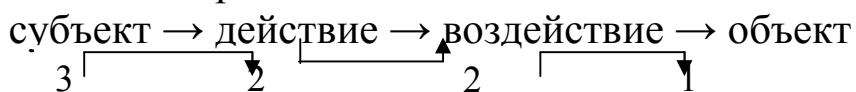

Схема направленности действия в случаях (а) и (б) проходит в форме глагола. Предполагаем, что это не аспектное, а залоговое преобразование. Меняется не время действия, не указание на завершенность события, а сам способ представления отношений между явлениями реальности: внешнее воздействие, действующая сила

Очевидно, связь между двумя конструкциями (актив-пассив) является для французского языка средством отобразить через последовательность знаков пространственно-временную сопряженность двух разнонаправленных процессов:

Очевидно, смена временных глагольных форм служит средством преобразования залоговых отношений во французском языке.

Анализируя материал французского языка нельзя не обратить внимание на различие в значимости причастных форм глагола. Сравним:

- une mode passée <устаревшая мода>; ((признак явления)
- une mode abandonnée <забытая мода>. (результат действия)

[Mauger 1968: 289].

В примере сопоставлены пассив действия (passer) и пассив результата (abandonner). Формы глагола в тексте «шифруют» последо-

вательную смену его смысла (две разные фазы процесса: действие и/или воздействие).

Порою «актив» сочетается с непереходной конструкцией, а «пассив» с с переходной конструкцией:

- Des oeufs pourris (qui ont pourri) <протухшие яйца>;
- Des **euf battus (qui ont été battus) <разбитые (кем-то) яйца>.

Только распределенность порядка следования событий во времени позволяет установить смысл активных и пассивных залоговых конструкций во французском языке. Более того, А.Соважо приходит к выводу, что во французском языке нет пассивного залога, так как нет регулярных оппозиций активных и пассивных конструкций, выделяемых исследователями французского языка [Sauvageot 1962], особенно если сравнивать употребление нефинитных форм глагола, инфинитива и причастия [G**esnière 1959: 245]:

- Unhometraqué <измученный человек>;
- Unefemfefatiguée <усталая женщина>.

Во французском языке не имеют пассива непереходные глаголы: *iltousse* <он кашляет>, возвратные глаголы: *il se vante* <он хвастается>. Иногда возвратная форма может подчеркнуть пассивность в смысле глагола:

- Unhomes`estrencontré <встретился один человек>.

Подобная конструкция позволяет не выражать субъект исполнителем действия.

Рассмотренные факты позволяют принять и разделить точку зрения, которую сформулировал Вандриес:

«...le passif n'est presque jamais l'inverse de l'actif. Il s'introduit d'ordinaire dans le passif une notion spécac (spéciale) qui en modifie le caractère». [Vendryes 1950: 122].

§4. Исследование залога в кумыкском языке

Все кумыкские глаголы охвачены категорией залога, при этом действуют определенные ограничения. Все формы залога есть у переходных глаголов, а понудительный, взаимный и страдательный — только у непереходных.

Отметив, что кумыкскому языку не свойственно противопоставление действительного (основного) и страдательного залога, поскольку предмет обозначает действие и состояние как процесс. Их разгра-

ничество зависит от контекста: кант этмек <стучать>, но: танкъ этмек <стучаться>. Передача страдательного значения становится затруднительной. Пять залогов кумыкского языка охватывают только переходные глаголы. Глаголы действительного (основного) залога образуют страдательный залог и возвратно-средний. Поскольку основной залог имеет формальную и смысловую соотносительность с другими залогами, он признается как самостоятельная категория. [Ольмесов 2000: 161]. Эту точку зрения разделяют не все ученые. Возражение сводится к тому, что форма действительного залога не имеет регулярных показателей. [Гузеев 1984: 60, Гаджихмедов 2000: 157]. Очевидно, описание залоговых оппозиций зависит от выбранной теоретической концепции. Наличие действительного залога трудно доказуемо в формах барамак <иду>, гелдим <пришел>, т.к. у них нет прямых залоговых показателей. Тем не менее, такие формы можно признать нулевыми по семантике залога, поскольку необходимые показатели есть в других формах, в частности в конструкциях актива и пассива. Конструкция актива нисходящая: глагольный признак исходит от субъекта. Конструкция пассива восходящая: глагольный признак направлен на объект. Сравним:

актив	пассив
уста уьйню (уьй) кьура <мастер строит дом>; охуьчу муаллимни сьое <ученик любит учителя>.	уьйню уста эте <дом строится мастером>; муаллимни сьое охуьчу <учитель любим учеником>.
Носитель глагольного признака (уста <мастер>, охуьчу <ученик>) выражается формой им. падежа. Объект стоит в форме винительного падежа.	Пациенс глагольного признака (уьйню, муаллимни) стоит в форме винительного падежа. Агенс действия выражен формой им. падежа.

Для кумыкского языка конструкция пассива не характерна. Залоговые отношения передаются разными способами: отыменными и отглагольными (словообразование), глаголами в начальной или залоговой форме (словосочетанием), синтаксическим способом (вторичный глагол + вспомогательный глагол), описательно.

Кумыкский язык тесно связывает деление глаголов на переходные/ непереходные с категорией залога. Прежде всего глаголы раз-

граничены своим лексическим значением: охумакъ <читать>, гёрмек <видеть> являются переходными. При них допускается прямой объект в винительном падеже:

- китапны охумакъ <книгу читать>;
- муаллим китапны охуй <учитель читает книгу>.

Непереходные глаголы: кьыдырмакъ <гулять>, юхламакъ <спать> не имеют формальных различий с переходными. Для глаголов кумыкского языка категория переходности/непереходности не может быть установлена формально, но только на основании семантики целого, так как аффиксы глаголов кумыкского языка не маркируют ту или иную категорию глагола изолированно от остальных. [Дмитриев 1940: 134]. Так, показателями переходности/непереходности можно признать и аффиксы залога. Переходность/непереходность конкретного глагола определяется значением понудительного залога. Например, юхла <спи> (непереходный), но: юхлат <заставь спать> (переходный). Порою семантика залога в этом плане оказывается решающей, особенно в типичной ситуации реципрока. [Недялков 1991: 216]. Например:

- анасы да кьызы да кьучакълашдылар.

Взаимно-совместное значение формы на *-ие* указывает на участие в процессе взаимозаменяемых субъектов и объектов (анасы да кьызы да → кьучакълашдылар → анасы кьызын кьучакълады → кьызы анасы кьучакълады).

Во многих исследованиях тюркского залога у формы на *-ие* подчеркивается наличие медиального значения [Севортян 1962: 502-506, Гузеев 1990: 48 и др.]. В контексте оно подчеркнуто местоимением взаимности бир-бирин <один другого>: олар кьучакълашдылар <они обнялись> = олар бир-бирин кьучакъладылар <они обняли друг друга>. Сравнение пары конструкций позволяет заметить, что морфологический реципрок обозначает конситуацию идентичных действий, параллельных во времени реализации.

В кумыкском языке формы страдательного залога несут аффиксы *-ьел/ын*: шагьаргъа кёп халкъ жыйылгъан <в городе собралось много народа>. В глагольной форме закреплено отношение между явлением и объектом прямого воздействия. Залоговая форма сигнализирует о том, что к событию имеет отношение пациент, но не агент. Сохраняется потенциальная возможность преобразования глагольной формы, что ведет к актуализации роли субъекта. Он может быть вы-

ражен формами косвенных падежей, основным падежом + булан. Сравним:

Почта самолет булан челтириле <почта самолетом доставляется>.	Почтаны самолет челтире <почту доставляет самолет>.
Страдательный залог фокусирует внимание на предмет, охваченный действием, которое произвольно совершает агенс.	Нестрадательный (т.е. действительный залог) фокусирует внимание на субъект, производящий действие, нацеленное на объект.

В кумыкском языке имеется еще одна форма страдательного залога, представленная в конструкции «къапу ачылды» <дверь открыта>. Здесь имеет место вычеркивание действующего актанта. Состояние объекта автономно, не связано непосредственно с агенсом. Он устранен, но потенциально присутствует в смысле исходного - *ач* <открой что-то>. Формально сложнее единица *ачылды*, семантически сложнее единица *-ач*. В страдательном залоге есть указание на предельность, завершенность ситуации: *ачылмакъ* <открыться>.

У неопределенных глаголов *яшама* <жить>, *алма* <брать>, *билме* <знать> такой оттенок завершенности ситуации невозможен. От них не образуется страдательный залог.

Помимо взаимно-совместного и страдательного залогов в кумыкском языке традиционно выделяют возвратный и побудительный. Показателем возвратности служит общетюркский аффикс *-ын*. Основная функция залогового показателя состоит в превращении переходного глагола в непереходный. Устраняется возможность сочетания с прямым дополнением, если это внешний объект. Залоговый аффикс исходной глагольной формы несет информацию о том, что субъект совершает действие в отношении себя. [Иванов 1977:11]. Например: *ата жувуна ва гийине эди* <отец умывался и одевался>. Обычно собственно-возвратный залог отмечен у глаголов с определенным типом лексического значения:

- а) часть/целое: *жувунма* <мыться>, *чечинме* <раздеваться>;
- б) социальные отношения: *тилинме* <проситься>, *гъазирленме* <подготовиться>;
- в) оценочные признаки субъекта: *макътакмакъ* <хвастаться>.

Это лексическая классификация глаголов, соотнесенная со значением залоговой глагольной формы в тексте сообщения. Следует отметить, что значение возвратности присуща и глаголам, в которых аффикс *-ын* не может быть выделен в составе основы (жанланма <оживляться>, жиргенме <гнушаться>, сесгенме <содрогаться> и др.).

Косвенная возвратность не свойственна глаголам кумыкского языка. Традиционно в кумыкском языке выделяют понудительный залог для описания глагольных форм с каузативным значением. Каузатив оформляет группы аффиксов для передачи ситуации, когда один ее участник побуждает другого совершать определенное действие. Есть серии аффиксов, которые передают значение понудительного залога непереходным глаголам (тюш-тюшюр <ронять>, бит-битдир <кончить>, угур-угурт <взлететь> и т.д.). Есть серии аффиксов, которые передают значение понудительности переходным глаголам (талы-талыш <познакомить>, йырла-йырлат <заставить петь>, ич-ичир <поить>, яз-яздыр <велеть писать> и др.).

Понудительные аффиксы при непереходных глаголах сохраняют возможность управления косвенными падежами. Субъект побуждается к действию, а его исполнителем становится лицо или предмет, стоящий в позиции прямого дополнения: шолай юрюлгек сънум дарслар пайда челтирмей [З.А.] <такие объединенные уроки пользы не приносят>.

Основы переходных глаголов с аффиксами взаимного залога становятся непереходными. Принимая аффикс побудительности, глагол возвращает значение переходности и сочетается с прямым дополнением. Аффиксы побудительности расширяют последовательность объектных связей в несколько приемов:

- кочапланы бирдагы керен тутумдурдулар <бойцов заставили еще раз бороться>.

Аффикс понудительного залога обозначает объектную характеристику действия, фактическим исполнителем остается лицо или предмет в дательном падеже:

- къайчылы хабарны Мачъачъа Юсуп оъзю билдирди <о печальном известии Махачу сообщил сам Юсуп>. [И.К.].

Примеры показывают, что кумыкскому языку свойственно многоступенчатое наращение залоговых аффиксов. Так, понудительные аффиксы могут присоединяться к вторичным переходным (понуди-

тельными) основам и ко вторичным непереходным возвратным основам:

➤ сююндюр <обрадовать>, чечиндир <раздеть> и др.

Если аффикс *-дыр* вторичен по отношению к аффиксам других залогов, то он находится в препозиции: яздыртдыр <заставить писать>. Примеры подобного рода встречаются не часто. Последний аффикс в таких комплексах обозначает субъектную характеристику действия. Семантика залога определяется по этому показателю. Третий аффикс присоединяется только к понудительным глаголам.

Кумыкские глаголы с аффиксами *-лак*, *-лаш* несут характеристику субъекта действия, но здесь нет грамматического значения условности. Глаголы с *-лаш* почти не несут значения совместимости. Оно сохраняется в редких случаях (савболлаш <прощаться>). Это мнимо залоговые формы, как и у глаголов олтур <садиться>, утан <стыдиться>. У них нет элементов *-н* или *-т*, так как глагольные формы остаются нечленимыми.

Область использования залоговых форм неравномерна по охвату глагольной лексики, но она четко разграничена смыслом глаголов даже при структурно-идентичных аффиксах возвратного и страдательного залогов.

Сравним:

Страдательный залог

Возвратный залог

Ол ишге бек байлангъан <он очень привязан к работе>.

Тана багъангъа байлангъан эди <бычок был привязан к столбу>.

Уьй ишлене <дом строится>.

Улан уйлене <парень женится>.

Ахъча харжлана <деньги тратятся>.

Адам пайдалана <человек пользуется>.

В природе залоговых отношений кумыкского языка одновременно не могут реализоваться взаимность и побудительность, страдательность и побудительность.

Исследование глагольных форм свидетельствует, что страдательный и побудительный залоговые варианты сильно грамматизированы и стоят в исходе производной глагольной формы. Очевидно, в системе кумыкского языка присутствует иерархия залоговых форм, обслуживающих лексико-семантические варианты значения исходного глагола. Степень употребительности форм зависит в конечном итоге от их коммуникативной значимости. [Гаджихмедов 2000: 175].

§5. Залог в английском языке

Залог английского языка в данном параграфе представлен с позиций структурного описания практического материала. Отобраны те факты языка, которые не вызывают принципиальных разногласий в теоритических и практических грамматиках английского языка. Расхождений в исследовании фактов языка при этом или нет, или они минимальны. Предлагаемый здесь материал представлен так, чтобы выделить основные показатели залоговости в глагольных формах и в семантике конструкций противопоставляющих активный и страдательный залого. Более детальное описание опорных моментов анализа морфологии и семантики залога в английском языке будет представлено ниже. Считаем, что степень изученности залога в английском языке допускает подобное разграничение.

Определение залога в грамматиках английского языка традиционно относительное:

- залог выражает отношение глагольного признака к подлежащему;
- залог характеризует подлежащее по отношению к глагольному признаку. [Иванова 1981: 74].

Определение залога содержит по крайней мере два допущения:

- 1) семантика синтаксиса строится от подлежащего к предикату, диктуя преобразования глагольных форм (актив);
- 2) семантика синтаксиса строится от предиката к подлежащему. Преобразования глагольных форм диктуется лексико-грамматической характеристикой глагола (переходность/ непереходность).

Первое допущение легко преобразуется в нескольких грамматиках в две семантические составляющие:

- если подлежащее предложения обозначает лицо или предмет, который сам совершает действие (план настоящего, прошедшего, будущего), то глагол-сказуемое стоит в действительном залоге;
- если подлежащее предложения обозначает лицо или предмет, который испытывает действие, совершаемое другим лицом или предметом (любой временной план), то глагол-сказуемое стоит в страдательном залоге.

Примеры:

Действительныйзалог
Heofteninvitesmetohisplace

Страдательныйзалог
I am often invitedtohisplace

<Он часто приглашает меня к <Меня часто приглашают к не-

себе>.
He often invited me to his place
<Он часто приглашал меня к себе>.
He will invite me to his place
<Он пригласит меня к себе>

му>.
I was often invited to his place
<Меня часто приглашают к нему>.
I shall be invited to his place
<Меня пригласят к нему>.

Временные формы
смыслового глагола to invite

Формы вспомогательного глагола to be + причастие II смыслового глагола to invite.

[Резник 1991: 71 и др.]

Оппозиция глагольных форм действительного и страдательного залогов несомненна. Она присуща всей парадигме видовременных глагольных форм. У ученых, исследующих английский язык, нет единства мнений относительно третьего залога — возвратного.

Примеры видовременных форм действительного залога не имеют специально выраженных морфологических показателей залоговости. Ее презентация здесь нулевая. Между тем, действительный залог обладает своей характерной особенностью в семантике синтаксиса: здесь совпадает схема соответствия семантического субъекта (агенса) и подлежащего предложения (диатеза А.А. Холодовича).

Семантика действий субъекта может быть самой разнообразной:

1) субъект производит действие, направленное на объект:

Peter wrote a letter. <Петя написал письмо>.

Грамматически объект выражен прямым дополнением без предлога. Структура предложения нисходящая:

➤ субъект → предикат → объект.

2) He looked at me. <Он посмотрел на меня>.

Грамматически объект выражен прямым дополнением с предлогом. Структура предложения аналогична первому примеру.

3) действие субъекта замыкается в нем самом, не переходя ни на кого:

The child was sleeping. <Ребенок спит>.

4) субъект остается «за кадром» действия. Его потенциальное присутствие не позволяет менять форму глагола:

The door opened. <Открытая дверь>.

Глагольная форма претерпеваает изменение при переходе от действительного залога к страдательному. Менять форму могут только переходные глаголы, которые допускают после себя в действитель-

ном залоге прямое дополнение, например: believe<верить>, build<строить>, drink<пить>, give<давать>, hear<слышать>, open<открыть>, read<читать>, see<видеть>, take<брать>.

Глаголы не принадлежат к определенному лексическому классу. Они разнотипны и не входят ни в лексико-грамматический разряд, ни в лексико-грамматическую группу. Свойство переходности определяет одну данную лексему. Для нее оно является классифицирующим, т.е. определяется валентностью глагола:

Herose<он встал>, I live in town<я живу в городе>.

Непереходный глагол не требует после себя дополнения, например:

I showed him the way. <Я показал ему дорогу>	Семантический объект: him.
I was shown him the way. <Ему показали ему дорогу>.	Косвенное дополнение Семантический объект: He. Подлежащее: He.

I was vaguely told that something was wrong. <Мне намекнули, что что-то было не в порядке>.

Возможна и конструкция прямого пассива в том же глаголе.

Сравним:

I told them the news. <Я рассказали новости>.	They were told (to) them. <Им рассказали новости>.
--	---

Предложный пассив — это конструкция, в которой подлежащим становится предложное дополнение глагола в действительном залоге:

She looked at Peter. <Она посмотрела на Пе-	Peter was looked at... <На Петю посмотрели>.
--	---

тю>.

Предлог в такой конструкции остается после глагола в пассиве:

I was sent for. <После этого за мной послали>.

Лицо, совершающее действие, может быть упомянуто существительным или местоимением с предлогом by:

The door was opened by a girl. <Девочкой открыта дверь>.

Современная английская система залога характеризуется наличием ряда специфических черт, зачастую несвойственных даже наиболее близким к английскому языкам. Эти особенности непосредственным результатом процесса развития языковой системы, обусловлены явлениями и фактами, которые имели место на более ранних этапах становления английского литературного языка. Поэтому ана-

лиз современных залоговых форм английского языка без изучения их в диахронии невозможен.

Исторический обзор показывает, что древнеанглийский язык характеризовался использованием прежде всего сочетаний глагола-связки и причастия II для выражения действия, совершаемого над подлежащим. Изменения в организации пассивных форм привели к морфологизации бывших синтаксических конструкций. Исчезновение окончаний у существительных привело к формальному уподоблению прямого и косвенного беспредложного дополнений, а переход к прямому порядку слов способствовал восприятию слова, стоящего на первом месте в предложении (перед глаголом в личной форме), в качестве подлежащего. Этими модификациями и объясняется возможность употребления беспредложного косвенного дополнения активных конструкций в при пассивной форме глагола.

Все вышесказанное объясняет, почему в современном английском преобладают аналитические формы выражения грамматических значений. В связи с аналитическими формами, их сущностью, структурой и особенностями функционирования существует множество проблем, спорных вопросов и противоречивых мнений. Так, например ученые до сих пор не пришли к единому мнению: рассматривать ли сочетания глаголов-связок *toget* и *tobecome* как формы глагола или как свободные синтаксические сочетания. По своей функции данные обороты эквивалентны древнеанглийским конструкциям «wêôgþan + причастие II», то есть обозначают приобретение субъектом определенного признака, качества, свойства. Довольно часто это качество результатом некоего стороннего воздействия, т.е. имеют способность передавать значение пассивности, сочетания «*toget (tobecome) + причастие II*» и универсальную пассива «*tobe + причастие II*», мы видим, что конструкции «*toget (tobecome) + причастие II*» несут в себе смысловой элемент становления, обретения признака, тогда как пассивные обороты с *tobe* такой семантики не имеют. Следовательно, главное отличие пассивных конструкций с *toget (become)* от форм с *tobe* заключается в степени проявления лексического значения этих глаголов: глагол *tobe* является полностью морфологизированным, лишен всякой семантики, глаголы *toget* и *tobecome* сохраняют свое значение и, как результат, не могут считаться вспомогательными. Это касается и других глаголов широкой семантики типа *to remain, to look, to feel* и т. д.

Кроме вопроса о конструкциях «toget (become) + причастие II» в современной англистике спорным остается характер сочетаний глагола с возвратными и взаимными местоимениями, которые, согласно некоторым исследователям, имеют право претендовать на статус аналитических форм залога. Также в языкознании нет единого мнения о правомерности выделения в английском языке форм так называемого «среднего залога» [Июфик 1964: 75].

Произведенный семантический анализ сочетаний глаголов с возвратными и взаимными местоимениями показывает, что в подавляющем большинстве случаев значение подобных сочетаний равно сумме значений составляющих их элементов, т.е. значение возвратности и взаимности реализуется в них исключительно с помощью лексических средств. Случаи же «немаркированного» использования глаголов в возвратном и взаимном значениях, а также формы так называемого «среднего залога» не могут рассматриваться как залоговые формы, так как они не имеют специальных средств формального выражения и в этом отношении полностью совпадают с формами действительного залога. К тому же значение этих форм соотносимо со значением форм актива, на том основании, что, как и последние, они несут в себе импликацию активности субъекта, либо (в более широком понимании) субъект в подобных случаях является логическим центром инициализации действия.

Таким образом, мы вынуждены отметить неправомерность признания возвратного, взаимного и среднего залогов в качестве отдельных граммем категории залога. Актив и пассив, следовательно, составляют единственную стабильную, подтвержденную на семантическом и грамматическом уровнях залоговую оппозицию.

На сегодняшний день в стандартном английском языке существует относительно устойчивая категория залога, выражающая отношения в системе «исполнитель — действие — объект».

Однако ошибочным является мнение, что залоговые формы в английском языке, пройдя долгий и непростой путь становления, оформились окончательно и остановились в своем развитии. И на современном этапе в любом живом языке происходит переосмысление многих языковых явлений, что подразумевает поиск новых средств выражения уже, казалось бы, сформировавшихся понятий и категорий. Это особенно актуально для английского языка с его значительным внутриязыковым динамизмом. При этом глагол как самая «мобильная» часть речи претерпевает, наверное, самые масштабные из-

менения: изменяется не только содержание глагольных категорий, но и способы его формального выражения.

В этом отношении категория залога в английском языке соответственно требует детального научного рассмотрения.

На всем протяжении истории английского языка некоторые черты синтаксиса, характерные для германских языков в целом, оказываются устойчивыми. Такими неизменными чертами английского предложения являются номинативность и глагольность.

Несмотря на устойчивость указанных синтаксических черт, номинативность и глагольность предложения испытывают некоторые изменения, благодаря которым значительно изменяется сочетаемость пассивной формы глагола.

Первое из этих изменений — исчезновение форм дательного и винительного падежей существительного, переход к двухпадежной системе. Второе изменение является непосредственным следствием первого: исчезновение четкого различия между переходными и непереходными глаголами. В результате появляются предложения со сказуемым, выраженным пассивной формой глагола, в которых подлежащее соответствует беспредложному косвенному дополнению или предложному дополнению активных конструкций:

Be duke Mylon was geve[n] hyslyff «герцогу Милону была дарована жизнь»; *resopir word is of pisbischoþ ouz teto beta kenhedeto* (Chaucer) «и на другие слова этого епископа нужно обратить внимание».

Возможность употребления беспредложного косвенного дополнения активных конструкций в качестве подлежащего при пассивной форме глагола объясняется двумя причинами. Во-первых, отсутствие окончаний у существительных сделало невозможным разграничение прямого и косвенного беспредложных дополнений по формальному признаку. Во-вторых, переход к прямому порядку слов создал предпосылки к восприятию слова, стоящего на первом месте в предложении (перед глаголом в личной форме), в качестве подлежащего.

Так, в предложении *Be dukewas geve[n] hyslyff* первое существительное не имело формальных признаков дополнения и было воспринято как подлежащее, так как оно стояло на первом месте в предложении, перед личной формой глагола.

Употребление предложного дополнения активных конструкций в качестве подлежащего при глаголе в пассивной форме объясняется не только установлением прямого порядка слов, но и полностью развившейся тенденцией к созданию глаголов с закрепленными предло-

гами, у которых предлог больше связан с глаголом, чем с последующим существительным.

Тенденция употребления предлога в послеглагольной позиции в отрыве от управляемого им существительного (или местоимения) проявлялась, однако только с глаголами в активном залоге. По аналогии с этими случаями, предлог стал употребляться в дистантном по отношению к существительному положении и в предложениях с глаголом в пассивном залоге. Так возникли пассивные конструкции типа *The doctor was sent for*.

Для сравнения можно проанализировать сходные конструкции в немецком языке, где сохранилась четырехграммная категория падежа имен существительных. Для современного немецкого языка характерно использование так называемого одночленного (безличного) пассива, в котором не называется ни носитель, ни прямой объект действия, присутствует только само действие:

➤ *Für das Kind ist gesorgt*. «О ребенке позаботились».

В данном предложении нет подлежащего; глагол *sorgen* (заботиться) является объектным непереходным, поэтому существительное *das Kind*, хотя и стоит в винительном падеже, выполняет роль косвенного дополнения, на это указывает и предлог — *für*.

В английском же языке наличие подлежащего обязательно:

➤ *The child has been taken care of*.

Причем статус слова *of* в подобной ситуации можно понимать двояко: то ли оно является предлогом косвенного дополнения в финальной позиции, то ли послелогом при глаголе.

Одновременно с изменением содержания подлежащего в пассивной конструкции происходит и расширение правой сочетаемости пассивной формы: глагол в пассивной форме может принимать прямое дополнение:

➤ *The duke Mylon was given his life* «герцогу Милону была дарована жизнь».

Резко возрастает количество случаев употребления «агенса» действия при глаголе в страдательном залоге. Расширяется и группа предлогов, вводящих «агенса» действия, — *of, from, by, mid, through, with*:

➤ *he was taught of a clerk* «его обучал клерк»; *he was with prestes shrive* «он был монахами исповедован»; *alefd-i was bet was mid hire moon biset al abouten* «там была дама, которая была потрясена ее рыданиями». (Chaucer).

Самым распространенным предлогом был предлог of. С конца XIV в. он начинает вытесняться предлогом by. Однако, оба предлога представлены весьма широко:

- *Alady, sir, though it was said she much resembled me, was yet of many accounted beautiful; We are merely cheated of our lives by drunkards.* (Shakespeare).

Полная замена предлога of предлогом by, по-видимому, связана с тем, что основным грамматическим значением предлога of становится значение атрибутивности. В результате предлог by получает право на монопольное выражение грамматического значения «агенса» действия при пассиве.

Падеж подлежащего в современном языке не является именительным за исключением небольшой группы личных местоимений. Существительные утратили различие между именительным, винительным и дательным падежами, и субъектно-объектные отношения перестали выражаться грамматической формой существительного. Таким образом, номинативность в современном английском предложении выражается не в выделении подлежащего особым — именительным — падежом, а в том, что его форма независима от активности или пассивности сказуемого.

Изменения в выражении подлежащего, а также глагола сказуемого привели к перестройке безличных предложений. Безличные предложения могли не иметь подлежащего: ср. да. *Him ruhte* «ему казалось». В новоанглийском появляется обязательное подлежащее, выражаемое формальным — безличным местоимением *it*: ср. *it see med to him* «ему казалось».

С изменениями в выражении подлежащего связано также развитие предложений с подлежащим, обозначающим косвенный объект действия, и с прямым дополнением при глаголе в страдательном залоге.

Как известно, в различных индоевропейских языках наблюдается определенный параллелизм между прямым дополнением активной конструкции и подлежащим пассива. Ср., например, в русском языке: *Я читаю книгу* и *Книга читается мною*.

Для современного английского языка характерно иное соотношение: подлежащее пассивной конструкции может соответствовать не только прямому, но и косвенному дополнению актива. Ср. *She gave the boy a book* «она дала мальчику книгу» и *The book was given to*

the boy «книга была дана мальчику», нои The boy was given a book «мальчику дали книгу».

Развитие предложений последнего типа связано с утратой падежных различий у существительных, образованием формы общего падежа для выражения объектно-субъектных отношений, и дальнейшей фиксацией и грамматикализацией порядка слов [Смирницкий 1998: 209].

Такое осмысление предложения, когда косвенное дополнение активной конструкции становится подлежащим в пассивной, было возможно потому, что прежде еще не было строгой фиксации порядка слов, характерного для современного языка, и косвенное дополнение со стилистическими целями (в эмоционально окрашенной речи) могло быть перенесено в начало предложения.

Синтаксическая функция косвенного дополнения в данном случае выражалась не порядком слов, а формой самого слова: при замене существительного соответствующим местоимением последнее ставилось в объектном падеже: *Him was give na book* «ему была дана книга». Позже установилась фиксация порядка слов: подлежащее — сказуемое — косвенное дополнение — прямое дополнение. В таких условиях происходит переосмысление конструкции *The boy was given a book*: прежнее косвенное дополнение (*the boy*), по своей форме не отличающееся от подлежащего (оба выражены общим падежом) благодаря занимаемому в предложении месту — в начале предложения, перед сказуемым, — начинает рассматриваться как подлежащее, а прежнее подлежащее (*a book*) осмысляется как прямое дополнение. В результате такого переосмысления даже в тех случаях, где была возможность дифференциации (противопоставление именительного и объектного падежа у местоимений), форма объектного падежа начинает заменяться формой именительного: *Him was given a book* заменяется на *He was give na book*. Так в современном английском языке получает распространение пассивная конструкция с подлежащим, обозначающим непрямым объектом действия.

Это позволяет с большой долей уверенности считать конструкции «глагол-связка + прич. II» скорее синтаксическими образованиями, чем аналитическими залоговыми формами глагола. И тем не менее в современной англистике много ученых отстаивающих противоположную точку зрения, а сам вопрос о статусе подобных сочетаний до сих пор остается открытым.

Страдательный залог и составное сказуемое в английском языке

Форма страдательного залога в английском языке создает проблему ее разграничения с формой составного сказуемого с глаголом бытия. Второй компонент такого сказуемого в числе прочих может быть выражен вторым причастием глагола.

Перед нами стоит задача исследовать природу сочетаний глаголов-связок с причастием II. В частности, нас интересует статус конструкций «to get (to become) + причастие II», получивших широкое распространение в современном английском языке. В синтаксическом плане вопрос может быть сформулирован по-другому: в каких случаях сочетание глагола-связки с причастием II выступает в предложении как глагольное сказуемое, а в каких — как составное именное? Два примера:

1. You **are mistaken**.
2. You **are often mistaken** for your brother.

Идентичные по форме, эти сказуемые отличаются, тем не менее, по значению и принадлежат к разным типам. В первом случае перед нами составное именное сказуемое, представленное сочетанием глагола-связки и предикатива (you are mistaken — you are wrong). Во втором предложении мы имеем дело с простым глагольным сказуемым, представленным аналитической формой страдательного залога (вспомогательный глагол + причастие II). Усложняют дело и омонимичные формы причастий и прилагательных: broken_a—broken_{pII}, wounded_a—wounded_{pII}.

Классифицировать сказуемое структуры «to be + причастие II» — это, по сути, значит определить два решающих момента:

1. Имеет сказуемое чисто глагольный характер или описывает некое состояние подлежащего, то есть выражает оно действие или качественную характеристику?

2. Является сочетание «to be + причастие II» простой комбинацией глагола-связки и адъективированного причастия или аналитической формой глагола?

Как видим, семантический, морфологический и синтаксический аспекты проблемы тесно взаимосвязаны. Немаловажную роль играет в подобных случаях и контекст. Так, например, контекстуальными показателями глагольного характера сказуемого могут служить:

—указание на исполнителя или инструмент действия (введенные предлогами *by, with, a также in, of*).

e.g.: I played it gleefully and often for a year or so until it was **ripped off by some bikers**. (L. Bangs);

CAD and desktop publishing **are improved** with ever new and faster PCs. (*PC World*).

— обстоятельство, характеризующие действия:

e.g.: He shouted defiantly at a Phalangist fighter and was instantly **shot in the belly**. (*Independent on Sunday*).

— видо-временные формы самого глагола *to be*:

e.g.: Two teenage girls had provided information that Rastafarians were selling tickets to Saturday night «acid house» parties at which drugs *were being* traded. (R. Chesshyre). (Как правило, из всех пассивных форм только в формах Indefinite глагол *to be* может выполнять функцию «чистой» логической связки, то есть соединять подлежащее с именным элементом).

— последовательность действий, в которую входит действие, выраженное пассивной формой глагола:

e.g.: The working party is against «access courses», believing that if blacks **were helped** to the starting line, once they were in the force they **would be seen** as second class citizens, and **would struggle** to keep up. (R. Chesshyre)

С другой стороны в определенных контекстах может наблюдаться нейтрализация глагольности причастия и усиление его именных характеристик (например, в паратаксическом ряду с другими именными частями речи или в тех случаях, когда причастие определяется наречиями, указывающими на степень проявления качества):

e.g.: If you don't have it *apart*, **cleaned**, and *together* again before the day is out, I'll coagulate your brains with alternating current. (I. Asimov)

I was to get **very accustomed** to that look. (R. Sheckley)

Как было отмечено, видо-временная форма глагола *to be* также может служить индикатором статуса конструкции «*to be* + причастие II». Известно, что временные формы групп Continuous и Perfect несут в себе определенную характеристику действия касательно его продолженности либо завершенности. Поэтому в формах Continuous Passive и Perfect Passive процессуальность выражена относительно четче, чем в формах Indefinite Passive, где наблюдается некоторая неоднородность значений. Причины этой неоднородности — преимущественно лексические (а именно семантика знаменательного эле-

мента пассивной конструкции — причастия II), выражается она примерно следующим образом: формы действительного и страдательного залогов неопределенных глаголов характеризуются определенным функциональным и семантическим параллелизмом, в то время как пассивные формы Indefinite предельных глаголов могут иметь два значения — актуальное и результативное.

Актуальное значение (значение действия) страдательных форм Indefinite соотносимо с аналогичным значением активных форм Indefinite.

e.g.: He shouted defiantly at a Phalangist fighter and **was** instantly **shot** in the belly. *{Independent on Sunday}*;

He asked, «Are there galleries where you **shoot** men, too?» (R. Shekley).

В обоих этих случаях глагольные формы обозначают действие.

Реализация результативного значения страдательных форм Indefinite возможна благодаря двойственной природе их смыслового элемента — причастия II. Помимо значения пассивности причастия предельных глаголов имеют импликацию терминативности (завершенности действия):

e.g.: He stepped over to the window, and shouted through it at the top of his voice that the vacancy was **filled**. (A.C. Doyle)

Итак, в конструкциях «to be + причастие II предельного глагола» происходит своего рода перераспределение смысловой нагрузки: информация о действии как о факте свершившемся и имеющем результат сосредоточена в причастии, а не выражается личной формой глагола (ср. формы Perfect).

Эта специфика причастия II проявляется особенно ярко в тех случаях, когда перфектный аспект его смысловой структуры выходит на первый план, в значительной степени нейтрализуя элемент пассивности. В частности, это касается причастий II субъектных глаголов, в случае с которыми говорить о значении пассивности вообще не приходится.

e.g.: Pay the deadly price / Lift the **fallen** prize... (Paradise Lost);

And dim the light of an already **faded** prima donna (Metallica);

Gone was the coarse brown tint! (A.C. Doyle).

В подобных случаях (как в функции определения, так и в функции предикатива) причастие II обозначает скорее некое «статичное» качество предмета, во многом теряя свое значение процессуальности, то есть, по сути, переходит в разряд прилагательных. Таким образом,

в предложении «He is gone» (= he is dead, he is no longer there) мы имеем дело со свободным синтаксическим сочетанием, а не с аналитической формой глагола. Для такого вывода имеются следующие основания:

1. Субъектные глаголы не способны образовывать залоговые оппозиции, хотя чисто внешнее противопоставление форм *to go* и *to be gone*, *goes* и *is gone* и т. п. возможно.

2. С точки зрения семантики слово *gone* в указанном контексте демонстрирует отдаленную лексическую связь с глаголом *to go* и, следовательно, не эквивалентно причастию *gone* в предложении «He has gone». Это позволяет отнести *gone* в значении «dead, lost, past, no longer existent» к прилагательным.

3. Использование глагола-связки *to be* в форме Indefinite без дополнительных показателей глагольности указывает на то, что сочетание «*to be* + причастие II» в целом обозначает скорее некое состояние подлежащего, чем действие.

Кроме аналитических форм страдательного залога со вспомогательным глаголом *to be* значение пассивности в современном английском языке могут передавать сочетания других глаголов-связок (*to get*, *to remain*, *to look*, *to stand*, etc.) с причастием II. Подобно вспомогательным глаголам, глаголы связочные представляют результат грамматики (более или менее последовательной) глаголов знаменательных. В чистом виде значение связки выступает в глаголах, обозначающих различные формы существования именного предиката, — *быть, становиться, оставаться*, (англ. *to be* — *to become* — *to remain*).

e.g.: His eyes **were** fixed steadily upon the Earthman at the other side of the table. (I. Asimov)

Other computer companies soon started to produce lower cost copies, machines which generically **became** known as «clones». (*PC World*)

The fear of chaos ... **remains** deeply entrenched in the minds of people who remember only too well the torments of the Cultural Revolution. (*The Independent*)

Вокруг них группируется большое число связочных глаголов, менее грамматизованных, с более ограниченной сочетаемостью и с фразеологической связанностью значений.

Показательно, однако, что наиболее грамматизованные связочные глаголы были в прошлом лексически полнозначными. Ср.: герм. *werden* (нем. *werden*) «остановиться» — лат. *vertere* — слав. *врѣтъ* *Вти* «вертеть» — др.-инд. *vr̥t* «вращаться» (производные ср.-в.-нем. *Wirtel*, ст.-слав. *врытено* «веретено»), с переходом значения

«вращаться»→«становиться»; др.-в.-нем. bilīban«оставаться» (готск. bileiban, нем. bleiben) — ст.-слав. *льпнати*лит. lip̃ti«липнуть» (греч. λιπερός; «жирный», λιπός «жир»), с переходом «липнуть»→ «оставаться»; ст.-слав. *быти* «быть» (откуда *был*, *буду*), лит. buti«быть», лат. fui«был», futurus«будущий» (и.-е. bhū) — греч. φύω«расту» (производные: φύμα «растение», φύσις «природа»), др.-в.-нем. būan«жить» (готск. baūan, нем. bauen «обрабатывать землю»), переход: «расти» → «жить»→ «быть»; герм, супплетивное прошедшее: was«был» (нем. war, инф. wesan«быть») — др.-инд. vāsati«обитает», «пребывает», «ночует», переход значения: «обитать»→ «пребывать»→ «быть». Только настоящее время глагола существования и.-е. es-(герм. ist, лат. est, греч. εἶμι, др.-инд. ásti, слав. *есть*) не имеет этимологии такого рода, потому что представляло, по-видимому, уже в индоевропейском языке связку в собственном смысле. [Жирмунский 1736: 114].

М. М. Гухман называет глагол *быть* «идеальной связкой». Сходным образом высказывался об этом Л. В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке»: «Строго говоря, существует только одна связка *быть*, выражающая логическое отношение между подлежащим и сказуемым. Все остальные связки являются более или менее знаменательными, т. е. представляют из себя контаминацию глагола и связки, где глагольность может быть более или менее ярко выражена».

В. М. Жирмунский предпочитает говорить не о «контаминации глагольной и связочной функций», а о «неполной грамматизации» таких глаголов, имея в виду лишь частичную утрату ими своего прямого лексического значения. Подобные глаголы занимают промежуточное положение между знаменательными глаголами и связками.

Учитывая это обстоятельство, есть все основания включить в широкий круг связочных глаголов, в разной степени грамматизованных, и целый ряд других глаголов, употребляемых с именными сказуемыми, даже в тех многочисленных случаях, когда глагол лишь в ограниченном круге употребления «бледнеет», теряя в большей или меньшей степени свое первоначальное значение.

e.g.: I **feel** hungup and I don't know why. (The Beatles).

She couldn't see anything to make Jilly **look** stricken. (C. Lamb).

... you **found yourself** deprived in an instant of wife and of fortune (A. C. Doyle).

Simon asked one of the girls, «Do you **stay** dead when they kill you?» (R. Sheckley).

... a question or remark **fell** unheeded upon his ears.. (A. C. Doyle).

Ср. в немецком языке связочное употребление таких глаголов широкой семантики со значением движения и покоя, как *liegen* «лежать», *stehen* «стоять», *gehen* «ходить»; например: *der Weg stand frei* «путь был свободен» (букв., «стоял свободен»), *die Sache liegt klar* «дело очевидно» (букв., «лежит очевидно»), *das Glas ging in Stücke* «стакан разбился» (букв., «пошел на куски») и др. В таких случаях грамматическое объединение сложного сказуемого сопровождается его фразеологическим (лексическим) сращением.

Существует мнение, что в английском языке насчитывается около 60 связочных глаголов (Г. Керм, В. Н. Ярцева). Глаголы эти (*copular or linking verbs*) «находятся на разных ступенях развития в направлении к состоянию связки (*copula state*)», сохраняя при этом в большей или меньшей степени свое первоначальное конкретное значение, так что, хотя и являясь связками, они в то же время по своему значению более или менее отличаются друг от друга и от связки *быть* (*to be*). Распространены следующие связки: *to go* «ходить», *to come* «приходить», *to fall* «падать», *to keep* «держат(-ся)», *to grow* «расти, увеличиваться», *to turn* «поворачиваться», *to get* «получать, достигать» и др. Например: *to fall ill, silent, dumb, asleep, dead*; *to get cold, hot, mad, white* и т.д.; *to keep alive, cool, still, quiet, silent* и т.д.; *to grow old, fat, nervous* и т.д. Значительная их часть употребляется не только в качестве связок, но также в качестве полных глаголов, сохраняя в определенных ситуациях всю полноту своего конкретного значения.

Проблема эта сама по себе далеко не нова. Как известно, еще в древнеанглийском языке в образовании пассивных оборотов (конструкций, передающих значение пассивности)¹ могут участвовать два глагола-связки — *bēon* и *wēorpan*. Это объясняется следующими особенностями данных связок:

- различие в семантике глаголов;
- дифференцированная сочетаемость.

Основное отличие оборотов «*wēorpan* + прич. II» предельного глагола» от конструкций типа «*bēon* + прич. II предельного глагола» заключается в общем характере выражения предикативного признака: обороты с *bēon* обозначают свойство подлежащего в статике, тогда как сочетания *wēorpan* с причастием II имеют общий оттенок процессуальности, свойственный глагольным формам. Это позволяет от-

дельным исследователям утверждать, что конструкции «wēōrþan + прич. II» более точно передают значение пассива.

Однако следует заметить, что данная динамическая составляющая, значение прогресса признака, присущие всей конструкции «wēōrþan + прич. II» в целом, в действительности оказываются локализованными лишь в одном ее элементе — глаголе-связке, реализующем таким образом в рамках конструкции свое лексическое значение («становиться»).

e.g.: Ordhehwearþ ofslæzen. «Ордхех был убит» = «Ордхех стал убитым (мертвым)».

Таким образом, значение рассматриваемой конструкции сводится к сумме значений входящих в ее состав элементов, а вся конструкция, следовательно, не характеризуется обязательной для аналитической формы семантической целостностью.

В системе форм английского глагола возникла аналитическая форма страдательного залога, представленная сочетанием вспомогательного глагола *wesan* (*ben*) и причастия II объектных глаголов. С этого этапа намечается расхождение в значении сочетаний «*wesan* (*ben*) + причастие II», послужившее основой нынешней полисемии конструкции «*tobe* + причастие II», которая со среднеанглийского периода обозначает:

1. Действие, совершаемое над подлежащим:

e.g.: *noghtwasforyetenbyth'infortune* (Chaucer) «ничтонебыло-обойденонесчастьем»;

2. Признак субъекта, его качественную характеристику:

e.g.: *bless'd art thou amongst women* (The Bible) «благословенна-тысредижен».

Итак, новая аналитическая конструкция распространяет свое действие на обширную группу объектных глаголов, представляя собой унифицированное средство выражения пассивности. Именно в связи со страдательным залогом впервые встает вопрос о разграничении совпадающих по форме свободных синтаксических сочетаний «*wesan* (*ben*) + причастие II» и аналитических форм пассива. В подобных условиях показателями глагольного статуса сочетания могут служить:

1. Видо-временная форма глагола *wesan* (*ben*);

2. Контекстуальные индикаторы — указание на исполнителя либо инструмент действия, обстоятельства, дополнительно характеризующие действие и т. д.

Так, например, в предложении «with many a tempest hadde his berd-beenshake» (Chaucer). (его борода была овеяна многими бурями).

а) перфектная форма сказуемого характеризует его как глагольную форму, выражающую **действие** в его временном отношении к определенному моменту.

б) дополнение with many a tempest обозначает источник **действия**, направленного на объект.

Вывод очевиден: hadde beenshake является в данном контексте аналитической залоговой формой.

Признавая семантическое сходство глаголов to get и to become в указанных конструкциях, мы, тем не менее, разделяем точку зрения Г. Керма, который отмечает, что конструкции с to become (в отличие от конструкций с to get) обозначают некий конечный результат изменений, приобретение состояния как свершившийся факт, а не как процесс.

Анализ конструкций «to get (to become) + причастие II» следует начать с их морфологического аспекта. Если мы признаем рассматриваемые сочетания аналитическими формами страдательного залога, то тогда любая залоговая оппозиция должна содержать по меньшей мере два маркированных члена, противопоставленных форме действительного залога:

e.g.: to entangle — 1. to be entangled, 2. to get entangled;
to know — 1. to be known, 2. to become known, etc.

Учитывая принимаемую нами во внимание разницу в значении глаголов to get и to become (обретение признака как процесс и как конечный результат), мы вынуждены признать наличие как минимум трех форм страдательного залога в английском языке:

e.g.: to entangle — 1. to be entangled, 2. to get entangled, 3. to become entangled.

Рассуждая аналогичным образом, ничто, казалось бы, не мешает нам включить в состав залоговых оппозиций сочетания причастия II с теми глаголами широкой семантики, как to stay, to remain, to look, to feel, to stand, to fall, to lie, to bid, to find oneself и т.д.

e.g.: The fear of chaos ... **remains** deeply **entrenched** in the minds of people who remember only too well the torments of the Cultural Revolution. (*The Independent*).

I feel hung up and I don't know why. (The Beatles).

... a question or remark **fell unheeded** upon his ears... (A. C. Doyle).

... you **found yourself deprived** in an instant of wife and of fortune.
(A. C. Doyle).

«Tell me, dad»— said she, **looking, I** thought, a little **disturbed**,...
(A. C. Doyle).

Divided we stand! (Paradise Lost).

Всем этим сочетаниям присущ определенный оттенок значения пассивности, который является элементом смысловой структуры причастия II. Это позволяет противопоставить значение этих сочетаний значению форм действительного залога. Однако представляется целесообразным прибегнуть к трансформационному анализу, чтобы проверить правомерность подобного противопоставления:

e.g.: Jack loves Linda. — (действительный залог)

Linda is loved (by Jack). — (страдательный залог)

↓

Linda **gets** loved. — Linda **becomes** loved. — Linda **remains** loved.
— Linda **finds herself** loved, etc.

Как видим, в результате преобразования сказуемого содержание исходного предложения передается неадекватно. В каждом из случаев замена вспомогательного глагола *to be* на другой глагол привносит в содержание предложения новый смысл, определенный семантикой подставляемого глагола. Именно семантика этих связок ограничивает их сочетаемость, например, невозможно:

e.g.: *The girl looks loved. *The window feels broken.

Глагол *to be*, в свою очередь, характеризуется неограниченной сочетаемостью:

e.g.: The girl is loved. The window is broken.

Сопоставляя же сочетания «*to get (to become) + причастие*» и универсальную форму пассива «*to be + причастие II*», мы видим, что конструкции «*to get (to become) + причастие II*» несут в себе смысловой элемент становления, обретения признака, тогда как пассивные обороты с *to be* такой семантики не имеют. Лишь в случае с причастиями II предельных глаголов наблюдается некоторое совпадение значений:

e.g.: the city was ruined = the city got ruined.

Таким образом, главное отличие пассивных конструкций с *to get (become)* от форм с *to be* заключается в степени проявления лексического значения этих глаголов: глагол *to be* является полностью морфологизированным, лишен всякой семантики, глаголы *to get* и *to become* сохраняют свое значение и, как результат, не

могут считаться вспомогательными. Это касается и вышеупомянутых глаголов типа *toremain, tolook, tofeel* и т. д.

Достоин внимания тот факт, что в современном немецком языке существуют пассивные конструкции:

1. Со вспомогательным глаголом *werden* «становиться» — (аналог д. а. *wēōrpan*),

2. С глаголом *sein* «быть» — (аналог д. а. *bēōn*).

В результате полной грамматизации глагола *werden* пассивные конструкции с ним являются в немецком языке абсолютно универсальными, охватывают все глагольные лексемы языка, способные образовывать залоговые оппозиции, включая неопределенные, что еще раз указывает на лексическую «опустошенность» *werden*, напр.: *ichwerdegeliebt* (меня любят).

Конструкции с *sein* более ограничены в смысловом плане, так как образуются в основном от предельных глаголов и обозначают лишь **состояние** подлежащего, напр.: *dieTüristgeöffnet* (дверь открыта). Подобная импликация статики (№ : на лексическом уровне) дает некоторым исследователям повод исключить пассивные конструкции с *sein* из числа аналитических.

Что касается причастий II неопределенных глаголов, то они в форме «пассива состояния» малоупотребительны, поскольку совпадают по значению с пассивом, образованным при помощи глагола *werden*:

ich bin geliebt = ich werde geliebt.

Это наблюдение еще раз подтверждает вывод о том, что в языке, строго говоря, может существовать лишь одна аналитическая форма страдательного залога — форма, имеющая в качестве вспомогательного элемента максимально десемантизированный глагол, например *tobe* в английском языке или *werden* в немецком.

На наш взгляд, считать сочетания «*toget (tobecome)* + причастие II» аналитическими формами страдательного залога нельзя на основании уже как минимум двух доводов:

1. У активной формы любого глагола, способного образовывать залоговую оппозицию, в страдательном залоге есть лишь одно чисто морфологическое соответствие — форма пассива со вспомогательным глаголом *tobe*. Соответственно, у сочетаний «*toget (become, etc.)* + причастие II» нет морфологических аналогов в действительном залоге.

2. Глагол *tobe* — единственная полностью морфологизированная связка. Остальные сохраняют (хотя и не в полном объеме) свое ис-

ходное лексическое значение, что не позволяет им считаться элементами аналитической конструкции.

Кроме вопроса о конструкциях «toget (become) + причастиеП» в современной англистике спорным остается характер сочетаний глагола с возвратными и взаимными местоимениями, которые, согласно некоторым исследователям имеют право претендовать на статус аналитических форм залога. Также в языкознании нет единого мнения о правомерности выделения в английском языке форм так называемого «среднего залога».

Проблема возвратного залога

По своему определению возвратный залог указывает, что действие, исходящее от деятеля, является на него же и направленным.

e.g.: Still, she **comforted herself**, this was the chance of a lifetime. (D. James).

I undressed, and when I got down to the hide I looked at my belly. (R. A. Heinlein).

Итак, рассматривая проблему с позиции морфологии, необходимо установить, является ли сочетание «глагол + возвратное местоимение» (e.g.: **shecomfortedherself**) формой возвратного залога, то есть выполняет ли возвратное местоимение в подобных случаях функцию служебного слова, участвующего в образовании отдельной залоговой формы. У вопроса имеется и синтаксический аспект: составляют ли возвратное местоимение и глагол, к которому оно относится, один член предложения (в большинстве случаев сказуемое), либо же возвратное местоимение выполняет в предложении самостоятельную синтаксическую функцию.

С точки зрения значения ничто не мешает нам утверждать, что глагольная лексема «comfort» в предложении «**Shecomfortedherself**» имеет ту же диатезу, что и в предложении «**Shecomfortedhim**». Действие исходит от субъекта и направлено на объект, который в первом случае совпадает с субъектом, а во втором случае находится во внешней по отношению к субъекту действительности. Тогда становится очевидным тот факт, что в случае «**Shecomfortedherself**» местоимение **herself** выполняет функцию прямого дополнения (как и местоимение **him** в предложении «**Shecomfortedhim**»).

В отдельных случаях значение сочетания «глагол + возвратное местоимение» не равно сумме значений составляющих его компонентов.

e.g.: And then he **found himself** on the street. (R. Shekley).

One night **I found myself** on an operating table... (R. A. Heinlein).

В приведенных примерах значение словосочетания «to find oneself» не может быть сведено к просто «найти себя». Следовательно, такие сочетания, как «to find oneself» должны рассматриваться как фразеологические единицы.

Для решения вопроса о статусе сочетаний «глагол + возвратное местоимение» Б. Ильиш предлагает обратиться к анализу синтаксических контекстов, в которых данные сочетания фигурируют. [Б. Ильиш 1968: 123]. Так, например, в пользу синтаксической самостоятельности возвратных местоимений в подобных случаях могут свидетельствовать примеры типа «глагол + возвратное местоимение + имя существительное или местоимение» или «глагол + (возвратное местоимение + приложение)»:

e.g.: I see this man Meek doing everything that is natural to a complete man: carpentering, painting, digging, pulling and hauling, fetching and carrying, **helping himself** and *everybody else* ... (B. Shaw).

I am defending myself—an accused *communist*. (R. Fox).

На наш взгляд, уже сама возможность существования в английском языке подобных предложений ставит под сомнение грамматическую слитность конструкций «глагол + возвратное местоимение», даже если бы примеры вроде вышеуказанных не были найдены в аутентичных источниках.

Признанию сочетаний «глагол + возвратное местоимение» аналитическими формами возвратного залога препятствует также их семантическая неоднородность. В ряде случаев возвратное местоимение при глаголе (в особенности это касается дитранзитивных глаголов) обозначает не объект, на который непосредственно направлено действие, а адресат действия.

e. g.: This was ridiculous, she **told herself**. (S. Weston).

She **lit herself** a cigarette. (R. Dahl).

Присвоейвнешнейсхожестипредложения «Shecomfortedherself» и «Shetoldherself» основанына неидентичныхдиатезах, а возвратное местоимение herself, входящее в их состав, выполняет разные синтаксические функции — прямое и косвенное дополнение соответственно. Подобная дифференциация служит дополнительным свидетельством недостаточной грамматизации сочетаний «глагол + возвратное местоимение».

Все вышесказанное склоняет нас к выводу, что сочетания глагола с возвратным местоимением не могут рассматриваться как особые

формы залога.² В предложениях типа «Shecomfortedherself» глагол выступает в действительном залоге, а возвратное местоимение выполняет функцию прямого дополнения. В тех немногих случаях, когда сочетания глагола с возвратным местоимением характеризуется определенной идиоматичностью (напр, tofindoneself в значении «оказаться», tohelponeself в значении «угощаться», toenjoyoneself в значении «хорошо проводить время»), речь идет все же о лексической слитности компонентов, а не о грамматической.

Проблема взаимного залога

Согласно традиционной формулировке взаимный залог обозначает обоюдное действие двух или нескольких субъектов.

e.g.: ... they take to ... trying to **comfort one** another with stories. (R. Dahl).

... I would give us both time to get **to know each other** again. (C. Lamb).

...the next time we **met** he might be the colonel and I the sergeant. (R.A. Heinlein).

Исследуя проблему взаимного залога в английском языке, приходится отвечать на такие же вопросы, как и при рассмотрении вопроса о возвратном залоге. Главный из них — является ли сочетание «глагол + взаимное местоимение (eachother / oneanother)» аналитической формой взаимного залога?³

Для ответа на этот вопрос нужно установить следующее:

1. Обладает ли сочетание глагола со взаимным местоимением семантической целостностью, достаточной для признания его стабильной аналитической формой?

2. Можно ли считать взаимное местоимение при глаголе морфологическим средством выражения значения взаимности?

3. Выступает ли рассматриваемое сочетание в предложении как один член или как свободное синтаксическое сочетание?

Говорить о какой бы то ни было идиоматичности применительно к конструкции «глагол + взаимное местоимение» не приходится, так как значение конструкции может быть представлено суммой зна-

---

² Случаи «немаркированного» употребления глаголов с возвратным значением, т. е. без последующего возвратного местоимения (e. g.: Ireallymusttrytomakehimchangethewayhedresses... (R. Dahl) рассмотрены в параграфе «Проблема среднего залога» данной работы.

³ Примеры употребления глагола во взаимном значении без местоимений eachother / oneanother (e. g.: Theirgazes**clashed** (D. James) рассмотрены в параграфе «Проблема среднего залога» данной работы.

чений составляющих ее компонентов. Семантически предложение «They comforted one another» аналогично предложению «They comforted the neighbours»: в обоих случаях действие субъекта направлено на объект, который в первом случае тождественен субъекту, а во втором — отличен от него.

Тот факт, что взаимное местоимение в рассматриваемых сочетаниях несет полную смысловую нагрузку, отказывает ему в праве считаться служебным элементом аналитической конструкции, то есть значение взаимности в конструкции «глагол + взаимное местоимение» выражается не морфологически, а лексически.

Возможность включения в состав конструкции однородных дополнений также указывает на ее неморфологизированный характер (e. g.: They **comforted one another** and the *neighbours*).

Таким образом, как и в случае с возвратным залогом, мы вынуждены признать отсутствие форм взаимного залога в английском языке. Глагол в предложениях типа «They comforted one another» выступает в форме действительного залога, а взаимное местоимение при нем выполняет функцию прямого дополнения. Значение взаимности передается чисто лексическими средствами.

Проблема среднего залога

Согласно широко распространенной формулировке средний залог указывает, что действие, исходящее от субъекта, замыкается в его же сфере.

e.g.: He **did not turn** when she spoke. (I. Asimov).

The door **opened**, a girl stepped in... (R. Shekley).

Rob's expression **had changed** several times ... (D. James).

Суть проблемы обозначится более четко, если мы сравним употребление глаголов в вышеприведенных примерах с употреблением их в следующем наборе предложений:

1. You send her into the cellar on some errand, and then **turn** the key upon her ... (A.C. Doyle).

2. She **opened** the envelope and drew out the contents. (R. Dahl).

3. I really must try to make him **change** the way he dresses ... (R. Dahl).

В предложении «He did not turn» диатеза глагольной лексемы *turn* представлена лишь субъектом действия, в то время как в предложении «You turn the key» — субъектом и объектом действия. В семантическом плане это означает, что во втором примере мы имеем дело с действием, переходящим с субъекта на объект, а в первом примере

действие определено производится субъектом, но при этом направленностью на объект не характеризуется. Иными словами, мы имеем дело с различиями в семантике глагола *toturn* в обоих случаях. Так в предложении «*Hisheaddidnotturn*» глагол *toturn*(поворачиваться) имеет значение «самостоятельно производить вращательное движение», а в предложении «*Youturnthekey*» глагол *toturn* (поворачивать) имеет значение «вызывать вращательное движение объекта».

При очевидной схожести этих лексических значений глагола различие между ними представляется существенным, так как именно на его базе у глагола *toturn* выделяются два значения — переходное и непереходное, и именно это различие определяет синтаксическую сочетаемость глагола: так во втором примере *toturn* (переходный глагол) принимает прямое дополнение, в первом же примере он такой способностью не обладает.

В этой связи стоит подвергнуть рассмотрению уже упомянутые нами примеры «немаркированного» употребления некоторых глаголов в возвратном и взаимном значениях.

e.g.: I really must try to make him change the way he **dresses** ... (R. Dahl).

... the next time we **met** he might be the colonel and I the sergeant. (R.A. Heinlein).

Значения глагола *todress* в значении «одеваться» и сочетания *todressoneself* эквивалентны. Однако значение возвратности реализуется в них по-разному:

1) в глаголе *todress* (одеваться) элемент возвратности действия включен в саму семантику глагола, и внешнее выражение объектной направленности действия, соответственно, отсутствует. Данный глагол в указанном значении не сочетается с дополнением и, следовательно, является непереходным.

2) в сочетании *todressoneself* глагол *todress* выступает в своем переходном значении, принимая прямое дополнение (возвратное местоимение). Таким образом, значение возвратности действия в сочетаниях подобного рода выражается лексическими средствами.

Данная схема анализа справедлива и для глаголов / сочетаний «глагол + местоимение» со значением взаимности (*to meet, to kiss, to fight, to divorce, etc.*)

Итак, сопоставим следующие предложения:

1. The door **opened**, a girl stepped in... (R. Shekley).

2. I really must try to make him change the way he **dresses** ... (R. Dahl).

3. ...the next time we **met** he might be the colonel and I the sergeant. (R.A. Heinlein).

С точки зрения морфологии, интересующие нас глагольные формы объединены одним общим признаком — немаркированностью. В этом отношении они полностью совпадают с действительным залогом.

Что касается семантического наполнения данных форм, то все эти три глагола в указанных контекстах реализуют свое субъектное значение, то есть обозначают действия, протекающие в сфере субъекта, не затрагивающие «внешние» объекты. При этом подлежащее обозначает либо активного исполнителя действия (как в примере «hedresses»), либо — в более широком смысле — его начальную точку (как в примере «thedoopened»).

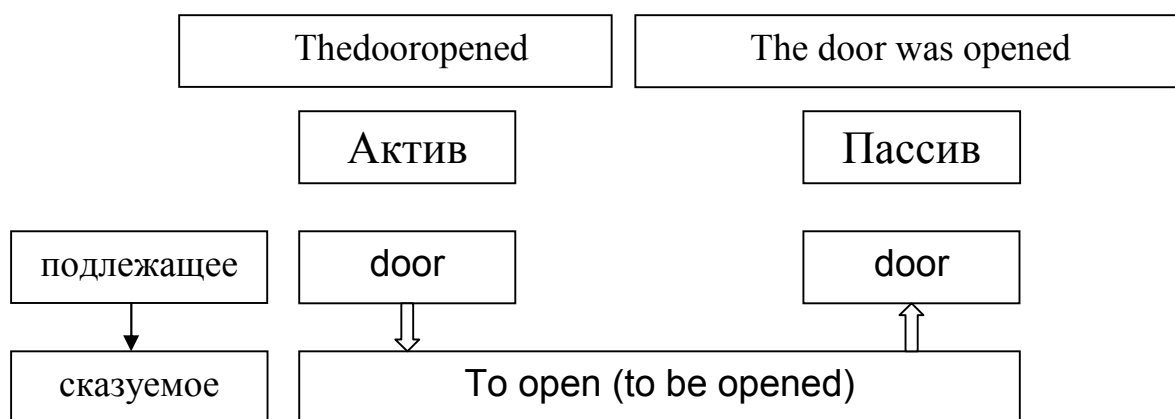
Это обстоятельство позволяет объединить рассматриваемые формы в одну группу и противопоставить их страдательному залогу. Проиллюстрируем это на примере следующих предложений:

1. Thedo**opened**, agirlsteppedin... (R. Shekley).

2. Just as I arrived, the door **was opened** ... (A. C. Doyle).

Схема 6.

Глагольные формы в предложении

Следует сделать оговорку, что эта же схема применима и к переходным глаголам, имеющим возвратное или взаимное значение, при сопоставлении пар наподобие «hedresses — heisdressed», «wemet — wewemet».

Итак, мы снова вынуждены признать, что в случае с так называемым средним залогом перед нами — формы действительного залога, как с точки зрения семантики, так и с точки зрения морфологии.

Трехуровневый анализ спорных залоговых форм в английском языке еще раз доказывает неправомерность признания их в качестве отдельных граммем категории залога.

Единственная стабильная залоговая оппозиция в английском языке — это активная/пассивная аналитическая конструкция.

Выводы по первой главе

1. Залог как грамматическая категория глагола рассматривается в контексте отображается в языке формы и содержания субъектно-объектных отношений. Семантически он может строиться по «нисходящей»:

субъект → процесс → объект (активная конструкция);

или по «восходящей»:

объект → процесс → субъект (пассивная конструкция).

2. Семантика субъектно-объектных отношений на уровне морфологии представлена оппозицией залоговых форм: исходная форма/аналитическая форма. Исходная форма глагола с позиций залога является маркированной.

3. Субъектно-объектные отношения затрагивают определенным образом лексическую классификацию глаголов на переходные/непереходные. Категория переходность/непереходность глаголов служит одним из средств выражения формы и содержания семантики субъектно-объектных отношений.

4. Концепция залоговости имеет свою специфику не только в теоретических подходах ее исследователей, но и в организации глагольных форм каждого конкретного языка. Различие просматривается по нескольким параметрам:

- определение категории залога;
- количество залоговых форм;
- однородность/неоднородность залоговых оппозиций;
- охват глагольной лексики залоговыми оппозициями

5. Универсальным средством описания залоговости служит диатеза [А.А. Холодович]: схема соответствия между компонентами семантики глагола и выражающими их членами структуры предложения диатеза присуща любому языку.

6. Исследование категории залога и особенностей ее функционирования в данной главе прослеживается на материале разносистемных языков: русского, французского, кумыкского, английского.

В русском языке залоговость формируется средствами морфологии и синтаксиса. На уровне синтаксиса залоговая оппозиция присуща конструкциям актива и пассива. Конструкции актива и пассива выражают семантику, отношений между субъектом, действием и объектом. Морфологическим средством здесь служит форма глагола: наличие/отсутствие в парадигме глагола формы страдательного причастия. Для выражения залоговых значений есть три формы глагола: активная, пассивная и возвратная (местоименная). Они выражают следующие залоговые значения: среднее, активное, пассивное, возвратное, взаимное, каузативное. Вопрос о системе залогов спорный. Наиболее распространено выделение активного, пассивного и возвратного значения глагольных форм.

Во французском языке категория залога является грамматической. Она выражает отношение между грамматическим и семантическим субъектом и объектом действия. Залоговость проявляется только у переходных глаголов. Во французском языке три глагольные формы — активная, пассивная (*être + part.passé*), местоименная (*se + verbe*) — формируют три залога: активный, пассивный, возвратный. Специфическое средство выражения пассивного залога — это конструкция *быть (être) + причастие прошедшего времени (participerpassé)*. Все глаголы во всех временах и наклонениях используют эту форму в трехчленной конструкции с одушевленным семантическим субъектом (*lamaisonaétéconstruiteparl'architecte*), в двучленной конструкции (*lamaisonestconstruite; laporteestouverte*). Местоименная (возвратная) форма выражает возвратный залог с прямой и косвенной конструкцией (*ilselave; ilselavelesmains*). Во французском языке нет каузативного залога.

В кумыкском языке категория залога указывает на носителя глагольного признака в конструкции актива. В конструкции актива — это субъект действия в форме им. падежа и наличие залогового аффикса *-ун* в форме глагола: *къызъяш жувана* <девочка моется>. Аффиксы служат одновременно показателями и залога, и переходности/непереходности глаголов. Эта категория не имеет специального морфологического выражения. Переходность/непереходность устанавливается по смыслу конкретного глагольного слова. Действие и состояние в кумыкском языке представлены как процесс.

Традиционно в кумыкском языке выделяют пять залогов: основной, страдательный, возвратный, взаимный, понудительный. Основной залог не имеет залоговых показателей, реализуясь в переходных

и непереходных глаголах. Кумыкский язык различает у глагола семантику страдательности и формы страдательного залога (например, имя + *булак*, страдательный залог + местный падеж). Серия аффиксов идентично обслуживает и возвратный, и страдательный залогов семантика залога отличается по отнесенности действия к субъекту, который может/не может совершить названное действие. Разграничение семантики залога контекстно обусловлено. Субъекты восстанавливаются по личным аффиксам глагола.

Типичная особенность кумыкского языка — это каузатив, названный понудительным залогом. Основное содержание понудительного залога характеризуется как вмешательство одного субъекта в действие другого. Субъект, понуждающий к действию, маркируется формой им. падежа, субъект-исполнитель маркируется косвенным падежом, прямой объект — винительным без предлога. У понудительного глагола могут быть дополнительные аффиксы понудительности (*бил-дир-т-мек* <заставить, заставить знать>). В предложениях в форме понудительного залога нет грамматически выраженного объекта, а субъект, понуждающий действие, пассивен (*мек китабымны урлатдым* — букв. <я дал украсить мою книгу>).

В английском языке система залога обладает специфическими чертами. Они обусловлены более ранними этапами становления английского языка. На всех этапах развития английского языка для выражения действия над подлежащим использовалась конструкция глагол связка + причастие II. Морфологизация синтаксических конструкций ведет к изменениям в организации пассивных форм. Исчезли падежные окончания у существительных и формально уподобились прямой и косвенный объект. Беспредложное косвенное дополнение активных конструкций стало возможным подлежащим при пассивной форме глагола. Аналитические формы выражения грамматических значений привели к множеству противоречивых мнений ученых. Спорным является вопрос о конструкциях *toget* + причастие II; спорят о характере сочетаний глагола с возвратными взаимными местоимениями. Нет единого мнения о правомерности выделения форм среднего залога. Между тем, все исследователи единогласно отмечают распространение в английском языке пассивной конструкции с подлежащим, обозначающим непрямым объектом действия.

В английском языке залог определяется совпадением/несовпадением семантической и синтаксической направленности действия. В определении залога «втянуты» морфология, семантика,

синтаксис. В английском языке действует оппозиция активных и пассивных конструкций, обслуживающих залоговость. Активная конструкция представляет действительный залог, пассивная — страдательный залог. Это всегда конструкция из вспомогательного глагола *to be* и причастие II знаменательного глагола. Семантика глаголов опосредует семантику залога по категории переходность/непереходность. Для описания глагольных залоговых форм в английском языке приемлемо понятие *guatesh* — схем соответствия между ролями компонентов глагольной лексики и выражающими их членами предложения.

Не утихает спор о статусе пассивных конструкций в английском языке. Все чаще звучит предположение о том, что пассивные предложения не являются преобразованием активных предложений. Они сосуществуют как однопорядковые явления со своим набором свойств. [Hopper, Thompson 1980, Cooreman 1944]. В современных исследованиях конструкций английского языка ученые выражают уверенность в том, что актив/пассив специфически распределяют «вес» между компонентами выражаемого смысла, а не его семантические корреляты. Выбор между активной и пассивной конструкцией обусловлен противопоставлением ядра и фона той части информации, которая связана с изменением состояния/ действия одушевленного лица. Необходимо, чтобы в конкретном контексте такие отношения между участниками события были тем или иным образом фиксированы, заданы хотя бы семантикой залога. Общее функциональное своеобразие категории залога отвечает за характер отображения тех ситуаций в языке, в которых они регулярны, т.е. грамматикализована-

ГЛАВА II

МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ЗАЛОГА В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

§1. Залог и субъектно-объектные отношения в аварском языке

Категория залога в аварском языке до настоящего времени остается слабо изученной по двум причинам:

- 1) сложность объекта исследования, обращенного к морфологии, семантике, синтаксису аварского языка;
- 2) отсутствие практического накопленного материала по данной проблематике в аварском языке;
- 3) слабая изученность комплекса языковых средств выражения залоговых отношений.

В последнее время в дагестанской лингвистике опубликованы исследования по теории залога. [Ханмагомедов Б.Г., Магомедов М.И., Керимов К.Р., Моллаева З.М.]. Таких работ явно недостаточно, хотя в них используется метод анализа материала на базе функционально-семантической категории залоговости.

В концепции залоговости в аварском языке остается много нерешенных проблем, связанных с особенностями оформления главных членов предложения. Аварский глагол не только зависим от подлежащего, но и взаимосвязан с ним по правилам классно-числового согласования. Ни классный, ни классно-личный глагол в принципе не могут быть нейтральными в залоговом отношении.

В свое время П.К. Услар отметил, что в дагестанских языках классный глагол предложения относится к имени в номинативе. Косвенные падежи, и эргатив в частности, не в состоянии отразить в морфологии глагола свою категориальную субстанцию. Отсюда встает вопрос о классификации второстепенных членов предложения и о сущности субъектно-объектно отношений в сфере категории залога. О неразработанности данной проблематики писал в свое время Е.А.Бокарев: «Для синтаксиса дагестанских языков особую важность приобретает вопрос о грамматической группировке глаголов в связи с тем, какого падежа подлежащего и какого падежа дополнения они требуют. Эта работа проделана в самых общих чертах» [Бокарев 1948: 144].

Дальнейшие наблюдения в этой области коснулись следующих направлений:

- лексико-грамматическая классификация глаголов в свете формирования структуры эргативной конструкции [Э.М. Шейхов 1983];
- разграничение эргативной, дативной и номинативной конструкции предложения;
- оформление субъекта и объекта в переходных и непереходных конструкциях. В переходных конструкциях подлежащее выражено номинативом, в непереходных конструкциях — именительным падежом при отсутствии прямого дополнения,

Многопадежность грамматического выражения подлежащего в зависимости от семантики глагола составляет важную черту дагестанских глаголов, связанную с семантикой субъектно-объектных отношений. В аварском языке структурная схема переходной конструкции включает предикат, субъект в эргативе и объект в абсолютиве. Структурная схема предложения с непереходным глаголом состоит из предиката и субъекта в именительном падеже. До настоящего времени лингвисты продолжают спорить о синтаксической функции субъекта и объекта в данных конструкциях, особенно о конструкции датива [Гаджиев 1954: 109, Мейланова 1960: 72]. Особенно остро стоит вопрос о схемах соответствия субъектно-объектных отношений в семантике и синтаксисе аварского предложения в свете правил классного согласования глагольной словоформы. З.Г. Абдуллаев отмечал, что нет ни специальных, ни обобщающих работ в плане изучения залога ни по одному из 26 дагестанских языков эргативного строя. [1986: 323]. Естественно, что в аварском языке функционирование категории залога привлекло внимание исследователей в наши дни [Магомедов 2003, Маллаева 2002, Курмагомедов 2000], хотя отдельные суждения по данному вопросу имеются в литературе по дагестанским языкам.

В монографиях дагестанских ученых выделены ключевые вопросы изучения залоговости:

- падежное кодирование субъекта и объекта в простом предложении аварского языка;
- категории переходности/непереходности аварского языка;
- залоговые конструкции в аварском языке.

Каждый из названных вопросов детально рассматривается сквозь призму эргативного строя аварского языка. Нередко описание фактов аварского языка вызывает определенные трудности и разноречивые суждения.

Опорным пунктом в описании синтаксиса простого аварского предложения являются четыре типа, выделенные А.А. Бокаревым [1949: 13]:

1. эмен рокъове вуссана <отец домой ввернулся>;
2. инсуца хур бекъана <отец поле пахал>;
3. инсуе жиндирго лъимер бокъула <отец любит своего ребенка>;
4. инсуда жиндирго вас вихъана <отец видел своего сына>.

Предложения являются простыми и полными. В глагольных формах предложения прозрачно представлены грамматические показатели категорий класса и числа. Обе категории точно переплетены и их называют классно-числовыми или классными в составе глагольных форм.

Таких классных показателей в аварском языке три (*б-*, *в-*, *й-*):

- 1) показатель *б-* маркирует класс вещей единственного числа;
- 2) показатель *в-* маркирует мужской класс в единственном числе;
- 3) показатель *й-* маркирует женский класс в единственном числе.

Для всех классов есть один показатель множественного числа *р*.

Сравним:

- вас вачІана <мальчик пришел>;
- яс йачІана <девочка пришла>;
- чу бачІана <лошадь пришла>;
- но: васал рекерулел руго <мальчики бегут>.

В двусоставном предложении глагол координирует свои маркеры с подлежащим:

- дун в-ачІана <я пришел>;
- дун й-ачІана <я пришла>;
- ниж р-ачІана <мы пришли>.

В трехсоставном предложении глагол координирует свои маркеры с подлежащим (объектом действия). Сравним:

ему		любится	
досие	в →	окуле → в	эмен <отец>
	й →	окуле → й	эбел <мать>
	р →	окуле → л	лъимал <дети>
	б →	окуле → б	чу <лошадь>
датов, кос-	числовые	действие	номинатив имени,

венное до- показатели
полнение

объект действия

Глагол-сказуемое координирует классно-числовые показатели только с именем в форме номинатива. Маркированность связи между действием и его объектом односторонняя. Косвенное дополнение доше остается вне координации с классическими показателями глагола-сказуемого.

В аварском языке возможны конструкции предложения с двусторонней классно-числовой координацией глагольных форм. Сравним:

Инсуца тІехь босулеб буго <отцом книга покупаема есть>.

Инсуе лъимал рокъулел руго <отцу дети любимы есть>.

Эмен тІехь босулев вуго <отец книгу покупающий>.

Эмен лъимал рокъулев вуго <отец детей любящий>.

Предложения с односторонней координацией форм глагола и имени в номинативе.

Предложения с двусторонней координацией формы глагола:

1) имя в номинативе (тІехь, лъимал) + суффикс б, р глагольной формы;

2) имя в номинативе (эмен) + аффикс в (вуго) в глагольной форме.

Маркер б-, р- в глаголе координируется с объектом действия, а маркер в- в глагольной форме координируется с субъектом действия.

А.А. Бокарев напрямую связывает конструкцию двух- и трехсоставного предложения с характеристикой переходности/непереходности. В конструкции с непереходным глаголом маркируется:

1) падежная форма подлежащего (им. падеж). Это отличительный признак подлежащего в предложении с непереходным сказуемым;

2) наличие классных показателей в форме непереходного глагола. При изменении класса и числа подлежащего меняются морфологические показатели глагола:

- эмен в-уссана <отец вернулся> 1 гр. класс;
- эбел йу-ссана <мать вернулась> 2 гр. класс;
- лъимер б-уссана <ребенок вернулся> 3 гр. класс;
- умумул р-уссана <предки вернулись> мн. число.

Классные показатели в составе глагола обслуживают в предложении связь между субъектом и действием:

- эмен в-уссун в-уго, эбел й-уссун й-иго (прошедшее);
- эмен в-уссун-е-в в-уго, эбел й-уссуне-й й-иго (настоящее).

Порою классные показатели в глаголе отсутствуют, но в предложении вторичные классные показатели появляются в составе сложной глагольной формы:

- эмен хуриве ине-в в-укІана <отец шел в поле>;
- эбел хурийе ине-й й-иго <мать идет в поле>.

В конструкции с непереходным глаголом связь между главными членами предложения (субъект-предикат) двунаправлена. Само по себе наличие двунаправленной связи между главными компонентами предложения маркирует его тип. Именительный падеж подлежащего возможен только при глаголе непереходного значения. Постоянный и единственный по регулярности признак непереходной конструкции — именительный падеж подлежащего, который семантически соответствует субъекту действия, состояния. [Бокарев 1949: 2]. В данном случае присутствует прямая схема соответствия [диатеза А.А. Холодовича] семантического и синтаксического критерия.

Номинативная конструкция предложения четко противопоставлена структуре предложения с непереходным глаголом-сказуемым. Его характеристика вызывает много разногласий. Особенно они заметны при обсуждении статуса имени существительного в эргативе и в абсолютиве. Этот вопрос обсуждался при описании систем склонения отдельных дагестанских языков. [Мейланова 1960, Абдуллаев 1961, Ханмагомедов 1958, Топурия 1987 и др.]. Дело в том, что эргативная конструкция совмещает широкий спектр значения падежей: творительного, родительного, дательного, порою локативного.

Важной предпосылкой к решению данной проблемы является разграничение формы и семантики синтаксиса. До сих пор в научном синтаксисе нет единства определения подлежащего и объекта, даже если при этом используется понятие диатезы. По этому поводу М.М. Гухман писала: «Нередко можно встретить утверждение, что подлежащее стоит в творительном, дательном, родительном падеже;...подобные утверждения являются результатом подмены единиц одного уровня единицами другого уровня». В том или ином падеже стоит не подлежащее, а семантический субъект, носитель или производитель признака. [Гухман 1972: 26].

В аварском языке субъект, соответствующий подлежащему, оформляется по-разному в конструкциях с переходным глаголом (эргатив, датив). Объект в этих конструкциях маркируется именительным падежом. Возникает вопрос: что считать подлежащим — имя в эргативе или имя в абсолютиве? Члены предложения в эргативной конструкции трактуются по-разному. Предлагаются два возможных решения:

- субъект всегда занимает позицию подлежащего;
- субъект занимает позицию дополнения. [П.К. Услар].

В школьных учебниках и во многих исследованиях классных языков Дагестана присутствует вторая точка зрения. В переходных конструкциях имеет место классное согласование сказуемого и прямого дополнения. Оба компонента переходной конструкции связаны между собой и формально, и морфологически. З.М. Моллаева усматривает в этом определенное противоречие. С ее точки зрения П.К. Улар и его последователи используют формальный критерий маркировки компонентов предложения, игнорируя семантический. Адепты семантического критерия [А.Дирр и др.] учитывают смысловые отношения между компонентами предложения, упуская формальный. [Моллаева 2002: 124]. Автор считает, что возникающее противоречие устранимо, если расширить границы исследования глагольной парадигмы, используя теорию валентности Л.Теньера. [1988: 250]. Валентность предполагает способность снова вступать в синтаксические связи с членами предложения, разбитого на синтагмы. [Балли 1955].

У глаголов аварского языка валентность располагается на шкале от нулевой до четырехместной отметки. В аварском языке нет глаголов с нулевой отметкой типа *ilpleut*<дождь> или *смеркает*. Но в аварском языке есть глаголы с четырехместной валентностью — четырехвалентным может быть каузатив в трехчленной конструкции предложения:

- эбелаль (эрг.) вацасул (лок.) дие (дат.) тIехь (абс.) кьуна <мать брата мне книгу дать заставила>.

Переходный глагол выражает действие, в котором четыре участника, выполняющие разные роли:

- эбелаль (источник), вацас (исполнитель), дие (пациент в дативе), тIехь (объект в номинативе).

Схема каузативной четырехместной конструкции в связях между синтагмами (от конца предложения):

➤ тӀехъ къуна → дие къуна → вацалда дие → эбелаль вацалда.

Две последние синтагмы оформляют номинативную группу переходной конструкции, но не предикативную.

М.И. Магомедов отмечает, что одностепенными можно считать предикаты типа цӀад балеб буго <идет дождь>.

В реальности в таких конструкциях остается еще один участник — Всевышний, управляющий всем на свете. Это внешняя сила при одноактных конструкциях с глаголами состояния. [Магомедов 2003: 112].

Непереходные глаголы аварского языка получили в целом достаточно полную классификацию. [Климов, Алексеев 1980: 173-174].

Среди непереходных выделяют:

1) глаголы состояния, для них обобщающими служат глаголы:

➤ вукӀине <быть>, лъугъине ккезе, вахъине <стать, оказаться>;

2) глаголы изменения состояния:

➤ агъльize <терять сознание>, азине <худеть>, унтize <болеть>, бецльize <ослепнуть>, херльize <стать старым>, багъize <прорваться>, багӀарize <греться>, биине <таять>, хӀеккине <размокнуть> и др.;

3) глаголы местонахождения:

➤ хутӀize <остаться>, вукӀине;

4) глаголы эмоций и чувств:

➤ вельанхъize <смеяться>, гъимизе <улыбаться>, вохизе <радоваться> и др.;

5) глаголы внутреннего состояния лица:

➤ божизе <верить>, хӀайранльize <удивляться> и др.;

6) глаголы речи:

➤ гаргадизе <говорить>, кӀалъазе <говорить>, бабадизе <заикаться>;

7) глаголы звучания:

➤ мимидизе <мяукать>, чвалчвадизе <журчать>;

8) глаголы занятия, направленного движения:

➤ къурдизе <танцевать>, хӀалтӀизе <работать>, сверизе <крутиться>, хъвадизе <хъвадизе>, ине <уходить>, вуссине <возвращаться>, багъаризе <двигаться>; какдезе <сплетничать>; дагӀбадизе <ругаться>

9) глаголы совместного действия:

➤ рагъize <драться>, хъакризe <ругаться>.

Лексическое качество переходного глагола аварского языка определяем наличие в структуре предложения имени субъекта и эргативном падеже. С точки зрения семантики среди переходных глаголов могут быть выделены следующие группы:

1. Глаголы, характеризующие «интеллектуальную» деятельность человека (как правило, воздействие на другого человека);

2. Глаголы, выражающие каузацию изменения состояния человека и живых существ. Здесь можно выделить две семантические подгруппы: (а) глаголы, выражающие каузацию изменения физического состояния человека и живых существ; (б) глаголы, выражающие каузацию изменения психического состояния человека;

3. Глаголы, выражающие каузацию изменения состояния предмета, придание ему нового качества;

4. Глаголы, выражающие каузацию движения объекта. Среди многочисленных глаголов этой семантической группы можно выделить подгруппы глаголов, выражающих каузацию движения объекта, с одной стороны, и каузацию смены его местоположения (глагола данной группы можно подразделить, аналогично соответствующим непереходным глаголам, на глаголы приближения и удаления), с другой. Деление это хотя в достаточной мере условно, все же оно отражает имеющиеся различия в семантике глаголов данной группы;

5. Глаголы с общим значением «создать», «сделать»;

6. Глаголы с общим значением «разрушить», «уничтожить»;

7. Глаголы, обозначающие трудовые процессы;

8. Глаголы, обозначающие физическое воздействие на поверхность предмета;

9. Глаголы, выражающие изменение принадлежности предмета и вообще каузацию посессивных отношений;

10. Глаголы, обозначающие принятие и усвоение пищи.

Обычный порядок слов в эргативной конструкции характеризуется начальной позицией субъектного имени и конечной позицией сказуемого с приглагольным дополнением.

Среди переходных много глаголов физического воздействия:

➤ хІанчІизе <кусать>, зикІкІизе <щипать>, чуртизе <щелкнуть>, тункизе <толкнуть>, къабизе <бить>, гІвизе <ударить>, хІунсизе <колоть>, къебезе <драться>.

Переходными являются глаголы движения:

➤ сверун кквезе <окружать>, чакІкІазе <раскрывать>, рикІкІине <считать>, чІамизе <жевать>, реххизе <бросать>.

Глаголы, передающие социальные отношения, также являются переходными:

➤ гьикъизе <спросить>, гьаризе <просить>, хъвазе <писать>, цІализе <читать>.

К переходным относится группа глаголов физического воздействия на объект:

➤ лъилъизе <жать>, бецизе <косить>, бессизе <ткать>, хІунсизе <колоть>, речІизе <бросить>, и др.

Переходными являются глаголы восприятия и чувствования:

➤ бокъизе <любить>, хиралъизе <быть дорогим>, лъазе <знать>, бихъизе <видеть>, батизе <найти>, бичІчІизе <понимать> къезе <дать>.

Использование непереходных/переходных глаголов в аварском языке проводится строго. Употребление того или иного глагола координирует морфологию подлежащего и дополнения при нем. Между тем у отдельных глаголов обнаруживается двойственность употребления глагольных форм. А.А. Бокарев среди прочих примеров приводит различное употребление глаголов бахине, биине и др.:

Бахине

Непереходная конструкция

Кето бахана тІохтІе
<кошка влезла на крышу>

Переходная конструкция

Боца лъим хана
<войско перешло реку>

Биине

ГІазу биана
<снег растаял>

Эбелаль нах биана
<мать масло растопила>

Формы глаголов в примерах не дифференцированы по категории переходности. В первой конструкции имя отвлекается от возможного внешнего объекта. Субъект при нем имеет форму именительного падежа. Во второй конструкции при переходной форме глагола имя в позиции субъекта не отделяется от возможного внешнего объекта. Субъект при глаголе имеет форму активного падежа. Подобные явления отмечены и в других дагестанских языках:

Непереходная конструкция

гетІе хана
<горшок разбился>

Переходная конструкция

Алди гетІе хана
<ребенок разбил горшок>
[Мадиева 1980: 12]

§2. Конструкция залога в аварском языке

Рассматривая примеры дун кванана <я ел>, чед кванана дина <хлеб ел я>⁴ Г.И. Мадиева отмечает, что одна и та же глагольная форма обслуживает две конструкции: субъектную (непереходную) и субъектно-объектную (переходную). [1980: 102]. Оппозиция переходности/непереходности существенна при оформлении структуры предложения. По замечанию В.В. Виноградова эта оппозиция затрагивает обязательно и семантику залоговости. А.А. Бокарев отмечает, что в аварском языке эта оппозиция проводится строго и различает ее не только глагольная форма, но и синтаксис предложения, т.е. его актантная рамка. [Бокарев 1949: 13].

По мнению З.Г. Абдуллаева переходность и эргатив тесно взаимосвязаны. А.А. Бокарев в своей монографии [1947] приводит обширный список переходных глаголов: бакизе <зажечь>, бежизе <жарить>, бичизе <продать>, буцизе <мять> и др., которые обладают или не обладают классными показателями основы. Такие показатели важны в самой глагольной форме. Но кроме глагольной формы в переходных конструкциях важны и падежные формы компонентов предложения. Как пишет А.А. Бокарев, в переходных конструкциях класс и число подлежащего не сказываются ни прямо, ни косвенно на форме сказуемого:

- инсуца хур б-екъана <отец поле пахал>;
- эбелаль хур б-екъана <мать поле пахала>.

Форма сказуемого зависит от классно-числовых показателей объекта действия:

- льимер б-итІана <ребенка послал>;
- льимал р-итІана <детей послал>.

Важно, что пара единиц сказуемое-объект морфологически связана не только в словоформе глагола, но и в словоформе, называющей объект. Никакой другой член переходной конструкции, кроме объекта, не может иметь маркер именительного падежа. Связь сказуемое-объект в аварском языке двусторонняя. Правда, в отдельных случаях при наименовании объекта возможен местный (локативный) падеж. [Л.И. Жирков]. Обычно это глаголы внешнего воздействия

---

⁴ Мещанинов И.И. Передача субъектных и объектных отношений в языках эргативного строя предложения / Ученые записки МГУ т.19. – М., 1960; Эргативная конструкция в языках различных типов. – Л., 1967.

(гордада кІутІуле-б б-уго <стучатся в окно>). Связь по смыслу между сказуемым и объектом оказывается очень тесной. Только переходный глагол образует эргативную конструкцию предложения, противопоставленную номинативной.

В аварском языке нет единого падежа субъекта. Падежи субъекта могут быть эргативные, дативные, посессивные и локативные. В конструкции с инфинитивом субъект и объект действия могут быть оформлены номинативом:

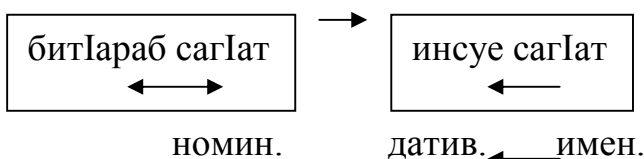
➤ матІу бекарав вас <зеркало разбивший мальчик>.

Причастие переходной семантики б-екарав исходным классным показателем б- маркирует связь между сказуемым и объектом, а классный показатель в- маркирует в бекара-в связь между сказуемым и субъектом вас. И субъект, и объект оформлены номинативом.

М.И. Магомедов [2003: 86 и др.] среди конструкций с объективными отношениями выделяет следующие:

1 конструкция: Объект в им. падеже + форма глагола: тІехъ цІализе <читать книгу>.

2 конструкция: 2 объекта + нефинитная форма глагола: инсуе битІараб сагІат <отцу отправленные часы>. Первый объект в форме детива (посессор), второй – в форме номинатива <прямое дополнение>. Причастие битІараб-б координируется с прямым объектом, косвенный объект *инсуе* нефинитной формой причастия не кодируется. Схема связи между синтагмами в конструкции: отправленные часы папе часы

3 конструкция: палеж юбъ палеж н палеж ная форма глагола речи: учителас цІалдохъанасда гъикъараб суал <вопрос, заданный ученику учителем>. Схема связи между синтагмами предложения:

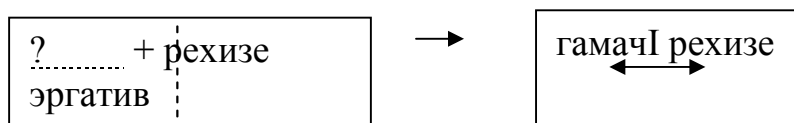

	цІалдохъанасда суал		
ном. пад. объекта	локатив I серии	НОМИН. падеж	НОМИН. падеж

4 конструкция: объект + глагол физического воздействия:
гамачI рехизе <бросить камень>.

Инфинитная форма координируется в классном числе с объектом действия. Субъект действия остается «за кадром». Схема синтагм определяется как виртуальная и реальная:

Аналогично: лъим гъекъезе <пить воду>;
чІел кваназе <есть яблоко>.

5 конструкция: с зависимым именем в пассиве:

Маххул гъабураб бакI <стул из железа> = маххул бакI <железный стул>. Атрибутивные отношения приравнены к инфинитной конструкции.

6 конструкция: объект + причастие глагола внешнего восприятия + объект:

Васасда вихъарав эмен <отец, которого увидел мальчик>;

Васасда йихъарай эбел <мать, которую увидел мальчик>;

(букв.: мальчиком увиденный отец, увиденная мать).

Схема связи синтагм:

Нефинитная форма глагола координируется классно-числовыми показателями с объектом восприятия, именем в номинативе. Субъект восприятия (локатив I серии) с причастием не координирует.

В подобной конструкции часто используются глаголы зрительного восприятия балагъизе <смотреть>; глаголы слухового восприятия: рагІизе <слышать>; глаголы, обозначающие внутреннее состояние субъекта: бичІчІизе <понимать>.

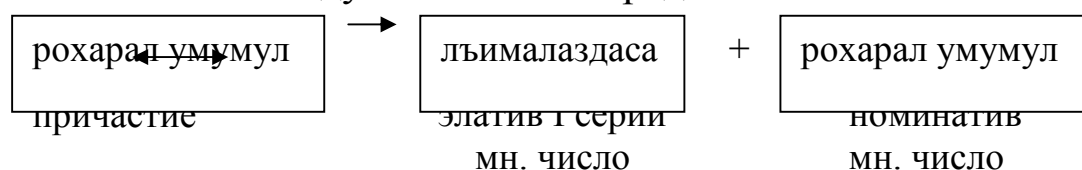
7 конструкция: глаголы, обозначающие внутреннее состояние, они могут обладать непереходной семантикой: чІухІаризе <гордиться>, рохаризе <радоваться>, риххизе <растеряться> и др. Они исполь-

зуются в конструкции объект + нефинитная форма непереходного глагола + субъект

Лъималаздаса рохарал умумул <букв.: от детей раздувающиеся родители>.

Конструкция распространена в аварском языке. В такой конструкции объект оформлен элативом 1 серии (лъималаздаса), субъект оформлен номинативом, а причастие с префиксом р- и суффиксом -л координирует с субъектом (умумул – мн.ч., номинатив). Схема связей между синтагмами в конструкции дана ниже.

Схема связи между синтагмами предложения:

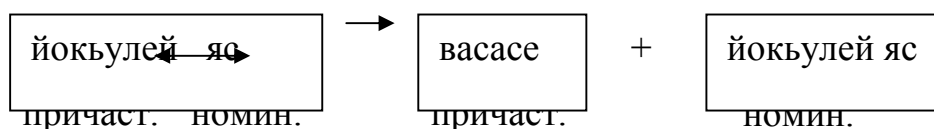
Объект, оформленный элативом 1 серии, оказывается вне рамок координации между субъектом и нефинитной формой глагола с переходной семантикой.

8 конструкция: глаголы чувственного восприятия требуют оформить субъект дативом, а объект – номинативом. Конструкция субъект + инфинитная форма + объект:

Васасе йокьюлей яс <парня любимая девушка>.

датовн. при-	ном.
падеж	палеж

причастие координирует суффиксально и предикально с именем в номинативе. Субъект находится вне этой координации. Схема синтагматических связей между компонентами высказывания:

Субъект находится вне рамок координации между нефинитной формой глагола и падежом объекта.

Схема связей между компонентами сообщения отличается от той, что рассмотрена выше. Сравним:

Непереходная конструкция

Объект + [причастие + субъект]
 Вектор направленности связей
 от предикативной группы к объекту: ←

льималаздаса рохарал умумул
 источник действия ↑

Переходная конструкция

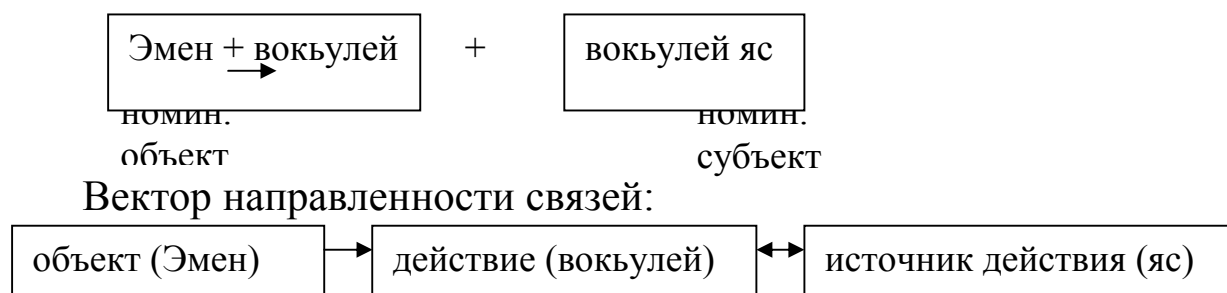
Субъект + [причастие + объект]
 Вектор направленности связей
 от субъекта к предикативной группе: →

васасе йокьюлей яс
 источник действия ↑

Пусть источник действия будет оформлен не косвенным падежом, а номинативом, как и объект действия:

Эмен вокьюлей яс <отца любящая девочка>.

Конструкция: объект + нефинитная форма переходного глагола + субъект. Причастие координируется классным показателем *в-* с объектом эмен (1 грамм. класс), а классный показатель *-й* координируется с субъектом ле (2 грамм. класс). Схема связей между синтагмами:

Коллизия двух падежей снимается за счет поэтапной связи двух синтагм в составе одного предложения. В данном случае смысл глагола вокьизе диктует вектор направленности действия, а семантика синтаксиса устанавливает иерархию отношений между составляющими как поэтапность становления синтагм предложения в глубинной грамматике высказывания.

Таким образом, координация отношений между предикатом, субъектом и объектом действия/состояния не является одномерной. Она обусловлена лексикой, морфологией, семантикой синтаксиса. Описание связей между компонентами высказывания учитывает данные не только линейные, представленные формой языковых единиц, но и иерархию связей и отношений между единицами языка, во многом сохраняющей в тексте высказывания следы его исторического состояния. Так, А.А. Бокарев, анализируя употребление переходных/непереходных глаголов, отметил, что двойственность характеристики глаголов не может быть случайной. Сквозь современную неоднозначность свойств глаголов проглядывают более старые отноше-

ния, допускавшие неразличение глаголов по этой категории. [Бокарев 1949: 47-50]. Автор считал, что в аварском языке сохраняется остаток такого строя речи, при котором «...глагол выражал не столько действие, переходное или непереходное, сколько состояние, в котором находился данный предмет...».

Анализ примеров тем не менее показал, что категория переходности/непереходности прозрачна при сопоставлении конструкций того или иного предложения. Непереходные глаголы возможны в номинативной конструкции (конструкции абсолютива). Переходные глаголы возможны в конструкции эргатива. В ней отношения между предикатом, субъектом и объектом коррелирует с морфологией и семантикой залоговости. Чаще всего залоговость проявляется в оппозиции между эргативной и номинативными конструкциями. Обычно в языках номинативного строя ведущую роль играет оппозиция именительного и винительного падежа. В языках эргативного строя винительного падежа нет, а подлежащее маркируется самыми разными падежами:

- вац рохъове вуссана <брат домой вернулся> (абсолютив);
- вацас хур бекъана <братом поле пахано> (инструменталис);
- вацасе йокъулей яс <братом девушка любима> (датив);
- вацасда жиндирго вас вихъана <брат видел своего сына> (местный падеж покоя);
- вацасул вас вуго <брат имеет сына> (родительный падеж).

Приводя эти примеры, И.И. Мещанинов [1964: 46] утверждает, что в эргативной конструкции падеж подлежащего зависит от смысла глагола. При этом не учитывается семантика синтаксиса, в частности возможность восприятия эргативной конструкции как пассивной [М.М. Гухман] и возможность признания абсолютива во всех типах конструкций подлежащим предложения. [З.Г. Абдуллаев]. У разных ученых свои аргументы «за» и «против» точки зрения на такие конструкции. Л.С. Чикобава [1964] назвал вершиной эргативной конструкции предикат, коррелирующий морфологически и с падежом субъекта, и с падежом объекта. Мы предположили, что существует иерархия корреляций между падежами субъекта и объекта в семантике синтаксиса аварского языка. При прочих равных условиях существует поэтапность связей между предикатом и субъектом, между предикатом и объектом. Она зависит от вектора направленности события: от источника к объекту:

Эмен вокъулей яс <отца любящая девушка>.

Подобная корреляция зависит от взгляда говорящего, от центра и форма высказывания. Г.А. Климов [1973: 78-79] полагает, что аварское предложение имеет не один, а два конструктивных центра – подлежащее и сказуемое. Глагол и сказуемое составляют два конструктивных центра предложения. В свою очередь авторитетные ученые, изучающие дагестанские языки, включают в состав главных членов предложения не два, а три компонента: подлежащее, глагол и дополнение [П.К. Услар и его сторонники]. Возникает альтернатива, в основе которой лежит ответ на вопрос, что маркируется в предложении:

- значение или форма языковых единиц?
- форма и значения языковых единиц?

С наших позиций ответ на этот вопрос был намечен в теории диатез А.А. Холодовича. В наши дни развитие этой теории привело к референциально-ролевой грамматике, которая разграничивает прямую и непрямую маркировку ролевого статуса актантов. [В.Валин, Фоли 1982]. Признание языка ролевым влечет за собой необходимость признать наличие грамматических характеристик, прозрачных на уровне синтаксиса: залоговые преобразования, релятивизацию, переключение референции и др. [Кибрик 2003: 156].

В последние годы многие ученые пришли к выводу о том, что подлежащее не сводимо к одному ролевому статусу. В этом понятии фокусируются признаки разной семантической природы высказывания: Агенс, Пациенс, Рецепиент и др. Падеж субъекта в дагестанских языках маркирует оппозицию разных синтаксических конструкций. В аварском языке прямая маркировка статуса субъекта как подлежащего возможна только в непереходных конструкциях. Прямая маркировка статуса объекта падежом абсолютива возможна только в переходных конструкциях. Между тем падежная система аварского языка обслуживает не только маркировку ролевого статуса актантов, но и синтаксис аварского предложения в целом, в частности появлений наречий при нефинитной форме глагола (вассада йокбулей яс). Вне зависимости от переходности/непереходности глаголов, в семантике каждого аварского предложения два центра (именной и предикативный), по отношению к которым группируются все его члены. Оба центра взаимозависимы как составляющие одного высказывания. Ролевое соответствие актантов возможно в номинативе:

вас в-ачІана <мальчик пришел>, яс йохана <девочка обрадовалась>.

В целом маркировка субъекта и подлежащего проходит по разным схемам, что было показано выше. Важное значение для разграничения типа маркирования связи между компонентами предложения имеет характер присутствующих в нем синтагм. С нашей точки зрения стратегия морфологической маркированности составляющих аварского предложения носит нелинейный характер. В составе предложения все его компоненты обладают двойной морфологической маркировкой. Есть морфологическая маркировка составляющих внутри синтагмы, это вершинные маркировки. Есть морфологическая маркировка составляющих между синтагмами. Это зависимое маркирование компонентов предложения. Оно выступает как целое, имеющее свойства, отличные от характера своих синтагм.

Мы предполагаем, что функционирование падежной системы аварского языка приспособлено к кодированию синтаксических отношений между составляющими предложения при их вершинном и зависимом маркировании. Очевидно, стратегия маркирования составляющих предложения многомерна. Она ориентирована на сильные связи между составляющими предложения внутри синтагмы и на слабые связи между составляющими предложения как целого. Его синтагмы по одиночке не обладают свойством целого, поскольку являются частями этого целого. Между тем стратегия маркирования составляющих в синтагме и в предложении в целом обусловлена нормами синтаксиса аварского языка.

Вернемся к анализу рассмотренного ранее материала с учетом высказанной нами гипотезы о поуровневой стратегии вершинного и зависимого маркирования составляющих предложения в аварском языке.⁵

Уточним термины <вершинное и зависимое маркирование составляющих двусоставного и многосоставного аварского предложения>.

Двусоставное предложение (вас вачІана <мальчик пришел>, эбел йачІана <мама пришла>). В предложении два составляющих, глагол и существительное, образующие одну синтагму. В данном случае она является ядерной, поскольку фоновые синтагмы конструкцию таких предложений не предопределяют. Внутри синтагмы составляющие координируются так, что морфология вершинного элемента сопряжена с морфологией последующего. Первым состав-

---

⁵Ср. типы составляющих в модели I. Nickols. Linguistic diversity in space and time. Chicago 1992/

ляющим в синтагме по порядку следования является подлежащее. Условно называем его вершиной, поскольку синтаксическая упорядоченность составляющих диктует и семантику синтаксиса. Тогда именительный падеж подлежащего диктует вершинное маркирование морфологии глагольной формы, в частности присутствие в ней классных показателей.

Итак, в таком предложении есть одна модель маркирования составляющих – ядерная синтагма.

Тип составляющих: подлежащее + глагол.

Структура составляющих:

гола [морфология: имен. падеж сущ. / классные показатели глагола
семантика: ± одушевл. субъекта / непереходная семантика глагола

Многосоставное предложение. Рассматриваем в качестве примера минимальный состав предложения с переходным глаголом:

- вацас къалам б-екана <брат сломал карандаш> (финитная глагольная форма):
- васасе йокбулей яс <парню любимая девушка> (нефинитная глагольная форма, причастие).

В трехсоставном предложении две синтагмы, ядерная и фоновая. Они различаются по составляющим и по стратегии маркирования составляющих. В рассматриваемых случаях фундаментом предложения, его синтагмой служит глагол и координируемое с ним имя в номинативе. Координация морфологических показателей затрагивает субъект и другие составляющие ядерной синтагмы (б-глагольная форма + падеж имени). Если признать, что в аварском языке подлежащим может выступать имя в номинативе, то рассматриваемая ядерная синтагма обладает стратегией вершинного маркирования:

- именительный падеж подлежащего и б-глагольная форма (къалам б-екана <карандаш сломал>).

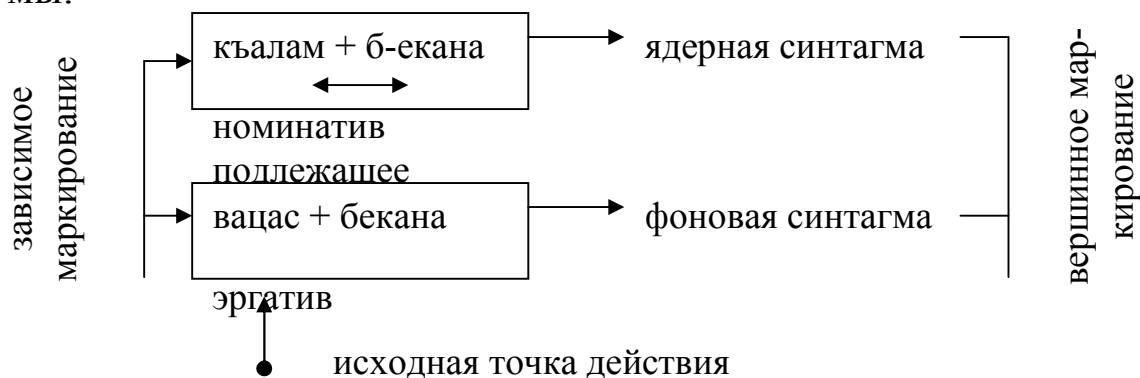
Фоновая синтагма включает иной набор составляющих: глагол и дополняющее его смысл существительное в эргативе: вацас бекана <брат сломал>. Классные показатели глагольной формы не зависят от показателей падежа имени эргатива. Составляющие фоновой синтагмы не обладают взаимозависимыми морфологическими маркерами вершинного маркирования, но есть зависимость семантического плана между именем в эргативе и смыслом глагола. Имя в эргативе указывает источник действия, названный глаголом. В семантике синтак-

сиса фоновая синтагма (имя в эргативе + глагол) обладает сильными смысловыми связями между составляющими.

В такой синтагме только имя в косвенном падеже указывает вектор направленности действия, тогда как в ядерной синтагме никогда не может быть маркирован источник действия. Вектор направленности устанавливает пространственно-временную упорядоченность действия его участников. Слабые связи субактивных актантов обладают в строении целого зависимым морфологическим маркированием. Оно «накладывается» на морфологическое маркирование составляющих ядерной синтагмы и поддерживает упорядоченность семантики целого, разграничивая падежной формой существительных исходную и конечную точки в пространственно-временном континууме целого, т.е. морфологию составляющих ядерной и фоновой синтагмы как компонентов целого. Синтагмы организуют семантику целого и не равняются ему по смыслу:

➤ вацас къалам б-екана <брат сломал карандаш>.

Схема связей между составляющими ядерной и фоновой синтагмы:

Итак, в предложении две модели маркирования составляющих в двух синтагмах: ядерной и фоновой.

Тип составляющих: подлежащее + глагол (1)
 косвенное дополн. + глагол (2)

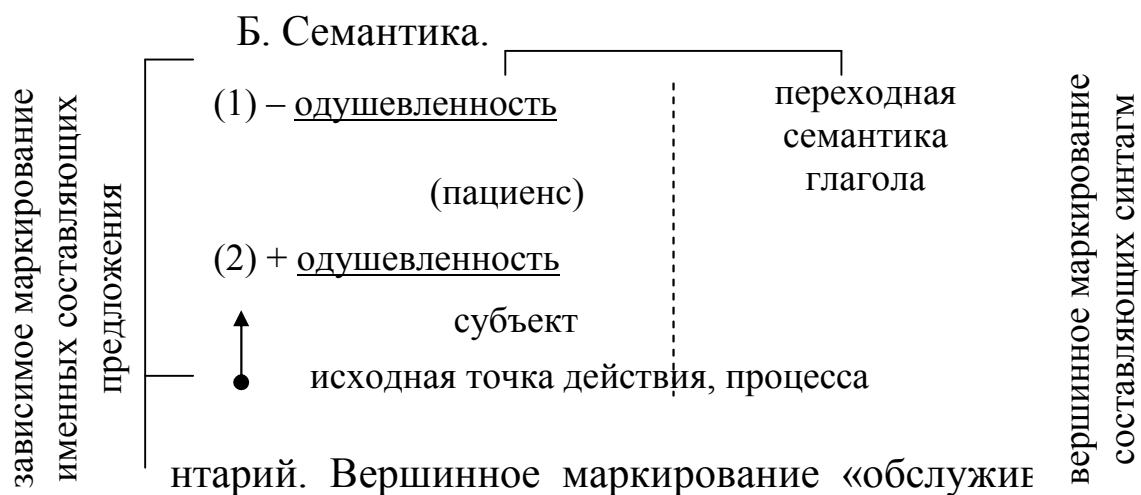
Структура составляющих:

А. Морфология.

(1) именительный падеж подлежащего + классные показатели глагола;

(2) эргатив падежа косвенного дополнения + временно/глагольная форма.

Средством маркирования служит согласование между показателями падежа существительного и между показателями классного согласования у глагола. Зависимое маркирование обслуживает координацию между маркерами составляющих предложения. Средством маркирования служит распределенность показателей падежа существительных, называющих участников действия, процесса. Именительный падеж существительного маркирует подлежащее. Косвенные падежи маркируют дополнение. Только имя в косвенном падеже (эргатив) указывает на исходную точку действия, его субъект:

➤ *vasase* : йокбулей яс <парню любимая девушка>
 ↑ исходная точка действия, процесса.

В исходной точке маркирован падеж имени, называющий субъект действия, но не подлежащее в конструкции с переходным глаголом.

Итак, зависимое маркирование «отвечает» за форму и содержание составляющих предложения с трехчленной структурой. Вершинное маркирование при этом отвечает за форму составляющих в ядерной синтагме предложения. В предложении с трехчленной структурой зависимое маркирование составляющих «накладывается» на вершинное маркирование составляющих. Тем самым семантика синтаксиса целого оказывается под двойным контролем: формированием синтагм и фиксацией морфологических составляющих в составе целого.

Высказанные нами замечания и анализ синтагм верны, если признать постоянным маркер подлежащего в именительном падеже. Этот

принцип отстаивает при анализе субъектно-объектных отношений М.И. Магомедов [2003: 55].

Иную точку зрения и иной анализ фактов мы находим в монографии З.М. Маллаевой. Рассматривая категории субъекта и объекта, автор предлагает отграничить их от подлежащего и дополнения. Пара (субъект-объект) определяет строение семантики синтаксиса в языке. Пара (подлежащее-дополнение) определяет синтаксис отдельно взятого простого предложения. Автор утверждает что это разные уровни анализа фактов языка. Мы поддерживаем данное утверждение. З.М. Маллаева перечисляет ряд признаков, позволяющих разграничить субъект и объект высказывания. Приведем некоторые из них, очевидно бесспорные.

1. Крайняя слева позиция отводится субъекту действия:

➤ *васас хур бекьулеб буго* <мальчик поле пашет>.

2. Появление возвратного местоимения *жинцаго* <сам> в составе высказывания, оформленного как двусоставное или многосоставное предложение:

➤ *эмен жинцаго вуссана* <отец возвратился>;

➤ *инсуца яс жинцаго ячана* <отец сам девушку привел>.

3. В высказывании реально остается всегда позиция для субъекта действия, даже если он и не назван:

➤ *инсуца кагъат хъвана* <отец письмо написал> → *эмен хъвадарана* <отец написал>.

Добавим, что в некоторых случаях семантика глагола позволяет указать направление процесса, его субъект и объект, даже если их оформляет одинаково падеж аблосютива при нефинитной форме глагола:

➤ *эмен вокулей яс* <отца любящая девочка>.

источник действия, субъект.

4. В случае каузации в высказывании сохраняет падежное маркирование объекта сообщения:

➤ *инсуца тIехь цIалана* <отец книгу читает>;

➤ *дида инсуца тIехь цIализабуна* <я отца книгу читать заставил>.

Набор признаков, идентифицирующих субъект и объект сообщения, не позволяет утверждать, что они идентифицируют подлежащее и дополнение трехсоставного предложения. Приведенные факты не опровергают тезис о том, что подлежащим в аварском предложе-

нии может стать только имя в абсолютиве (См. высказанное выше мнение З.М. Маллаевой о необходимости разграничивать разные уровни анализа языковых конструкций в тексте).

§3. Семантика залога в аварском языке

Аварский язык принадлежит к языкам эргативного строя, где объем и грамматическое содержание залога не получили однозначной характеристики. В языках эргативного строя есть несколько тенденций в трактовке категории залога:

1. переходный глагол в эргативной конструкции пассивен [П.К. Услар, Р.Эркет, Л.И. Жирков, З.Г. Абдуллаев, М.И. Магомедов];
2. переходный глагол в эргативной конструкции активен [Н.Финк, Н.Ф. Яковлев, С.Л. Быховская];
3. переходный глагол в эргативной конструкции нейтрален [А.Дирр, А.А. Бокарев, А.С. Чинобава, С.Д. Кацнельсон, Г.А. Климов].

Отметим, что В.В. Виноградов [1947: 606] выделил особое положение категории залога в языке. Эта категория не является только глагольной. Она погранична между лексикой и грамматикой, ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова.

А.А. Бондарко отметил полевою структуру залога в ситуации, когда используются разноуровневые средства для маркировки события, процесса в отношении к субъекту и объекту [1984: 125]. После теории диатез А.А. Холодовича стало общепризнанным использовать при описании залоговости два ряда терминов:

- <субъект-предикат-объект> для единиц семантического уровня;
- <подлежащее-сказуемое-дополнение> для единиц синтаксического уровня.

Не все ученые признают наличие категории залога в дагестанских языках. А.С. Чикобава отрицал категорию залога в аварском языке на том основании, что в нем имеется переходный глагол, нейтральный в залоговом отношении. [1981: 33]. К.Р. Керимов полагает, что в лезгинском, а также в аварском и других языках нет категории залога как морфологической категории. Однако эргативная конструкция строится на оппозиции активность/инактивность, а средством ее

выражения служат падежные показатели, в частности эргативный падеж имени. [Керимов 1986: 43].

Убедительную и простую для восприятия версию залоговости выдвинул П.К. Услар. Он предположил, что все падежи, не отражающие в глаголе своей категориальной сути, являются косвенными. Это второстепенные члены предложения, в том числе и эргатив. Главным членом предложения может быть номинатив двух структурных типов: в конструкции пассива это страдательный залог, в конструкции актива — это медиапассив. Отсутствие (нулевое присутствие действительного залога) ничего не говорит об отсутствии страдательного и среднего залогов в дагестанских языках. В аварском языке категория залога находит свое выражение на уровне морфологии (аффиксы падежных форм существительных и аффиксы классно-числовых показателей глагольных форм) и на уровне синтаксиса. Здесь существует неоднородная характеристика залоговости:

- оппозиция эргативной и номинативной конструкций;
- разнонаправленность представления процесса в пространстве и во времени по отношению к его субъекту и объекту в тексте высказывания;
- разноуровневая характеристика связей и отношений между составляющими высказывания (семантический уровень высказывания) и между составляющими предложения (формальный синтаксический уровень);
- бинарная привативная оппозиция двух семантических вариантов: 1) средний залог (действие направлено на субъект и объект); 2) страдательный залог (действие направлено на объект).

В аварском языке залоговость прозрачна особенно в сфере причастия, нефинитной глагольной форме. Любое аварское причастие, даже вне контекста, маркируется аффиксами среднего залога *-в*, *-й* или аффиксом *-б* при страдательном залоге. Примеры:

Средний залог	Страдательный залог
ВихьичІого чи лъаларев <человека не узнаешь пока не испытаешь>.	Хьопоца кьуричІеб тІилаца бекулеб <не сгибается как прут, ломается (прич.) как палка>.

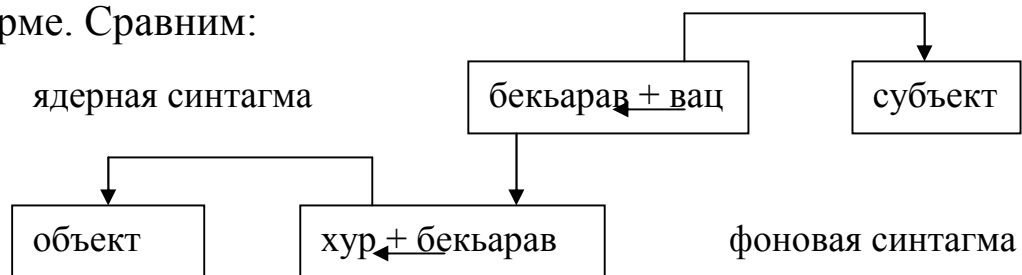
Содержание высказываний зависит не только от грамматической структуры предложения и его составляющих, но и от семантики языковых единиц.

Категория залога в причастных формах аварского языка — это ряд однородных глагольных форм, организованных в конечном итоге противопоставлением <средний/страдательный залог>. Материал показывает, что финитным и нефинитным формам аварского глагола привычна залоговая дифференцированность активных и инактивных конструкций среднего и страдательного залогов. Сравним:

Страдательный залог	Средний залог
Вацас бекъараб хур	Хур бекъарав вац
источник действия	исполнитель действия
<братом вспаханное поле>	<поле вспахавший брат>

Залоговость в аварском языке не может быть определена только парадигмой глагольных форм и оппозицией конструкций, или же только парадигмой падежных именных форм. Нужно осознанное противопоставление языковых конструкций и связанных с ними координаций синтаксических и семантических явлений в системе аварского языка. Так, в рассматриваемом примере причастия бекъараб и бекъарав связаны с переходным глаголом бекъизе <пахать>. Использование причастий в рассматриваемых конструкциях позволяет представить ситуацию как данную, уже совершившуюся. Подчеркивается не только совершившийся факт, но и новый возникающий признак. Он реально определившийся как по отношению к субъекту, так и по отношению к объекту события. Фокус информации сосредоточен не на причастии, а на его возможном окружении, как это обычно бывает при финитной глагольной форме. Очевидно, ядерная синтагма в данном случае одна и та же: (причастие + объект в номинативе). Выбор конструкции предопределяется предикативным центром предложения и той информацией, которую необходимо сообщить о субъекте и объекте ситуации. Пусть в центр попадает объект хур. Причастие координирует с его морфологической формой, принимая -б маркер, т.е. префиксальный и суффиксальный показатель связи между предикативным признаком (результатив) и его носителем. Такая ядерная синтагма осознается как единое целое, обладающее вершинным маркированием. Вектор направленности сообщения: от предикативного признака к его носителю. В следующей, фоновой синтагме, субъект остается вне центра сообщения, он выполняет функцию косвенного составляющего и в предложении принимает падежную форму эргатива. Это не косвенный участник действия, а его прямой участник, тем не менее попадающий в фокус сообщения. Он остается вне рамок косвенной синтагмы и по правилам зависимого маркирования не мо-

жет быть обозначен иначе, как косвенным падежом, т.е. эргативом. Пусть в центр сообщения теперь попадет не объект, а субъект действия, его исполнитель. Естественно, что ядерная синтагма ориентируется на фокус сообщения, центром которого становится предикация признака его носителю. Ядерная синтагма ориентирована на одушевленного исполнителя действия. Ему предиктируется вновь возникающий признак. Предикативный признак теперь координируется с его носителем, т.е. исполнителем действия (причастие + субъект), а вершинное маркирование в ядерной синтагме затрагивает и глагольную форму (-в показатель), и форму имени (номинативный падеж: *вац*). Семантическая составляющая в целом, в высказывании оказывается незавершенной без фоновой синтагмы. Она строится по правилам зависимого маркирования сопряженных форм имени субъекта (*вац* — номинатив ядерной синтагмы) и объекта (*хур* — номинатив). Теперь объект фоновой синтагмы координирует с предикатом фоновой синтагмы предложения, который принимает -б показатель в глагольной словоформе. Сравним:

Залог с позиций прагматики

Мы уже отмечали, что в лингвистике нет общепринятого определения залога. Исследователи вкладывают в определение залога разное содержание. Некоторые теоретические положения в определении залога оказываются спорными, однако общепризнано, что категория залога выражает субъектно-объектные отношения. Например, определение залога в словаре А.А. Ахмановой ставит акцент на том, что это категория глагола, выражающая отношения между субъектом и объектом действия. [СЛТ: 152]. Не уточняется в каком контексте выражаются эти отношения. Уточнение кажется необходимым, если учесть, что единицей сообщения может быть не только предложение, но и высказывание. Предложение рассматривается как сложная синтаксическая структура, обладающая как целостная единица речи грамматической, семантической и коммуникативной сторонами. Это разные аспекты исследования единицы речи. С позиций семантики в ней есть субъект, объект, предикат. С позиций коммуникации — тема и рема. Поэтому предложение коррелирует с определением высказы-

вания, основными единицами которого являются синтагмы, тема (исходный пункт), рема (ядро). Становится очевидным, что высказывание обладает ядерной (полевой) структурой и определение семантики залога имеет прямое отношение к основной функции высказывания: быть коммуникативной единицей языка в ее применении в речи. При таком понимании знаковой сущности высказывания залог в каждом случае употребления коммуникативной единицы однозначен, так как в ней сама логика субъектно-объектных отношений лишена варьирования. (Сам характер субъектно-объектных отношений логически однозначен). В предложении, в силу особенностей его строения, варьируется способ выражения этих отношений. Уже в самом их определении задан порядок их следования в единицах языка и речи — от субъекта к объекту.

Рассматривая залоговые противопоставления в аварском языке, З.М. Моллаева [2002: 118-174] пришла к выводу о том, что залоговость связана с оппозицией глаголов действия и состояния, которая ведет к корреляции между эргативной и абсолютивной конструкциями. В аварском языке залог функционирует не как глагольная категория, а как семантико-синтаксическая категория, реализуемая противопоставлением различных конструкций (с. 175). Автор считает, что в аварском языке имеет место оппозиция активной и инактивной конструкции, как специального средства выражения залоговых отношений между актантами глагола. По мнению автора сущность залоговых оппозиций в дагестанских языках, в частности в аварском языке, можно понять, выйдя за пределы грамматики, устанавливая взаимосвязь между логическим содержанием и грамматической формой единиц языка. Подобный подход позволит ответить на многочисленные вопросы, возникающие при исследовании категории залога.

Данный тезис явился ключевым при рассмотрении залоговых корреляций аварского языка. Эти корреляции широко обсуждаются в работах известных ученых по синтаксису и морфологии. [Бокарев 1949, Магомедов 2003, Нурмагомедов 2000 и др.].

М.И. Магомедов, исследуя категорию залога в аварском языке, уточняет, что она определяется направленностью глагольного действия [2003: 126]. Возможны два семантических варианта: действие направлено на субъект и объект (средний залог); действие направлено на объект (страдательный залог).

В сферу исследования залога вовлекаются разные факторы: а) оппозиция языковых конструкций; б) направленность действия; в)

отношения между субъектом и объектом. Все эти факторы соотносят между собой три уровня: синтаксический, семантический и коммуникативный [Гухман 1964]. Эту точку зрения на залог подтверждает и анализ однотипного материала аварского языка, выполненный по-разному в монографиях З.М. Маллаевой и М.И. Магомедовым. Исследователи раскрывают филологический опыт говорящего на аварском языке, который умеет использовать языковые возможности для того, чтобы передать информацию, которую он хочет сообщить.

В контексте любого высказывания носитель аварского языка по своему говорит об объективных явлениях реальности, субъективно представляя свое видение и свою информацию о них. Говорящий в своем сообщении закономерно сочетает и чередует языковые конструкции и их компоненты, воссоздавая воспринятую реальность средствами родного языка.

В чередовании и сочетании языковых средств выражения внешней картины мира представлена и логика событий, и логика языковых ситуаций. Для исследователей возникает проблема анализа условий выбора носителем языка существующих в его филологическом опыте конструкций, при помощи которых в принципе выражается необходимое когнитивное содержание, в частности и смысл залоговых оппозиции.

Основная цель предлагаемого здесь обсуждения заключается в том, чтобы выявить в материале языка предпосылки выбора говорящим тех или иных средств, позволяющих ему выразить необходимый смысл сообщения. Ситуация выбора создается для говорящего прагматическими предпосылками. Они максимально отчетливо прослеживаются при составлении конситуативно ориентированных конструкций, сходных по семантическому, но не структурному признаку. Очевидно, это эргативные и абсолютные конструкции аварского языка, которые построены с помощью нефинитной формы глагола - причастия прошедшего времени с показателями на *-в*, или на *-б*.

Отметим, прежде всего, что финитные формы аварского глагола в отдельных случаях морфологически не разграничены при **передаче** субъектно-объектных отношений (переходность/непереходность глагола). Например, глагол *жемизе*(виться): *гьабу гьотIода жемана*(лоза обвилась вокруг дерева). Но: *гьос гьотIода муш жемана*(он закутал деревце в рогожу). Активное и инактивное начало морфологически не выделено в глагольной форме без поддержки контекста. Иная морфологическая характеристика материала присутствует в

языковых конструкциях с причастиями прошедшего времени. Здесь субъектно-объектные отношения передаются с помощью синтаксиса и с помощью морфологических форм. Сравним две конструкции:

- *вацас бекъарабхур* (братом вспаханное поле) — эргативная конструкция;
- *хур бекъараввац* (поле вспахавший брат) — абсолютивная конструкция.

В первой конструкции форма причастия имеет аффиксы (б-екъара-б) морфологического классного согласования с последующим неодушевленным существительным *хур*. Оно называет предмет, на который направлено действие. Во второй конструкции причастие имеет аффиксы (б-екъара-в), указывающие на двойное морфологическое согласование:

- с предшествующим неодушевленным существительным *хур* (аффикс -б- в начале словоформы глагола);
- с последующим одушевленным существительным *вас* (аффикс -б— в окончании словоформы глагола).

Два указанных явления –

- соположенность двух разных конструкций по смыслу;
- морфологическое классное согласование компонентов конструкций –

передают не семантическое варьирование сообщаемого, а различную смысловую нагрузку сегментов сообщения о последовательности события, воссоздаваемой говорящим на аварском языке. Каждая из конструкций исоставляющие ее компоненты передают разные фрагменты целостного сообщения. Различие конструкций носит не столько семантический, сколько прагматический характер. Оно целенаправлено на сегментацию и осмысление событий, т.е. на последовательное воспроизведение фрагментов внеязыковой картины мира, в исходной и ядерной синтагме сообщения.

В языковой реальности соположенные конструкции конситуативно ориентированы, имеют сходное, семантическое наполнение, но передаваемый ими смысл целого не тождественен самому себе в каждой конструкции. Вместе обе конструкции несут сообщение о последовательных событиях, внешних по отношению к языку. Последовательность событий упорядочена логикой предъявления событий, т.е. следует логике изложения фактов. Логика актуализации языковых ситуации может различаться именно направленностью субъектно-

объектных отношений, передаваемых средствами языка в тексте высказывания о том или ином событии.

Рассмотрим конкретный пример не преобразования, а взаимосвязи смыслового содержания между двумя конструкциями аварского языка, которые в совокупности передают сюжет (клаузу) реального события: ситуации становления посессивных отношений между субъектом (лицом) и объектом (предметом, не лицом) некоторого события. Это событие мы рассматриваем как покупку предмета (шапки) определенным лицом (отцом, например):

1. *Инсуца босараб тIагъур* <Отцом купленная шапка>;
2. *ТIагъур босарав эмен* <Шапку купивший отец>.

По логике внешних событий сначала реально имеет место вхождение субъекта и объекта в процесс. Покупку совершает одушевленное лицо, затем происходит становление посессивных отношений между лицом и предметом, далее реализуется успешно завершение события, т.е. пребывание предмета (шапки) в ситуации принадлежности лицу (отцу).

Воспроизведение осознанного и передаваемого сообщения у носителя языка сопряжено с его прежним филологическим опытом. Строя сообщение, говорящий выбирает конструкции в материале языка, которые имеются в его распоряжении, т.е. в его языковой компетенции. Предшествующее исследование событий в логике языка является относительным в силу того, что в нем присутствует разграничение активного и пассивного начала на разных уровнях. На лексическом уровне есть активные и инактивные глаголы в аварском языке; на синтаксическом уровне есть активные и инактивные конструкции (эргатив и абсолютив); на морфологическом уровне есть особое маркирование глагольных форм аффиксами *-б*, *-в* по их связи с участником языковой ситуации (субъектом и объектом). Прагматика речи для говорящего несет с собой определенную «фокусировку» активных и инактивных «начал» в языке на разных уровнях (грамматика словаря и текста, например).

Чтобы выполнить изначальное разграничение активного/пассивного в соположенных по смыслу языковых конструкциях (эргатив и абсолютив), говорящий на аварском языке использует весь имеющийся арсенал средств, создавая разные по строению, но соположенные по смыслу конкурирующие языковые ситуации.

Предполагаем, что в аварском языке высказывание ориентировано на презумпцию центральной роли одушевленного лица. В рас-

смаатриваемом нами случае в соположенных языковых конструкциях посессивная ситуация должна быть представлена тремя фазами: вхождение лица в состояние покупки; нахождение лица в данном состоянии, реализация (завершение) состояния для одушевленного лица, т.е. информация о пребывании объекта в заданном состоянии. В рассматриваемом материале мы находим указание на вхождение лица в состояние покупки: *тIагъур босарав эмен*. Это конструкция, где глагольная форма маркирована суффиксом *-в*. В фокус языковой ситуации попадает название предмета (*тIагъур*). Название лица (*эмен*) вместе с глагольной формой организует предикацию (рему сообщения) относительно названия предмета (*тIагъур*): выбор *б-* в форме глагола. Фаза нахождения в отношениях посессивности между лицом и предметом, очевидно, представлена как соположенность, конкуренция двух разных языковых ситуаций: предложения с эргативом и предложения с абсолютивом. Соположенность ведет к четкому восприятию смысловой нагрузки залога в конструкции языка. Абсолютив и эргатив каждый по своему формируют два сообщения, нацеленные на передачу информации об отношениях посессивности между агентивом (лицо, *эмен*) и предметом *тIагъур*. Информация о реализации, завершенности личностно-предметных отношений содержится в предложении с эргативом, где наименование лица в эргативе (*инсуца*) вынесено в препозицию к глагольной форме, а наименование предмета входит в глагольную группу, что отмечено морфологическими маркерами *-б* в начале и в конце глагольной словоформы (*босара-б тIагъур*). В фокус высказывания попадает не глагольная группа, а название лица, заданное эргативом (*инсуца*). Оно становится ремой сообщения и несет наибольшую степень коммуникативного динамизма.

Материал языка, используя исходную и ядерную синтагму высказывания, т.е. активную и инактивную, несет сведения о сегментации компонентов смысла сообщения, о становлении и реализации отношений между лицом (*эмен*) и предметом обладания (*тIагъур*). Ни в одной отдельно взятой конструкции смысл категории залога не тождественен самому себе. Смысл целого находит свою полную реализацию только в соположенности преобразований материала языка, в речевой деятельности (термин «*раго1е*» Ф. де Соссюра). Обратим внимание еще на один факт. Эргативная конструкция в аварском языке первична. В нейсосредоточены в нерасчленном виде все компоненты смысла, диктующие морфологическое оформление, синтакси-

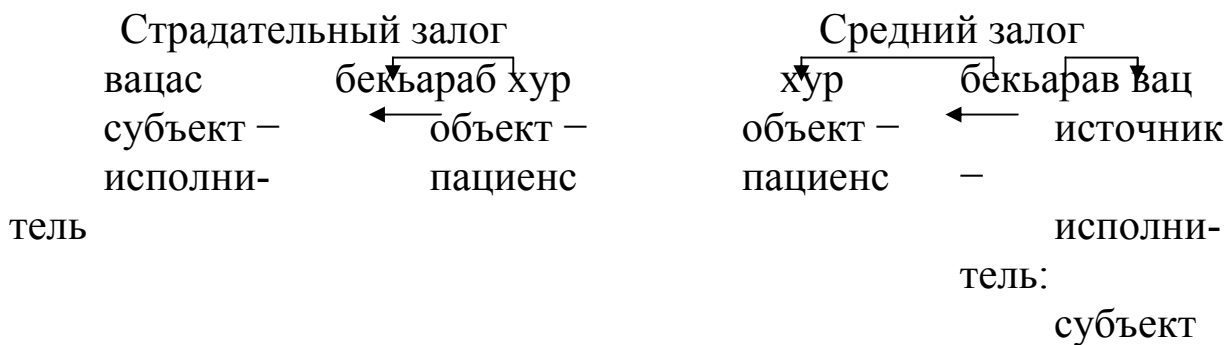
ческую позицию и сегментацию языковых единиц не только в самой эргативной конструкции, но и в сопряженной с ней абсолютивной конструкции. Эргативная и абсолютивная конструкции по смыслу находятся в отношениях выводимого соответствия, т.е. это ожидаемо-предсказуемая семантическая деривация в синтаксисе. Предполагаем, что она является следствием прагматического распределения компонентов смысла между двумя языковыми ситуациями в речевом акте, что напрямую связано с прагматикой, а не с семантикой высказывания. Все сказанное подтверждает, что залог — это явление, занимающее свое место в морфосинтаксическом устройстве современного аварского языка, которое обусловлено для говорящего нормами речевой деятельности.

Возможно, что наше изложение фрагментов семантической деривации в области синтаксиса имеет определенные недостатки, которые можно устранить, уточнив отдельные этапы исследования. Между тем тезис о том, что семантика залога напрямую координирует с правилами преобразования смысла высказывания, не вызывает сомнения. Факт взаимной выводимости разноуровневых свойств составляющих активных и инактивных конструкций языка, факт их смещения в фокус или исходную точку высказывания мы относим к показателям семантической деривации в области синтаксиса, которые обуславливают семантику залоговости в аварском языке. Очевидно, это не оппозиция конструкций абсолютива и эргатива, а их взаимозависимость в создаваемом на аварском языке тексте высказывания о том или ином процессе. Для организации такого текста очень важна стратегия вершинного и зависимого маркирования составляющих в тексте высказывания. Она нормативна и входит в прежний филологический опыт носителей аварского языка.

В страдательном залоге ядерная и фоновая синтагма устроена иначе:

- бекъараб + хур   ядерная синтагма
                   →   ↓
                   объект
- вацас + бекъараб хур   фоновая синтагма
                   ↓
                   субъект

Вектор направленности сообщения в рассматриваемых конструкциях разного залога (средний и страдательный):

Итак, в залоговые оппозиции втянуты морфологические маркеры, стратегия маркирования составляющих синтагм предложения, фокусировка центра сообщения (дискурс). Соприкасаясь с семантикой синтаксиса, залоговость является своеобразным мостом перехода от парадигмы форм единиц языка к функционированию речевых структур. Очевидно, залоговость можно понять, обращаясь и к истории языка, и к правилам построения речевых актов его носителем.

Противопоставляемые залоговые формы глаголов и сопряженных с ним имен (субъектно-объектные отношения) многомерны. Это в первую очередь морфологические категории, наделенные функциональной характеристикой в формальном (грамматическом) и семантическом синтаксисе. Постоянная функциональная нагрузка залога состоит в том, что он способствует разграничению синтаксических конструкций, участвуя в меняющейся фокусировке центра сообщения о том событии, которое хочет передать говорящий. Многомерность в сфере залоговости обуславливает трудность адекватного рассмотрения языкового материала. Тем не менее, можно уверенно говорить, что залоговость имеет полевою структуру. В аварском языке она проявляет себя в построении речевого акта и находит выражение в членении текста сообщения на ядерную и фоновую синтагму. Связи между синтагмами и между составляющими предложения обладают существенными структурными различиями. Сфера исследования залоговости смещается из сферы глагольного слова в сферу динамики связей между составляющими предложения в речевом акте.

Следовательно, залоговость можно рассматривать со стороны статики и динамики преобразований материала языка. Очевидно, статика связана с морфологическими преобразованиями глагольной формы. Они грамматизированы и для интерпретации залоговых значений не всегда нуждаются в контекстной поддержке.

Так, в аварском языке возможно образование оппозиции рефлексивного страдательного и прямого страдательного залогов повелительного наклонения глаголов. Примеры П.К. Услара [1889: 177]:

- ричIе <откройся> — ричIе <открой>;
- бахе <намажься> — бахе <намажь>;
- белъа <варись> — белъе <вари>.

В примерах формы на *-а* являются рефлексивными и в паре *-а/-е* маркируют страдательный залог. Формы на *-е* в той же паре маркируют средний залог переходного глагола.

Отметим еще одну особенность причастных конструкций с позиций залоговости. Их можно отнести либо к средним, либо к страдательным в зависимости от присутствия объекта в составе предложения. [Магомедов 2003: 140]. Сравним:

<p>недлительность</p> <p>цIализе <читать> дица цIалулеб тIехь <мною читаемая книга>.</p> <p>Страдательный залог</p> <p><i>б</i> — маркер причастной формы при наличии прямого дополнения.</p>	<p>длительность</p> <p>цIалдезе <заниматься чтением> дун цIалдолев вуго <я занимаюсь чтением>.</p> <p>Средний залог</p> <p><i>в</i> — маркер причастной формы при отсутствии прямого дополнения.</p>
--	---

В первом примере *б*-форма имеет значение страдательного залога и маркируется в присутствии объекта (тIехь). Во втором примере *в*-форма имеет значение среднего залога и маркирует присутствие субъекта (дов). Очевидно, подобное залоговое разграничение присуще и финитным формам глаголов цIализе — цIалдезе. Это сюжет для исследования залоговости в сфере морфологической деривации. Об этом ниже. Здесь отметим, что аварские причастия обладают грамматическим значением залога. Они имеют маркер среднего залога в непереходных конструкциях и *-б* маркер в переходных конструкциях. В залоговые оппозиции причастия вступают в тех случаях, когда принадлежат глаголу с переходной семантикой.

Рассмотрев стратегию вершинного и зависимого маркирования составляющих предложения, а также динамику их связи в ядерных и фоновых синтагмах, мы признаем, что категория залога функционирует в аварском языке по правилам, по которым соотносятся содержание высказывания и семантика синтаксиса языка. Тем самым залоговость получает иерархическую организацию, соотносясь со словар-

ным составом языка и с текстом. В тексте и словаре грамматические и семантические категории органически взаимосвязаны, и не одна из них не действует вне связи со всеми остальными.

Сформулируем некоторые основные положения, касающиеся оппозиции среднего и страдательного залога в аварском языке. Различия в их залоговых значениях обусловлены несколькими факторами:

- 1) стратегией вершинного и зависимого маркирования составляющих предложения;
- 2) вхождением составляющих предложения в ядерные или фоновые синтагмы;
- 3) иерархией отношений между синтагмами при передаче смысла предложения в целом;
- 4) наличием вектора направленности смысла сообщения, координирующего пространственно-временную упорядоченность процессов в логике языка;
- 5) практическое описание залоговости связано с необходимостью учитывать многоуровневый характер проявления этой категории в аварском языке.

§4. Словообразование в сфере глагола

Длительный залог

Аварский язык обладает залоговыми оппозициями особого типа. Они устанавливаются между грамматическими формами разных глаголов, однокоренных по своим показателям корня, но различающихся и по строению, и по значению. Сравним:

Непроизводные	Производные
глагольные формы	(выводимые по форме глаголы)
чуризе <мыть>	чвердезе <купаться>
кьурдизе <танцевать>	кьурдизе <вертеться>
чIвазе <убить, бить>	чIвадизе <биться>
босизе <взять>	босаризе <покупать>
рехизе <бросить>.	рехаризе <бросаться>.

Отношения между исходным и производным глаголом межсловные, т.е. словообразовательные. В паре глаголы противопоставлены и формально, и синтаксически. У производной глагольной фор-

мы есть словообразовательный формат (один из ряда суффиксов: -р-, -д-, -дар-, -алд-, -хьу):

➤ гьикъизе <спросить> — гьикъаризе <расспрашивать> и др.

Производная глагольная форма образуется путем аблаутного изменения корневой морфемы с одновременным переносом ударения:

➤ кӀутӀизе <стучать> — кӀетӀезе <стучаться> и т.д.

Регулярность использования словообразовательных формантов при деривации глагольных словоформ не сопровождается регулярно предсказуемым значением производного образования. В некоторых парах можно отметить выводимость значения производного образования:

➤ бецизе — вецаризе <косить — заниматься косьбой>;

➤ бессизе — ессаризе <ткать — заниматься ткачеством>.

В других парах предсказуемость значения производного образования не наблюдается. Между тем формант для производного глагола остается тот же самый:

➤ къабизе — къабезе <ударить — драться>;

➤ чӀамизе — чӀамдезе <жевать — чавкать>.

Что маркирует ряд словообразовательных формантов в значении производных глагольных форм? Появление новых глагольных словоформ связано с тем, что обозначая длительное действие, они строят предложения по двусоставной схеме, т.е. при них нельзя поставить прямое дополнение. Отношение между подлежащим, глаголом и дополнением относится к сфере залога, а становление подобных отношений в сфере производных глагольных образований следует отнести к словообразовательному типу залоговых оппозиций в аварском языке. Это морфологический тип деривационной залоговости, поскольку регулярный ряд аффиксов соотносится с регулярным залоговым словообразованием: изменением глагольной формы по статусу залоговости.

Переходность

Пониженной переходностью обладают все залоговые глагольные формы в конструкции с лексико-грамматическим разрядом переходных глаголов, не принимающих прямого дополнения. А.А. Бокарев считал, что важнейшей чертой семантики длительных глаголов является не характеристика действия сама по себе, а характеристика субъекта: он находится в процессе выполнения действия. [1949: 58]. Определение А.А. Бокарева прямо указывает на связь между категорией залога и категорией способа действия, акционсартом. В терми-

нах теории акционсарта [Татевосов 2005] словообразовательный тип залоговой оппозиции недлительность/ длительность описывается метаязыком «Вхождение в Процесс». Видовые оттенки длительности в подобных залоговых противопоставлениях А.А. Бокарев не считал обязательными.

Обозначая различные характеристики действия в семантике производной глагольной словоформы, словообразовательные форманты в сфере залоговости обладают прозрачным компонентом чисто деривационного значения, принимая «на себя» указание на информацию о длительности, процессности во времени. Тем самым процесс ограничивается характеристикой субъекта, предполагая менее существенную иную информацию. Среди показателей пониженной переходности в длительном залоге можно перечислить следующие:

- 1) наличие одного участника;
- 2) не действие;
- 3) незавершенность процесса;
- 4) зачинательность процесса.

Длительный залог образуется от переходных и от непереходных глаголов:

- цАлизе <читать> — цАлдезе (длительная форма);
- векъарулев вас <бегущий мальчик> — рекерахъдулел лъимал <бегущие дети> (длительная форма).

Он возможен не для всех аварских глаголов. По категории длительного залога все глаголы дифференцируются на следующие типы:

- 1) коррелятивные пары: цЕхезе — цЕхолдизе <спрашивать — расспрашивать>;
- 2) некоррелятивные глаголы только длительного значения: бокъизе <любить>, рагIизе <слышать>;
- 3) некоррелятивные глаголы только недлительного значения: бакIаризе <собирать>.

Дифференциация глагольных форм длительного и недлительного залогов не нуждается в поддержке контекстом. Она осуществляется на основе морфологических и словообразовательных характеристик и относит данный тип залоговых оппозиций глагольных форм к словообразовательным. Считаем, что сделанный вывод нуждается в параллельном исследовании значений длительности и многократности способа действия глаголов, что сопрягается с рассмотрением категории залога в сфере словообразования.

Каузативная конструкция

В аварском языке имеется залог каузатива. Каузатив обладает основным значением — побуждение к действию. В присутствии каузатива номинативная конструкция предложения сменяется эргативной. Меняется характер отношения между субъектом и предикатом предложения, поэтому каузатив называют еще и понудительным залогом. [А.А. Бокарев].

Например:

(1) Вас ворчІана
<мальчик проснулся>.

(2) Дос кагъат хъвана
<им письмо написано>.

(3) Эбелаль вас ворчІизавуна
<матерью разбудила мальчика>;
<мать разбудила мальчика>.

(4) Дица досда хъвазабуна кагъат
<букв. мною его заставил написать письмо>;
<я заставил его написать письмо>.

Субъект меняет состояние (1), производит действие (2).

Если при этом есть объект, то называется результат действия (2).

(3) Прибавляется новый актанта в форме эргатива, появляется конструкция среднего залога.

(4) Новый актанта занял позицию первого. Форма эргатива нового актанта не координирует с маркером классного показателя глагола хъвазабуна.

Не всегда каузатив несет информацию побуждения, принуждения. Возможны указания на создание условий для выполнения процесса. Тогда объект сказуемого в предложении стоит в форме номинатива:

➤ дица (эргатив) вас (номинатив) цІализавуна <я мальчика выучил>.

Во многих случаях каузатив создает словообразовательную пару непереходному глаголу:

➤ бихъизе <увидеть> - бихъизабизе <показать>;

➤ ворчІизе <проснуться> - ворчІизавизе <разбудить>.

В аварском языке каузатив можно отнести к словообразовательному типу залоговой оппозиции. Каузатив, производный глагол, образуется от исходного с помощью вспомогательного глагола гъабизе <делать>. Словообразовательный формант вносит в семантику производного глагола регулярно-предсказуемое значение: «подвергаться воздействию, названному исходным глаголом». Помимо глагола гъа-

бизе у производного слова есть еще ряд морфологических словообразовательных примет — суффиксом -*д*- или -*хъд*:

- *векерахъдизе* <заниматься бегом> - *векерахъдизавизе* <заставить заниматься бегом>.

Формирование каузатива в итоге может быть синтетическим и аналитическим по форме:

- *хІалтІизабизе* <заставить работать>, но: *цІализе гъавизе* <заставить читать>.

Более употребителен синтетической способ.

Н.Н. Нурмагомедов назвал среди функционально вспомогательных глаголов каузатива *тІамизе* <заставить> и *гъезе* с тем же значением. Сравним:

- *хІалтизе тІамуна* <заставил работать> и *хІалтІизе гъуна* <заставил работать>.

Каузатив всегда повышает число актантов события, т.е. он всегда используется в переходных конструкциях.

Два словообразовательных типа залоговости противопоставлены функционально:

- 1) каузативный залог всегда повышает переходность, т.е. всегда оформляет предложение с переходной конструкцией;
- 2) длительный залог всегда понижает переходность, т.е. оформляет предложение с непереходной конструкцией.

Наряду с залоговой оппозицией, присущей формам одного глагола, в аварском языке имеются залоговые оппозиции форм разных глаголов. Если первый тип залоговых оппозиций не нарушает тождества слова, то второй тип залоговых оппозиций ведет к формированию новых словарных единиц.

Залог в глаголах чувственного восприятия и обладания

В аварском языке есть лексико-грамматическая категория глаголов, выражающих различные состояния сознания: *бихъизе* <видеть>, *рагІизе* <слышать>, *бичІчІизе* <понять>, *ккезе* <думать, полагать>. [Бокарев 1949: 36-38]. Список может быть дополнен другими глаголами [Магомедов 2003: 15]: *къваригІине* <быть нужным>, *балкльизе* <присниться>.

А.А. Бокарев привел следующие примеры использования этих глаголов:

- I | ➤ *инсуе жиндирго вас в-окъула* <отец любит своего сына>;
- I | ➤ *эбелалъе жиндирго вас в-окъула* <мать любит своего сына>;

- дие гъай яс йо-кьула <я люблю эту девушку>;
- льималазе жидерго эбел йокьула <дети любят свою мать>.

Субъект в высказываниях подобного типа оформлен дательным падежом. По мнению А.А. Бокарева в этом заключается единственное отличие рассматриваемых предложений от предложения с эргативом:

II ➤ инсуца хур бекъана <отец поле пахал>.

Предложения I и II не отличаются по следующим показателям: именительный падеж объекта (вас, яс, эбел, хур) при переходном глаголе (вокъизе, бекъизе), маркировка глагольной формы классно-числовым префиксом (*в-*, *й-*). Отсюда следует, что рассматриваемые глаголы допускают трехчленную структуру с двумя участниками события. Этот факт характеризует глаголы чувственного восприятия и обладания как переходные.

М.М. Гухман [1972: 63] признавала за переходным глаголом способность образовывать идентичные по строению структуры: эргативную, локативную и пассивную. Единственная особенность семантики рассматриваемых глаголов в том, что они выражают произвольное действие или состояние. М.Е. Алексеев [1975: 6] назвал такие глаголы единым термином: «аффективные глаголы». В силу того, что семантика аффективных глаголов не указывает на «приток» внешней энергии, здесь нет активного исполнителя действия, есть только его посессор. Возникает альтернатива: дативная конструкция активная или пассивная? Конструкции с глаголами чувственного восприятия можно рассматривать как переходные, если реальный субъект признать исполнителем действия, а реальный объект — носителем состояния, посессором. Тогда имя в именительном падеже составляет вместе с глаголом ядерную синтагму высказывания. Глагол и имя в номинативе координируют по классным показателям, а реальный субъект оказывается обозначенным с помощью имени в дативе, т.е. он входит в фоновую дополнительную синтагму и не координирует свои морфологические показатели с глаголом, фактически являясь в предложении косвенным дополнением.

Если отнести формальные признаки на второй план и вернуться к концепции И.И. Мещанинова [1964, ЭКЯР: 48], то необходимо признать, что содержание глагола диктует падеж реального носителя признака, т.е. субъект состояния обозначен дательным падежом:

- вацасе жиндирго льимер бокьула <брату свой ребенок любит>. дательный падеж носителя состояния.

Тогда глагол признается непереходным, а конструкция с таким глаголом является пассивной, определяющей субъект состояния. Например:

- дие рихун буго гъаб хІалтІи <мне надоела эта работа>.

В залоговом отношении это предложение можно назвать инактивным (медиопассив). Если глагол статичен, обозначает состояние, то он образует абсолютную конструкцию, если динамичен — то дательную как вариант активной, эргативной. [Маллаева 2002: 148]. Та и другая трактовка фактов языка поддерживается самыми разными авторитетными сторонниками.

Исследование вопроса о классификации аффективных глаголов как переходных или непереходных значимо при определении семантики залога. Она, возможно, и получает свое выражение, если субъект осознается как активное лицо. Обратим внимание на то, что субъектом аффективных глаголов может быть только одушевленное лицо (см. примеры выше). Если употребляется имя неодушевленного предмета, то в предложении это всегда исполнитель переходного действия:

- гъороцагъветІ бекана <ветром (эрг.) сломано дерево>.
эргат. ном.

Уже этот пример показывает необходимость разграничить аффективные глаголы на глаголы состояния и воздействия. Е.А. Кибрик ввел для такого разграничения термин «фактитивные» и «агентивные» глаголы. Если при таком делении глаголы не имеют классных показателей в основе, то его координация с объектом может быть выяснена:

- по контексту;
- по сложным формам глагола;
- по форме причастия в роли сказуемого;
- по именным членам составного сказуемого.

При этом А.А. Бокарев предлагает разграничивать составляющие предложения в целом и составляющие именных и глагольных групп. [1946: 37]. Например:

- сундалъун, вокъулев дуда рихара-й? <почему, любимый, ты [меня] возненавидел?>

При глаголах бихъизе <видеть>, рагІизе <слышать>, лъазе <знать>, бичІчІизе <понимать>, батизе <находить> возможно и прямое, и косвенное дополнение, что делает затруднительным разграничение на фактитивность и агентивность. А.А. Бокарев уточняет, что

глаголы восприятия могут иметь в своем составе переходные и непереходные ЛСВ

- рагIизе₁ <слышать>, но: рагIизе₂ <быть слышанным>;
- бихъизе₁ <видеть>, но: бихъизе₂ <казаться>.

В последнем случае при них невозможна субъективная форма:

- гIемерал лъикI гъарурал рукъзал рихъулаан <виделось много хорошо сделанных домов>.

Сравним:

активная конструкция

дида батана месед

<я нашел золото>.

инактивная конструкция

дун заводалда ватана

<я оказался на заводе>.

С различием семантики ЛСВ глаголов восприятия связано их функциональное различие. Глаголы восприятия в общем плане допускают при себе объект, признак которого должен быть непосредственно воспринимаемым. Признак объекта в контексте высказывания имеется как непосредственно воспринимаемый:

- гъан бичулев ватанила азда ав <мясо продающим нашли они его>.

Глагол восприятия диктует падежную форму подлежащего и координирует свои классные показатели с собственным прямым дополнением. В зависимости от смысла глагола восприятия признак, характеризующий объект, должен быть одновременным с самим процессом или предшествовать ему:

- дуда киданиги маххул устарзаби хIалтIулел рихъанищ? <видел ли ты, как работают кузнецы?>

В глаголах восприятия отмечается отчетливая тенденция допускать именительный падеж имени в том случае, когда они имеют непереходное значение (фактитив по терминологии Е.А. Кибрика). Такая ситуация обусловлена в аварском языке тем, что смысл глагола координирует с ролевой характеристикой объекта. В непереходной конструкции, сообщения субъект неактивен, если совершаемое происходит непреднамеренно. В подобной ситуации говорящий предпочтет конструкцию с локативом или ее подвидом, элативом. Если действие преднамеренное, то говорящий выберет эргативную конструкцию. Стратегия выбора языковых конструкций обусловлена не только волей говорящего, но и необходимостью считаться с тем, что в аварском языке произвольное, неконтролируемое субъектом действие обязательно ориентировано на объект. Если речь идет о произвольном, неконтролируемом субъектом состоянии, то возможна

ориентация на сам субъект. Лабильность смысловой ориентации глаголов обладания и чувственного восприятия диктует лабильность синтаксического использования маркеров морфологических падежей. Так, например, глагол восприятия *кӀочене* <забыть> и его синоним *кӀочон тезе* образуют локативную конструкцию предложения с прямым объектом в абсолютиве:

- *дида кӀочон тана гьельул цар* <я забыл ее имя>;
- *нужеда эбел-эмен кидаго кӀочонге* <вы никогда не забывайте своих родителей>.

Одни глаголы восприятия образуют локативные конструкции, другие — дативные, третьи — эргативные. Сравним:

- *дицатӀехь балагъана* <мною книга найдена>;
эрг. абс.
- *дида батана тӀехь* <я себе нашел книгу>.
лок. абсол.

З.Г. Абдуллаев [1987: 273] считает, что многообразие падежных форм при глаголах восприятия свидетельствует о нечеткости определения смысла этих глаголов. Автор недвусмысленно протестует против традиции рассматривать конструкции с локативом или дативом в препозиции к глаголу как непереходные. Он предлагает ориентироваться при рассмотрении материала на функциональную значимость абсолютива при глаголах внешнего и внутреннего восприятия. Подобный подход к рассмотрению материала «уравнивает в правах» все косвенные падежи (эргатив, датив, локатив). Между субъектом и объектом восприятия как целенаправленного, преднамеренного процесса, устанавливаются посессивные отношения, если их понимать расширительно (отношения пространственно-временного контакта). Это не обладание, а разнообразные «контакты» между лицом и объектом. Они задаются внешней реальностью и по смыслу глагола реализуются как возможная конситуация для лица и объекта в типичном высказывании. Особенность самой воспроизводимой ситуации по А.А. Бокареву в том, что объект при агентивных глаголах обладает видимым, чувственно воспринимаемым признаком присутствия. Сравним:

- *эмен (номинатив) рокъов ватила* <отец, наверное, дома>;
но: *дуда (локатив) эмен рокъов ватила* <ты найдешь отца дома>.

Примеры показывают, что лексическая семантика глаголов аварского языка координирует с семантикой синтаксиса. И.И. Мещанинов предложил выделять два разряда глаголов: глаголы воздейст-

вия и состояния (ср. термины А.Е. Кибрика: фактитивные и агентивные глаголы). Такие термины оказались необходимыми для того, чтобы ввести указание на психологически активный/инактивный субъект глаголов восприятия и обладания. Психологически пассивный субъект, на котором локализуется действие — это фактитив. Психологически активный субъект, от которого исходит действие — это агенс, исполнитель.

Некоторые глаголы восприятия и обладания могут образовать конструкции, разные по смыслу (бекизе <поломать>, бортизе <уронить>, борчIизе <совершить>, билизе <потерять> и некоторые другие). Преднамеренность, свойственная этим глаголам, требует использовать эргативную конструкцию при их вхождении в высказывание. Непреднамеренность подчеркивается не эргативом, а элативом II или транслативом II. Очевидно, зависимость семантики предиката и имен актантов связана с термином <эргативные языки>. А.Е. Кибрик [1980: 329] сформулировал в связи с этим основной принцип маркирования падежей в эргативных языках: «одной роли – один падеж». [там же: 330].

Сравним семантику двух предложений:

датив	элатив II
Дица васасе тIехь кьуна <я сыну книгу дал>.	Дица васасухье тIехь кьуна <я сыну книгу передал>.
Книга принадлежит сыну. Имя в дативе – посессор объекта.	Книга передана, но не владельцу. Имя в элативе - комплетив
Сравним лезгинские фразы:	
локатив	эргатив
захь чкул ава <уменя есть нож>.	зав чкул ава <нож у меня>.

Рассматриваемые явления пограничны между семантикой синтаксиса и смыслом высказывания (лексикой и семантикой). Изменение падежа составляющих высказывания открывает путь к переосмыслению информации, которую хочет передать говорящий на аварском языке.

Своеобразие падежного маркирования именных составляющих высказывания С.Д. Кацнельсон усматривает в необходимости соблюдать симметрию формы и содержания [1972: 206]. Падежи маркируют не только морфологию имени, но и место ее появления в высказывании, т.е. позицию. Позиция объекта ниже, чем позиция субъекта. Падеж объекта уравнивает сужение его употребления в

функции субъекта. Получается, что у каждой синтаксической функции имени свой обновленный падеж [там же: 206].

По мнению С.Д. Кацнельсона наряду с грамматическим классом лексические категории взаимодействуют с грамматическими подклассами. Например, подклассы предметных и не предметных значений подразделяется на активные и неактивные, а далее на разумные лица и разумные не лица (животные). Свойства сочетаемости составляющих высказывания зависят от наличия таких подклассов. В частности, в залоговой сфере не только переходность глагола структурирует предложение, но свою лепту в языковую конструкцию вносит принадлежность имени к активному/ инактивному подклассу существительных. В конечном итоге наличие такого существительного (активного/инактивного) влияет на выбор слова в позиции субъекта действия.

Формально имя при переходном глаголе образует эргативную конструкцию, но внешняя реальность накладывает определенные ограничения на преобразование такой конструкции.

Можно:

- вацас тІехь цІалана <мальчик книгу прочитал>.

Нельзя:

- * тІехьаль вац цІалана <книга мальчика прочитала>.

Только принадлежность субъекта к активному действующему лицу предопределяет нормативность конструкции эргатива.

Возможны случаи употребления неодушевленных предметов в роли субъекта эргативной конструкции:

- цІаца досул рукъ бухІана <огонь сжег его дом>.

По мнению С.К. Кацнельсона [1972: 193] в подобных случаях имеет место метафоризация высказывания, т.е. переход на иную степень обобщения внешних реалий. Важен сам по себе факт нормы, действующий при выборе той или иной конструкции. Норма доминирует: в исходе эргатива одушевленный действующий субъект. Все остальное относится к разрешенным и лимитированным преобразованиям. В фактор нормы входит и требование маркировать логический субъект при непереходных глаголах. Здесь возникают альтернативные варианты, особенно при употреблении местоимений 1 и 2 лица ед. и мн. числа в различных дагестанских языках. Варьирование форм местоимения в сопоставляемых конструкциях свидетельствует, что не всегда соблюдается симметрия синтаксических и семантических показателей.

А.С. Чикобава [1948: 4] рассмотрел ряд примеров, когда в кегерском говоре андадальского диалекта при переходных глаголах местоимения 1 и 2 лица мн. числа употреблялись не в форме эргатива (норма), а в формах абсолютива. Например:

Лит.: *дица кагъат хъвана*

Я (эрг) письмо (абс) писать (аорист)

«Я письмо написал».

Кегер. *дица кагъат хъвана*

Я (эрг) письмо (абс) писать (аорист)

«Я письмо написал».

Лит.: *доскагъат хъвана*

он (эрг) письмо (абс) писать

«Он письмо написал».

Кегер. *дос кагъат хъвана*

он (эрг) письмо (абс) писать

«Он письмо написал».

Лит.: *нижеца кагъат хъвана*

мы (эрг) письмо (абс) писать

«Мы письмо написали».

Кегер. *ниж кагъат хъвана*

мы (абс) письмо (абс) писать

«Мы письмо написали».

Лит.: *нужеца кагъат хъвана*

вы (эрг) письмо (абс) писать

«Вы письмо написали».

Кегер. *нуж кагъат хъвана*

вы (абс) письмо (абс) писать

«Вы письмо написали».

Лит.: *доз кагъат хъвана*

они (эрг) письмо (абс) писать

«Они письмо написали».

Кегер. *доз кагъат хъвана*

они (эрг) письмо (абс) писать

«Они письмо написали».

Разобрав сущность данного явления, А.С. Чикобава (1948. 4) приходит к выводу, что «в этих местоимениях мы имеем не архаические отложения, как то думал Шифнер, а явления позднейшей формации, причем во множественном числе эргатив выделился

раньше, чем в единственном: на это указывает флексия множественного числа — д.

В келебском говоре, как указывает Ш.И. Микаилов [1959: 423], местоимения первого лица множественного числа и местоимения второго лица единственного и множественного числа не имеют форм эргативного падежа. Вместо форм эргативного падежа (*дуца* «ты», *нужеца* «вы», *нижеца* «мы» (эксклюзив), *нильеца* «мы» (инклюзив) при переходных глаголах употребляют формы именительного падежа: *мун*«ты», *нуж* «вы», *ниж* «мы» (инкл.)». *ниль* «мы» (экскл.)». Например:

- лит. *Дуца тІехь цІалана.*
- Ты (эрг) книга (абс) читать (аор.)
- «Ты книгу прочитал».
- келеб. *Мун тІехь цІалана.*
- ты (абс) книга (абс) читать (аор.)
- «Ты книгу прочитал».
- лит. *Нужеца тІехь цІалана*
- Вы (эрг) книга (абс) читать
- «Вы книгу прочитали».
- келеб. *Нуж тІехь цІалана*
- вы (абс) книга (абс) читать (аор.)
- «Вы книгу прочитали».
- лит. *Нижеца тІехь цІалана*
- Мы (эрг) книга (абс) читать
- «Мы книгу прочитали».
- келеб. *Ниж тІехь цІуІуца.*
- мы (абс) книга (абс) читать
- «Мы книгу прочитали»
- лит. *Нильеца тІехь цІалана*
- Мы (экскл) (эрг) книга (абс)
- «Мы книгу прочитали».
- келеб. *Ниль техь цІаяаиа*
- мы (абс) книга (абс) читать
- «Мы книгу прочитали».
- Или: лит. *Дуца кумек гьабе!*
- Ты (эрг) помощь (абс) делать (ими.)
- «Ты помоги»
- келеб. *Мун кумек гьабе*
- Ты (абс) помощь (абс) делать (имп.)

- «Ты помоги»
- *Нужеца кумек гьабе! Нуж кумек гьабе!*
- Вы (эрг) помощь (абс) далаь вы (абс) помощь (абс) делаь
- «Вы помогите!» «Вы помогите!»
- *Нижеца кумек гьабила. Ниж кумек гьабила.*
- Мы (эрг) помощь (абс) делаь (фут.) мы (абс) помощь (абс)делаь (фут.).
- «Мы поможем». «Мы поможем».
- *Нильеца кумек гьабила. Ниль кумек гьабила.*
- Мы (инкл)(эрг) помощь (абс) делаь мы (абс) помощь (абс)делаь
- «Мы поможем». «Мы поможем».

Среди личных местоимений в говоре представлена форма дативного падежа только от местоимения первого лица единственного числа (формант *льля*; в литературном языке данная форма представлена формантом *-цца*). [Магомедова 2005: 86-87].

Как верно указывает З.Г. Абдуллаев [1986: 222]. «эргатив не может считаться внешним проявлением особенностей переходного глагола.... скорее он представляет собой продукт исторического деления имен на активные и инактивные, внешнее проявление взаимоотношений активных и инактивных референтных величин, противопоставления этих величин, в конечном счете противопоставления лица и не-лица».

Образование падежного склонения в дагестанских языках началось с того, что к форме эргатива были присоединены новые окончания, обозначающие датив, инструменталь и генитив (только в аварском, андийском, даргинском эргатив сохранил инструментальное значение, а в лакском и отчасти в цахурском — посессивное). Произошло это, по-видимому, по той причине, что косвенные объекты перестали мыслиться как нечто активное, а эргатив стал уже вторым прямым падежом, независимой формой. Значение косвенного объекта стало несовместимым со значением эргатива.

Несмотря на отсутствие единых общедагестанских падежных показателей (за исключением нулевого показателя номинатива) и некоторые системные различия в составе и функциях грамматических падежей, можно говорить о том, что ядро грамматических падежей составляют номинатив (в другой терминологии — абсолютив), эргатив, датив и генитив. Принципиальное отличие падежной системы а-

варского языка состоит в самом синтаксическом принципе использования морфологических падежей.

Итак, в аварском языке представлено ограниченное количество глаголов восприятия, передающих семантику действия, которому подвергается субъект помимо своей воли. Субъект таких глаголов не контролирует происходящее помимо его воли действие. Хотя производителем данного действия является сам субъект.

Глаголы непроизвольного действия обозначают непреднамеренное действие, как правило, неконтролируемое субъектом, направленное на объект.

Глаголы непроизвольного состояния, как правило, обозначают состояние, неконтролируемое субъектом, распространяющееся на него же самого.

Глаголы непроизвольного действия (восприятия, обладания) характеризуются лабильностью, т.е. могут образовать две синтаксические конструкции.

Выбор каждой из них обусловлен намерением говорящего передать ту информацию, которую он хочет. Аварский язык наделяет говорящего филологическим опытом построения залоговых конструкций, обслуживающих лабильность речевого акта.

Выводы по второй главе

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Характеристика залоговости, изложенная в работе, основывается с одной стороны на грамматических составляющих структуры предложения, и, с другой стороны, на технике оформления высказывания. Используемые в предложении составляющие единицы принадлежат разным категориям языка, морфологическим, синтаксическим и лексическим. К ним обращена стратегия морфологического кодирования залоговых отношений в предложениях транзитивного и интранзитивного типа в аварском языке.

2. В аварском языке залог функционирует не только как категория глагола. Залог — многоаспектная категория, пограничная с морфологией, семантикой, синтаксисом, коррелирующая с правилами построения высказывания, т.е. с правилами преобразования связей и отношений между составляющими предложения.

3. В языках эргативного типа категория залога относится к серии семантико-синтаксических категорий, поскольку способом ее реали-

зации является оппозиции активного и инактивного начала в эргативных и абсолютивных конструкциях. Эргативная конструкция аварского языка является средством выражения залоговых отношений, исходящих от субъекта и направленных на объект. Формат эргатива не был выявлен в аварском языке как показатель залоговости, поскольку сам залог рассматривался исключительно как глагольная категория

4. Следуя традиции П.К. Услара, мы рассматриваем в качестве основного звена аварского предложения предикативную синтагму из глагола и имени в абсолютиве. Это ядерная конструкция предложения, сохраняющая свой статус вне зависимости от семантики синтаксиса высказывания, где разграничены на логическом уровне языка субъект, предикат, объект и отношения между ними.

5. Морфология и семантика залога складываются из залоговых оппозиций разного типа. Как грамматическая категория, залог морфологически обусловлен стратегией маркирования субъектно-объектных отношений в глагольной форме (-б, -в, -й показатели) и в падежных аффиксах имен существительных, втянутых в активные и инактивные конструкции (страдательный и медиа залог).

Синтаксические свойства категории залога проявляется в динамике преобразований отношений между глаголом, подлежащим и дополнением при их вершинном и зависимом маркировании в ядерных и фоновых синтагмах.

Семантические свойства категории залога прозрачны и зависят от смысла глаголов не только определенного разряда (переходность/непереходность), но и от принадлежности глагольного слова к определенной лексико-семантической группе, т.е. к группе глаголов движения, состояния, восприятия, обладания, возникновения и т.д. Во всех случаях падеж субъекта действия, его исходной точки напрямую связан со смыслом глагола. Эта связь обусловлена эгоцентричной направленностью вектора пространственно-временной развернутости процесса, представленного в тексте высказывания.

6. Залоговость находит свое выражение не только в формах одного глагола, но ей присущи оппозиции иного типа: морфологическая деривация длительного залога и словообразовательный каузативный залог. Первый увеличивает количество инактивных конструкций, а второй — количество агентивных конструкций в аварском языке.

7. Глаголы чувственного восприятия и глаголы обладания трактуются в языкознании неоднозначно: то как переходные, то как непереходные. Трудности определения залоговых отношений обусловлены противоположностями морфологических и синтаксических критериев. Считаем, что залоговость «обслуживает» в каждом конкретном случае лексико-семантический вариант глагольного слова. В зависимости от его семантики залоговые оппозиции оформляются по правилам, организующим строение предложений с активной и инактивной конструкцией.

8. На данном этапе изученность морфологии и семантики категории залога нуждается в дальнейшем детальном исследовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе предпринято исследование субъектно-объектных отношений и способов выражения категории залога в разносистемных языках. Внутренняя логика изложения содержания работы объясняется тем обстоятельством, что морфология и семантика категории залога неравномерно изучена в разносистемных языках. Предлагая обзор истории и современного состояния рассматриваемой темы, мы соблюдали следующую последовательность: история изучения категории залога, современное состояние вопроса и проблемные моменты характеристики данной категории; предпочтение изучения залога в рамках «внешней» или «глубинной» грамматики в разных языках.

Предложен краткий обзор способов выражения субъектно-объектных отношений в зеркале категории залога в русском, французском, английском, кумыкском языках. Уделено большое внимание становлению залоговых оппозиций в английском языке, т.к. современные залоговые конструкции в этом языке почти невозможно рассмотреть, не обращаясь к истории их становления.

Цель предпринятого обзора заключалась в том, чтобы выявить на материале представлений залога в разных языках круг затрагиваемых вопросов. В русском языке активно обсуждались и обсуждаются вопросы, по которым нет устоявшихся выводов, а существуют разные подходы и направления:

- количество залогов русского языка;
- статус залоговых образований – являются они формами одного или разных глагольных слов;
- преобразования предложений, связанных с изменением залоговой характеристики глаголов.

Во французском языке к указанному кругу вопросов добавляется анализ способов выражения залога, обусловленные направленностью развития процесса по отношению к субъекту и объекту. В этом ключе рассматривается активный и пассивный залог, реципрок и рефлексив, переходность/непереходность глаголов.

В кумыкском языке остается проблема выделения действительного залога на фоне реципрока, рефлексива, страдательного и пассивного залогов. Характеристика залогов кумыкского языка ориентирована на морфологические показатели, поэтому обсуждается

вопрос о возможности/ невозможности их выделения в глагольной словоформе в свете выражения залоговых отношений.

Английский язык содержит свой круг обсуждаемых проблем. В первую очередь отметим, что категория залога в английском языке традиционно замкнута исследованием отношений между подлежащим и глагольным признаком. Обсуждается характеристика действительного залога в оппозиции к страдательному и возвратному. Здесь нет единства мнений, есть различия в подходах. Противопоставление активного/пассивного начала в залоговых конструкциях рассматривается в координации с категорией переходности/непереходности, которая принадлежит глаголу, но не конструкции предложения в целом. Страдательный залог нередко воспринимается как производный от действительного. Особо следует выделить проблему разграничения глагольных залоговых форм и составного сказуемого.

Аварский язык. Категория залога в аварском языке недавно стала предметом исследования. Работы по аварскому залогому содержат короткий список имен. Существует единая точка зрения на то, что залог аварского языка выражает субъектно-объектные отношения. Не вызывает разногласий утверждение о том, что в аварском языке есть категория и медиа залога, и среднего залога. Они не находятся между собой в отношениях выводимости. Возможность отношения взаимной мотивации между семантикой одного и другого залога не обсуждается. Ученые, исследующие категорию залога в аварском языке, протестуют против попыток приравнять инактивную конструкцию аварского языка к пассивной конструкции индоевропейских языков.

Как в русском, так и в аварском языке устанавливается связь между характеристикой семантики залога и семантикой глагольного слова. В русском, кумыкском, аварском языках есть зависимость между морфологическими маркерами именных и глагольных составляющих в залоговых конструкциях разного типа.

Для всех рассматриваемых в работе языков установлена залоговая оппозиция активных и инактивных конструкций. Ее значимость и способ выражения специфичен в каждом языке. Аварский и французский языки допускают корреляцию в характеристике залоговости. Они учитывают вектор направленности процесса (действия) от одушевленного субъекта к объекту. Оба сопоставляемых языка допускают разграничение семантического синтаксиса высказывания (ядерная и фоновая синтагмы).

Специфика морфологии и семантики залоговости в аварском языке складывается из нескольких обстоятельств:

- аффиксация как средство морфологического (вершинного) маркирования словоформ подлежащего и глагола в предложении;
- падежное (зависимое) маркирование составляющих высказывания в тексте предложения (субъект-предикат-объект);
- принадлежность аварского языка к эргативной типологии, т.е. разноуровневая оппозиция активных/инактивных конструкций и оппозиции категорий переходности/непереходности глаголов.

Аварский язык позволяет считать основным критерием непереходности отсутствие в составе предложения имени в эргативном падеже при соответствующем глаголе.

Опора на формальный признак сочетается в аварском языке с учетом лексико-семантических групп глаголов, присущих активным и инактивным глаголам. Рассматривая отношения между составляющими простого предложения, мы исходим из тезиса о том, что в семантике высказывания инвариантом всегда остается ядерная синтагма из подлежащего (имя в номинативе) и глагола. Имя в эргативе (дative, локативе) бытует вне рамок этой синтагмы и получает статус дополнения. Подобный подход к характеристике отношений между составляющими простого предложения является спорным.

В настоящей работе рассмотрены не только морфологические типы залоговых оппозиций, но и типы залоговых оппозиций, связанные со словообразованием (длительный и каузативный залого).

Отметим, что разграничение семантики синтаксиса и семантики высказывания позволило обратиться к описанию статики и динамики залоговых преобразований, обусловленных правилами построения речевого акта в аварском языке.

Мы полностью разделяем тезис о том, что связь между объективной реальностью и структурой предложения, несомненно, существует, но она носит опосредованный характер. Междусмысловой структурой (или глубинной структурой) предложения и его формальной (поверхностной) структурой нет прямого соответствия, поэтому нельзя отождествлять семантическую и структурную модель предложения. Это подтверждается отчасти наличием различных семантических моделей (типов) предложений при отсутствии различных структур, с одной стороны, и возможностью выражения одной семантической модели предложения несколькими различными формальными (поверхностными) структурами, с другой стороны.

Между тем в аварском языке есть возможность преобразования отношений между предикатом и его аргументами, если использовать собственный арсенал падежной системы (номинатив, эргатив, датив). [Кибрик 1981: 69-70].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- М.И. — Муса Мухамадов. Игат. Махачкала, 1977.
ХІ. Р. — Расул Хамзатов. Мугрузда Кюченаро. Махачкала, 1974.
ГІ— ГІанкІа. ТІасарищарал кучІдул. Махачкала, 1963.
Ф.Къ. — Фазу Галиева. Къисмат. Махачкала, 1961.
ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь.
СЛТ — Словарь лингвистических терминов (О.С. Ахманова).
СРЯ — Современный русский язык. М., 1989 (Белошапкина В.А. и др.).
ТФГ — Теория функциональных грамматик.
ЭКПЯРТ — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов.
ЭКП — Эргативная конструкция предложения.
АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
ВЯ — Вопросы языкознания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абдуллаев З.Г.* Проблемы эргативности в даргинском языке. М., 1986.
2. *Абдуллаев З.Г.* Эргативная конструкция предложения в горских письменных языках Дагестана // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
3. *Абдуллаев З.Г.* Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971.
4. *Абдуллаев З.Г.* Соотношение категориальных свойств даргинского глагола // ВЯ, 1976, № 6.
5. *Абдуллаев С.Н.* Функции эргативного падежа в даргинском языке // Труды 1-й научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. Махачкала, 1948.
6. *Адмони В.Т.* Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979.
7. *Алексеев М.Е.* К типологической характеристике нахско-дагестанских языков // Лингвистическая типология. М., 1985.
8. *Алексеев М.Е.* Проблема аффективной конструкции предложения: Автореф. дисс. ... канд. филологических наук. М., 1975.
9. *Атаев Б.М.* Аварский язык. М., 1977.
10. *Алиева Н.Ф.* Выражение объектных отношений глагола как универсальное свойство языков // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.
11. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
12. *Блох М.Л.* Теоретические основы грамматики.
13. *Бокарев А.А.* Синтаксис аварского языка. М.-Л., 1949.
14. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
15. *Быховская С.Л.* Особенности употребления переходного глагола в даргинском литературном языке // Памяти акад. Н.Я. Марра (1864-1934). М.-Л., 1938.
16. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1947.
17. *Гаджиев М.М.* Синтаксис лезгинского языка. Ч. I. Махачкала, 1954.
18. *Гаджиев М. М.* Синтаксис лезгинского языка. Ч. II. Сложное предложение. Махачкала, 1963.

19. *Гайдарова Ф.А.* О уегЪа зепп'егкИ в дагестанских языках // ЕИКЯ. Т. 6, 1979.
20. *Гайдарова Ф.А.* Эргативная конструкция в лакском языке // ИКЯ. Т. 18, 1973.
21. *Гак В.Г.* К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации // Психологические и технологические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.
22. *Гордон Е.М., Крылов И.П.* Практическое руководство по употреблению английского языка. М., 1971.
23. *Гудава Т.Е.* О дательном падеже в аварском языке // ИКЯ. Т. 12, 1960.
24. *Гухман М.М.* Позиция подлежащего в языках разных типов // Члены предложения в языках разных типов. Л., 1972.
25. *Гухман М.М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1972.
26. *Дешериева Т.И.* Субъектно-объектные отношения в разноструктурных языках. М., 1985.
27. *Дешериева Т.И.* К вопросу о так называемом «абсолютном» падеже // ВЯ, 1982, №3.
28. *Дешериева Т.И.* Схема залоговой дифференциации в языках эргативной типологии (в частности, в нахско-дагестанских языках) // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала, 1986.
29. *Джидалаев Н.С.* Некоторые вопросы личного спряжения в лакском языке // Учен. зап. ИИЯЛ. Т. 12. Махачкала, 1964.
30. *Дирр А.М.* Рутульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 42, Тифлис, 1911.
31. *Дмитриев Н.К.* Строй тюрских языков. М., 1962: 608.
32. *Дьяконов И.М.* Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
33. Краткая грамматика аварского языка // Аварско-русский словарь. М., 1936.
34. *Жирков Л.И.* Грамматика аварского языка. М., 1924.
35. *Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
36. *Иофик Л.Л., Чахоян Л.П.* Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка. Л., 1967: 213.

37. *Канэн Э.К.* К универсальному определению подлежащего. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1972: 236-276.
38. *Кацнельсон С.Д.* К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
39. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевого мышления. Л., 1972.
40. *Керимов К.Р.* Ассимметрия залоговых отношений в номинативных и эргативных языках и синтаксическая структура предложения (на материале русского и лезгинского языков) // Актуальные проблемы развития лингвистики и лингводидактики. Махачкала 1996.
41. *Керимов К.Р.* Переходные и непереходные глаголы и каузатив в хиналугском языке // ЕИКЯ. Т. 13. Тбилиси, 1986.
42. *Кибрик А.Е.* Номинативная / эргативная конструкция и логическое ударение в арчинском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., 1975.
43. *Кибрик А.Е.* Структурное описание арчинского языка методами полевой лингвистики: Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1976.
44. *Кибрик А.Е.* Подлежащее и проблемы универсальной модели языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1979. Т.38. №4.
45. *Кибрик А.Е.* Материалы к типологии эргативности. М., 1979-1981 (Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 126-130, 140, 141).
46. *Кибрик А.Е.* Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1980. Т. 39.
47. *Кибрик А.Е.* Конструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативных) языках // Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1983.
48. *Кибрик А.Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 2001.
49. *Климов Г.А.* О позиционных падежах эргативной системы // Вопросы языкознания. 1983. №4.
50. *Климов Г.А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
51. *Климов Г.А.* Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
52. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
53. *Климов Г.А., Алексеев М.Е.* Типология кавказских языков. М., 1980.

54. *Козинский И.Ш.* Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений // Теория и типология местоимений. М., 1980.
55. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л., 1980: 25-50.
56. *Кузнецов П.И.* О происхождении тюркских падежных аффиксов // ВЯ, 1994, №2: 119-131.
57. *Курбанов А.И.* Эргативный падеж и его функции в цахурском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
58. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
59. *Ломтев Т.П.* Принципы построения формулы предложения // НДВШ. Филологические науки. 1969. №5.
60. *Магомедбекова З.М.* Каузатив в аварско-андийских языках // ИКЯ. Т. 20. Тбилиси, 1978.
61. *Магомедбекова З.М.* О некоторых синтаксических особенностях глаголов чувственного восприятия в аварско-андийских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков: Материалы 4-й регион, науч. сесс. по истор.-сравн. изуч. ибер.-кавк. языков. Нальчик, 1977.
62. *Магомедов М.И.* О категории залога в аварском языке // Вопросы кавказского языкознания. Махачкала, 1997.
63. *Магомедов А.А.* Каузатив в лакско-даргинской группе дагестанских языков // Ежегодник иберийски-кавказского языкознания. Тбилиси, 1977. Т. IV.
64. *Магомедов А.А.* Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках // ЕИКЯ. Т. 3. Тбилиси, 1976.
65. *Мадиева Г.И.* Аварский язык. Часть 2. Синтаксис. Махачкала, 1967.
66. *Мадиева Г.И.* Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1980.
67. *Маллаева З.М.* Грамматические категории аварского языка. Модальность, залоговость. Махачкала, 2002.
68. *Маллаева З.М.* Каузативная диатеза аварского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 2. Махачкала, 2000.
69. *Махмудова С.М.* Способы выражения субъектно-объектных отношений в рутульском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1995.

70. *Мейланова У.А.* Функции эргативного падежа в лезгинском языке // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. 3. 1954.
71. *Мейланова У.А., Талибов Б.Б.* Конструкции предложения с переходно-непереходными глаголами в лезгинском языке // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков: Материалы 4-й регион, сесс. по истор.-сравн. изуч. ибер.-кавк. языков. Нальчик. 1977.
72. *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. Л., 1974.
73. *Мельчук И.А., Холодович А.А.* К теории грамматического залога: (определение, исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. № 4.
74. *Мещанинов И.И.* Номинативное и эргативное предложения: Типологическое сопоставление структур. М., 1984.
75. *Мещанинов И.И.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
76. *Мещанинов И.И.* Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.
77. *Муркелинский Г.Б.* О глаголах переходных и непереходных в лакском языке // ЕИКЯ. Т. 4. Тбилиси, 1977.
78. *Мусаев М.-С.М.* Дателный падеж даргинского языка и его происхождение // Гьалмагьдеш, 1981, № 3 (на дарг. яз.).
79. *Мусаев М.-С.М.* Даргинский язык. Махачкала, 2000: 115.
80. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
81. *Недялков В.П.* Типология взаимных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. С.-П.Д991.
82. *Норман Б.Ю.* Переходность, залог, возвратность. Минск, 1972.
83. *Нурмагомедов М.М.* Каузативные глаголы в аварском языке // Тезисы докладов региональной научной конференции молодых ученых, посвященной гуманитарным исследованиям. Махачкала, 1995.
84. *Нурмагомедов М.М.* Структура глагола в аварском языке. Махачкала, 2000.
85. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
86. *Падучева Е.В., Успенский В.А.* Подлежащее или сказуемое? // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1979. Т. 38.

87. *Панфилов В.З.* Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971.
88. *Паремская Д.А.* Немецкая грамматика. Минск, 2000: 350.
89. *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
90. *Полинская М.С.* Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Автореф. дис... канд. филол. наук. М, 1986.
91. *Саидов М.-С.Д.* Краткий грамматический очерк аварского языка // Аварско-русский словарь. М., 1967.
92. *Саидова П.А.* К спряжению глагола в закатальском диалекте аварского языка // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.
93. *Сетир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М.-Л., 1934.
94. *Соболева П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1981: 204.
95. *Степанов Ю.С.* Иерархия имен и ранги субъектов // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1970. Т. 38. №4.227
96. *Сулейманов Б.С.* Синтаксис даргинского языка (Пособие для студентов). Махачкала, 1966 (на дарг. яз.).
97. *Тенишев Э.Р.* Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961: 293.
98. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
99. *Тестелец Я.Г.* Эргативная конструкция и эргативообразное построение: Автореф, дис.,...канд. филол. наук. М., 1986.
100. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
101. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.
102. *Топуриа Г.В.* Вопросы морфологии склонения в дагестанских языках // ВЯ, 1987а, № 1.
103. *Топуриа Г.В.* Морфология склонения в дагестанских языках. Автореф. дис... докт. филол. наук. Тбилиси, 1987.
104. *Топуриа Г.В.* О взаимоотношении эргативного и местного IV падежей в лезгинском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.
105. *Топуриа Г.В.* Эргатив самостоятельный и эргатив совмещающий, их функции в иберийско-кавказских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков: Материалы 4-й регион, сесс. по истор.-сравн. изуч. ибер.-кавк. языков. Нальчик, 1977.

106. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Ш. Аварский язык. Тифлис, 1889.
107. *Услар П.К.* Этнография Кавказа: Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888.
108. *Хайдаков С. М.* Система глагола в дагестанских языках. М., 1975.
109. *Ханмагомедов Б.Г.-К* К истории образования эргатива в языках восточно-лезгинской группы // Учен, зап; ИИЯЛ. Т. 4. Махачкала, 1958.
110. *Ханмагомедов Б.Г.-К.* Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков: Автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1958.
111. *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
112. *Храковский А.А.* Miscellaneamarginaliaque// Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. Л., 1974.
113. *Храковский В.С.* Залог и рефлексив // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
114. *Храковский В.С.* Пассивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. С.-П., 1991.
115. *Церцвадзе И.И.* Об одном форманте эргативного падежа в аварском языке // ИКЯ. Т. 12. Тбилиси, 1962.
116. *Чикобава А.С.* Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948.
117. *Чикобава А.С.* К истории образования эргатива в аварском языке // ИКЯ. Т. 2. Тбилиси, 1948.
118. *Чикобава А.С.* Об историческом взаимодействии переходности глагола и категории залога в картвельских языках // ЕИКЯ. Тбилиси, 1981. Т. VIII.
119. *Чикобава А.С., Церцвадзе И.И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962(на груз.яз.).
120. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
121. *Шейхов Э.М.* О формальном выражении переходности глагола в лезгинском языке // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980.
122. *Шейхов Э.М.* Лабильные глаголы и лабильная конструкция предложения в лезгинском языке // ЕИКЯ. Т. 14. Тбилиси, 1987.

123. *Шейхов Э.М.* Лексико-грамматические классы глаголов в лезгинском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1983.

124. *Шмелев Д.Н.* Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

125. *Шухардт Г.* Об активном и пассивном характере переходного глагола// Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

126. *Эльдарова У.З.* Категория падежа в аварском литературном языке. АКД. Махачкала, 1975.

127. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов (Исследования и материалы). Л., 1967.

128. Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. *Anderson S.R.* On the syntax of ergative languages // *Proceedings of the 11th International Congress of Linguists*. V. 2. Bologna, 1974.
2. *Bechert J.* Zuden Teilendeseinfachen Satzes im Awarischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 85. B, I. H., 1971.
3. *Bonnard H.* Code du français courant. P., 1782. *Grammaire Larousse du XX ième siècle*. P., 1936.
4. *Brondal V.* L'autonomie de la Syntaxe / *Essais de linguistique générale*. Copenhague, 1943.
5. *Bouda E.* Subjekt und Objektkasus beim awarischen Verbum // *Caucasica*. Fasc. 9. Leipzig, 1931.
6. *Brunot F.* La pensée et la langue. P., 1965: 366.
7. *Catford J.C.* Ergativity in Caucasian languages // *NELS*.
8. *Comrie B.* Ergativity // *Syntactic typology: Studies in the phenomenology of Language*. Austin, 1978.
9. *Damourette I. et Pichon E.* Des mots à la pensée: *Essai de grammaire de la langue française*. T.V. P., 1911-1936: 662, 663, 646.
10. *Dirr A.* Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.
11. *Dixon R.M.W.* Ergativity // *Language*. V. 55, 1979, № 1.
12. *Duboir I. et al.* Dictionnaire de linguistique. P., 1973: 397.
13. *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979.
14. *Fillmore Ch. J.* Subjects, speakers and roles... -*Synthese*, 1970, vol.21.
15. *Galichet G.* Grammaire structurale du français moderne. P., 1967: 105.
16. *Sauvageot A.* Français écrit, français parlé. P., 1962: 130-131.
17. *Wagner R.-L., Pinchon I.* Grammaire du français classique et moderne. P., 1962: 286-287.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ	9
§1. Общая характеристика категории залога	9
§2. Категория залога в русском языке	20
§3. Исследование категории залога во французском языке	22
§4. Исследование залога в кумыкском языке.....	27
§5. Залог в английском языке	33
ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ЗАЛОГА В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ	62
§1. Залог и субъектно-объектные отношения в аварском языке	62
§2. Конструкция залога в аварском языке.....	71
§3. Семантика залога в аварском языке.....	83
§4. Словообразование в сфере глагола	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	116
БИБЛИОГРАФИЯ.....	117
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ	125

Научное издание

Даниял Магомедович Магомедов, Исрафил Исмаилович Эфендиев
Патимат Багавдиновна Шахбанова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В
РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Формат 60x84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 7,9. Заказ № 140-24. Тир. 300 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45

“ФОРМАТ”